

Т
В
О
И

О
Г
Н
И

КАРАГАНДА

КАЗАХСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АЛМА-АТА 1961

Абдильда ТАЖИБАЕВ

поэт и жизнь

Составитель Н. Ровенский

Оторвавшись от рек, озера плесневеют — человек в одиночестве тоже черствеет; без прилива озеро обнажает дно — тоскливое сердце лишь себя отравляет. Но в жизни чаще по-другому бывает. Если сила коня познается на скачках, то талант поэта познается по тому, как принимает его народ. И тот не может считать себя поэтом, чей талант не раскрылся перед людьми... Ведь огонь хорош без дыма. Он излучает тепло и свет. Но если костер не горит, а лишь чадит и дымит, то кашель сожмет горло, человек отойдет от такого «костра». Бывают поэты с ярким талантом, но бывают и такие, что лишь дымят.

... Кругом равнина, давно опустилась ночь. Безмолвие. Бесшумно скользит река. На берегу, как призрак, стоит одинокий поэт. А чуть ниже, на изгибе реки, лежит разбитая лодка.

Какое ощущение, какое настроение навевает это видение? Каков смысл картины, нарисованной поэтом?

Я был очевидцем, когда поэт читал свои стихи в большом зале перед молодыми людьми. Стихи были хорошо написаны, музыкальны, но музыка их была холодной, тоскливой, безысходной. Она не соответствовала жизнерадостному настроению слушателей. Прочитав свою тоскливую песню, поэт низко поклонился, но аплодисменты не раздалось. Все это заставило меня задуматься...

Если мы не хотим, чтобы наши молодые, талантливые поэты рано зачахли, как чахнут орлы, сидящие под томагой¹, мы должны заставлять их чаще подставлять грудь ветрам и

Кожаный колпачок, закрывающий глаза орла

бурям, смело шагать вместе с теми, кто строит жизнь. Поэт должен быть подобен птице, раскрывающей крылья навстречу ветру. Чести достоин лишь тот поэт, который вместе с народом шагает по трудной дороге жизни, испытывая все ее невзгоды, ощущая все радости,— вот что решил я про себя в тот вечер...

И вот сорок писателей отправились в Караганду. Кое-кому казалось, что нас слишком много. Но для Караганды это было лишь каплей в море. Мы потерялись среди строек и шахт.

... Все глубже идут лавы, все дальше движутся комбайны, стремительно бежит впереди электрический свет. Шагаешь рядом с людьми, воле которых подчинено это подземное царство, удивляешься, восхищаешься силе человека. Где-то в самой глубине сердца рождаются новые ритмы, новые слова. Поэт Гафу Каирбеков вслух произносит первые две строки своего нового стихотворения. Эти строки кажутся нам прекрасными. Поэт одухотворил и воспел то, что мы видели. А потом на литературном вечере Гафу Каирбеков поднялся на трибуну, и мы слышали завершающие строфы его нового стихотворения.

«... Я свой огонек сливаю с вашими огнями,
Чтоб вместе гореть века...» —

эти строки, к сожалению, много теряющие в подстрочнике, взволновали слушателей, зал рукоплескал. Я с восторгом и завистью смотрел на Гафу. Его стихи нашли горячий отклик в сердцах слушателей.

Своеобразна и хороша поэзия необъятной, широкой степи нашей. Какие эпические картины были созданы народом в его устном творчестве! Когда-то для народа казалась загадочной и опасной «даль», а «безводие» было страшным врагом. Песчаные и снежные смерчи, достигавшие туч, казались страшными лицами. Мы до сих пор помним белых и черных великанов из поэзии тех времен. И батыров из народного эпоса мы любим за то, что они всегда побеждали злых великанов, не боялись бурь и песков. В народных дастанах воспевалась сила и воля человека, родная степь наша. Без оптимизма, без надежды народ не смог бы жить: у него не было бы моральной и духовной опоры.

Давайте сегодня еще раз оглядим нашу степь, давайте сравним народную мечту, высказанную в эпосах, с сегодняшней действительностью.

Сколько заводов, городов родилось в степи нашей! Вот Темир-Тау. Здесь КарГРЭС — мощная, величественная, осветившая весь Центральный Казахстан, давшая жизнь заводам и фабрикам, шахтам и рудникам. Рядом — мартены Казах-

станского металлургического завода. Они похожи на огнедышащее животное, в пасти которого плавятся сталь и чугун. В какой сказке вы слышали про это! Все эти машины подчинены воле человека. Человек сильнее всех.

Не прошло и двадцати лет, как были построены Темир-Тау и завод этот, но люди уже применяют к ним эпитеты «старый город», «старый завод». Теперь слово «новый» относится к строящейся рядом Сары-Аркинской Магнитке.

Сорок писателей выглядели маленькой, незаметной кучкой людей перед гигантской домной, поднявшейся ввысь. Холодный ветер, несмолкающий гул железа. Не всякий в такую погоду сможет подняться вверх, Таир Жароков с восхищением смотрит туда, где управляет краном юная Раиса. Нашептывая тут же рождающийся стих, он поднимается к ней. Забыв о холоде и о старости, тянется ввысь поэт Гали Орманов. Он не может оторвать взгляда от Нуркена Батырбекова, работающего на самой вершине домны. Обнажив седую голову, Галеке тут же экспромтом читает свои стихи, посвященные Нуркену. К слову сказать, в эти дни мы были удивлены: Гали Орманов, которого раньше знали как нежного лирика, вдруг начал писать эпические песни и выступил как поэт-трибун. Строителям домны посвятили свои стихи и Музафар Алимбаев, Аманжол Шамкенов, Туманбай Молдагалиев. Если прибавить к ним стихи Леонида Кривошекова, Федора Моргуна, Михаила Балыкина, то можно убедиться, насколько плодотворным был каждый день месячника для казахстанских поэтов.

Стихи создавались на русском и казахском языках, но герои этих произведений были одни и те же — строители домны. Дух интернационализма обитает и в наших стройках, и в творчестве нашем.

Нужно уметь не только брать у жизни, а и помогать строить эту жизнь. Мы должны уметь закалять поэтическую сталь, создавать стихи, достойные наших современников.

Удивительно сильна любовь наших рабочих, строителей к поэзии. В этом мы убедились еще раз, сидя в переполненных дворцах шахтеров и металлургов Темир-Тау, Сарани, Караганды. Герои песен и поэм находились в залах, создатели песен выступали с трибуны. Много у нас агитаторов, много пропагандистов новой жизни.

В один из дней месячника любители поэзии заполнили книжные магазины.

— Поставьте свой автограф для моего сына. Лучше стихами напишите, чтоб надолго запомнить,— улыбается старый шахтер.

— Как зовут вашего сына?

— Марс. В мае ему исполнится два года...

Возможно, что вдохновение родилось при мысли о счастливом ребенке, быть может, виновником было слово Марс, ставшее теперь для нас обыденным,— неизвестно. Но стихи родились сразу. Поэт прочитал их во весь голос. Стены магазина дрогнули от рукоплесканий покупателей. Отец Марса еще и еще раз крепко пожал руку поэта...

Хочется снова повторить: оторвавшись от рек, озера плесневеют, человек в одиночестве тоже черствеет. Для поэтов и писателей нет жизни без народа. Поэт без слушателей подобен соловью, поющему в пустыне. Истина эта еще раз подтвердилась. Наше пребывание в Караганде явилось еще одной ступенью на пути поэтического роста. И в стихах, и в романах будущих своих мы скажем спасибо той матери, которая создает все для нашего вдохновенного труда,— спасибо нашей великой партии!

Михаил СОЛОМЕНЦЕВ,

первый секретарь Карагандинского обкома КП Казахстана.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Неисчерпаемой кладовой природных богатств Советского Союза назвал нашу республику Никита Сергеевич Хрущев. Сердце этой обширнейшей кладовой — Центральный Казахстан, Карагандинская область. В менделеевской таблице трудно найти такой элемент, который бы не хранился в ее недрах. День и ночь гремят поезда по стальным магистралям: идет уголь Караганды, медь Балхаша, сталь и прокат Темир-Тау, руда Джезказгана и Атасу. В наших степях начинается и край поднятой целины. Немало зерна, мяса и молока дают карагандинские совхозы и колхозы.

Сегодняшний день области — это неуклонное движение вперед. Сооружается гигант черной металлургии — Казахстанская Магнитка. В строительных лесах Джезказган. Растут новые шахты в Тентеке и Шахане... С каждым годом все больше вступает в строй новых предприятий, появляются новые поселки, города. Увеличивают выпуск продукции заводы, шахты и фабрики. Все больше побед одерживают и труженники сельского хозяйства. Люди стали жить лучше, богаче, шире стал круг их культурных запросов.

В стремительной поступи Караганды — поступь нашей семилетки.

XXI съезд Коммунистической партии наметил на семилетку особенно бурные темпы развития восточных районов страны и Казахстана, в том числе Карагандинской области. Нас зовут вперед новые рубежи, и можно не сомневаться, что они будут взяты.

Но прежде чем подробно рассказывать о сегодняшнем и завтрашнем дне нашей области, как не вспомнить, с чего здесь все начиналось. Это тем более уместно в дни, когда республика готовится к своему славному сорокалетию.

Дореволюционная карта нынешней Карагандинской области была почти сплошным белым пятном, мало чем отличающимся от неисследованных пустынь. Редкие названия населенных пунктов и сиротливые цепочки караванных троп... Степь, безводье, безлюдье. На огромной территории этой части бывшей Акмолинской губернии, на которой могло бы разместиться несколько европейских государств, были медный рудник и медеплавильный заводик, три маленьких шахтенки. В 1913 году на этих, так сказать, «предприятиях» было занято немногим более пятисот рабочих, их жестоко эксплуатировали русские купцы, французские и английские капиталисты. Уголь добывался вручную: обушок, санки и бадья — вот и вся механизация. За 63 дореволюционных года в Караганде было добыто 1,2 миллиона тонн угля — меньше, чем добывается сейчас шахтерами бассейна за две недели! Рабочим платили гроши, а заставляли трудиться до седьмого пота, обирали штрафами. Ни о каком, конечно, культурном и медицинском обслуживании не было и речи. В границах нынешней области был один фельдшер, работала одна школа с 45 учащимися и одна небольшая библиотека в Каркаралинске.

Октябрьская революция вышвырнула непрошенных гостей из казахстанской кладовой. Пришел настоящий хозяин народных богатств — Советская власть.

В 1920 году Коммунистическая партия и Советское правительство обратили серьезное внимание на Карагандинское угольное месторождение. По указанию В. И. Ленина сюда была направлена экспедиция во главе с А. А. Гапеевым. Эта экспедиция по-хозяйски определила возможности Караганды.

Вскоре после этого начались геологоразведочные работы, и в Джекказгане. Был произведен первый подсчет геологических богатств. Много сделали, чтобы поставить на службу Родине медные богатства области, наши известные ученые К. И. Сатпаев, С. Ш. Сейфуллин и другие. В 1928 году в Кунраде, близ озера Балхаш, экспедиция во главе с М. П. Русаковым открывает залежи медной руды.

Нет, оказывается, не одной солью богата киргиз-кайсацкая степь, как думали столетие назад некоторые путешественники. Карта полезных ископаемых решительно изменена. Уголь, медь, железо, цинк, молибден, марганец, вольфрам — вот далеко не полный перечень природных богатств карагандинской кладовой. Использование их неузнаваемо преобразило карту области.

Караганда, по сути дела, воздвигалась в пустыне. В начале пятилетки в одном из литературных журналов можно было прочесть такое описание начала стройки:

«Голая степь. Нигде ни садовка, ни кустика. Желтоватыми бугорками торчат юрты около Караганды. Идет стройка. Женщины таскают на носилках, возят на верблюдах и лошадях песок, камни, глину. Рядом ползут тяжелые тракторы, ухают паровые машины. У стен саманных построек — вороха домашнего скарба. Рабочие в ожидании новых жилищ живут в землянках. Тут же под открытым небом на сложенных из кирпича плитах и печах пекут хлеб, кипятят чай...»

Но советские люди успешно преодолевали все трудности. Руку братской помощи казахским горнякам протягивали шахтеры Донбасса. Из Сталино, Горловки, Луганска прибывали эшелоны добровольцев — строить, работать, учить.

Росли шахты, рядом строились школы, больницы, клубы. Рабочий поселок Караганда постепенно становился городом. На шахты поступала новая техника — врубковые машины, электровозы, транспортеры. Росли ряды ударников; появилась большая тяга к овладению техническими знаниями. Создавались национальные шахтерские кадры. Вчерашние пастухи становились командирами производства — мастерами, техниками, инженерами. Бурно развивалась культура. Создавались театры — казахский и русский, библиотеки, институты, техникумы. Подымались кварталы нового города и благоустроенных рабочих поселков.

Карагандинские шахтеры своим самоотверженным трудом вписали не одну славную страницу и в борьбу за победу над врагом в годы Великой Отечественной войны.

Карагандинский бассейн в период послевоенных пятилеток вышел на первое место в стране по уровню механизации добычи угля. Здесь впервые в Советском Союзе был внедрен в производство угольные комбайны, сконструированный талантливым изобретателем, бывшим главным механиком шахты № 31 коммунистом С. С. Макаровым. На многих шахтах успешно работает высокопроизводительный угольный комбайн «Донбасс». В Караганде была достигнута самая высокая в СССР месячная производительность на комбайн. Всей стране стали известны имена знатных механизаторов В. Величкина, Ф. Бушинского и Е. Таушкина, избранного депутатом Верховного Совета Союза ССР. В городе появились крупные предприятия горнорудного машиностроения, выпускающие оборудование для шахт. Теперь на передовые шахты Караганды,

на предприятия Балхаша едут учиться рабочие из народного Китая, Чехословакии и Польши.

Караганда становится не только крупным промышленным, но и культурным центром республики. Почти пятнадцать тысяч студентов учатся в высших и средних специальных учебных заведениях. С 1953 года при медицинском институте создана аспирантура. В городе сейчас несколько крупных научно-исследовательских и проектных институтов, десятки школ и больниц. Вошел в строй телецентр. Появились сотни многоэтажных домов. Дворец культуры горняков. Дворец спорта с зимним плавательным бассейном, стадион на десять тысяч мест. Десятки километров улиц покрыты асфальтом и одеты в зелень. Город, насчитывающий около четырехсот тысяч жителей — ныне центр Карагандинского экономического района и один из самых благоустроенных и растущих городов республики.

Облик Караганды как бы воплощает в себе главные черты социалистического города.

Примечательна история и других городов области... Пятнадцать лет назад там, где сейчас раскинулись кварталы Сарани, была такая же степь, как тридцатилетие назад на территории Новой Караганды. Ныне в этом недавно нанесенном на карту городе с его поселками угольщиков и строителей проживают около ста тысяч жителей. Здесь построены крупные шахты, оснащенные первоклассным оборудованием. Они дают стране ежегодно миллионы тонн угля. Сарань бурно развивается вширь и вглубь. И как новый наиболее перспективный район Карагандинского угольного бассейна, и как молодой город.

В 1931 году на берегу озера Балхаш началось сооружение медеплавильного завода. Первостроители в ту пору жили в землянках. Тогда не было сборнощитовых домов. На верблюдах караванными тропами, на баржах по озеру доставлялись оборудование, строительные материалы. Рука об руку с казахами здесь трудились посланцы братских республик. Одному из балхашских поселков было присвоено название Метро, в честь прибывшей сюда по указанию Серго Орджоникидзе большой группы московских метростроителей. В 1938 году первый конвертер металлургического цеха выдал черновую медь. Небезынтересно напомнить, что всего тридцать лет назад Большая Советская Энциклопедия писала о Балхаше: «... Судоходства нет. Берега пустынные вследствие массы комаров, мешающих пастыбе стад. В зарослях камыша много кабанов, встречаются даже тигры...»

Балхаш — очень четко и красочно спланированный город. Его широкие асфальтированные проспекты, его многоэтажные

дома, зелень парков и скверов, чудесная бухта придают молодому индустриальному городу необыкновенную привлекательность. В Балхаше сейчас семьдесят тысяч жителей. К их услугам великолепный Дворец культуры металлургов, многочисленные клубы и библиотеки, в том числе одна из лучших в республике детская библиотека.

Сердце города, его гордость — заводы. До четырехсот отечественных и зарубежных предприятий получают балхашскую медь и прокат.

* * *

В двадцатые и тридцатые годы уходит история рождения Джезказгана — одного из перспективнейших промышленных центров страны. Крупнейший ученый-геолог, президент Казахской Академии наук Каныш Имантаевич Сатпаев, посвятивший три десятилетия своей жизни исследованию этого района, называет Джезказган жемчужиной страны. Руда содержит в себе меди в два раза больше, чем руда основных медных рудников США. Неглубокое залегание мощных рудных тел позволяет применять наиболее производительные системы добычи, включая и карьерные разработки. Сама природа славно потрудились здесь для того, чтобы медь, выплавленная из джезказганской руды, была самой дешевой в стране. В Джезказгане построены мощные современные шахты, где на подземной добыче руды успешно применяются экскаваторы. Быстрыми темпами расширяется крупнейший Златоуст-Беловский карьер.

Так на границе знойных приаральских пустынь сооружается благоустроенный промышленный город, встречающий семилетку лесами новостроек.

* * *

Гордостью области и республики является город Темир-Тау, поднявшийся волей Коммунистической партии на берегу Нуринского водохранилища. В суровые годы Великой Отечественной войны здесь выдали плавку, первые казахстанские мартены. Вступили в строй первые казахстанские прокатные станы. Тогда же здесь началось строительство и завода синтетического каучука.

Темир-Тау знаменит не только своей металлургической промышленностью, не только индустриальной химией, но и своей мощной энергетической базой. Строители, монтажники, героически преодолевая трудности военной поры, в 1942 году

вдохнули жизнь в первые турбины Карагандинской электростанции, давшей энергию всему Карагандинскому промышленному району. А первенец черной металлургии республики — Казахский металлургический завод стал как бы провозвестником еще одной победы, которая куется сейчас на огромнейшей строительной площадке гиганта черной металлургии в Темир-Тау.

Большой Карагандинский завод уже в 1960 году дал первый чугун. Это крупнейшее предприятие, уже получившее в народе имя Казахстанской Магнитки, занимает важное место в планах развития производительных сил восточных районов страны. Наша Магнитка коренным образом повлияет на развитие всего народного хозяйства не только Карагандинского экономического района, но и всей республики, выдавая металл для развивающегося машиностроения. Карагандинский металлургический завод специализируется на выпуске листового проката, в том числе холодно- и горячекатанного стального листа, черной, белой и полированной жести. Надо сказать, что наша страна по уровню выпуска такого проката пока еще отстает от Америки и Англии. Пуск Карагандинского завода поможет выиграть и в этом соревновании с капиталистическими странами.

Когда Родина будет получать больше листового проката, у нас появится больше автомобилей, тракторов, комбайнов и других машин. А больше — это значит — и дешевле, следовательно, повысится и материальный уровень народа.

Строительство Казахстанской Магнитки находится в центре внимания партии и правительства, всего советского народа. Предприятия тридцати пяти совнархозов страны шлют сюда оборудование. Посланцев едва ли не всех областей и республик можно встретить среди 25-тысячного коллектива строителей. Сооружение завода приобрело поистине всенародный размах и является предметом особой заботы нашей партийной организации. С помощью ЦК КПСС и ЦК КП Казахстана коллектив Казахстанской Магнитки успешно преодолевает недостатки и трудности. Строительство набирает высокие темпы. Сейчас завершаются предпусковые работы на первой комсомольской домне, начато сооружение второй домны.

Замечательный город растет рядом с корпусами завода. Каждый день приходят отсюда добрые вести: то открыт новый магазин, то начато строительство школы, то распахнулись двери детского сада, то заложен фундамент новой столовой....

Когда вечером подъезжаешь к Казахстанской Магнитке, перед глазами вспыхивают десятки тысяч электрических ог-

ней, уходящих за горизонт, и становится особенно отчетливо видно, как много сделали здесь советские люди.

Казахстанская Магнитка изменяет карту области. Она дала жизнь новым, будущим шахтерским городам — Тентеку, Шахану, где скоро вступят в строй шахты с коксующимся углем. В самом сердце Центрального Казахстана строится Атасуйский железный рудник — рудная база завода.

Казахстанская Магнитка на устах и у карагандинцев: артисты едут туда с новыми спектаклями, студенты по-дружески встречаются с молодыми строителями, лекторы тоже спешат к строителям с новой лекцией, железнодорожники дают «зеленую улицу» грузам для строительства.

Казахстанская Магнитка стала хорошей школой для огромного коллектива. Его большинство составляет молодежь, только вступающая на трудовой путь. В Темир-Тау родилось немало патриотических начинаний, которые наглядно свидетельствуют о замечательных чертах молодых рабочих, горячо полюбивших свой молодой город, свою стройку.

У всех у них одно желание, одно стремление: сделать все для того, чтобы Родина как можно скорее получила казахстанский чугун. Наиболее ярко это проявляется в работе бригад коммунистического труда. Вот хотя бы бригада, возглавляемая Иваном Радзевилковым. В декабре 1959 года она дала слово выполнить задание семилетки на три года раньше срока. Казалось, за непосильное дело взялись. Но прошел первый, второй и третий месяц — бригада работает так, как наметила. Самое трудное дело становится посильным, если в него вложено горячее сердце. У бригады Радзевилова нашлись последователи во многих управлениях строительства.

Тысячи людей нашли здесь свое место и цель жизни, свое призвание. И когда-нибудь, когда во весь свой богатырский рост встанут домны и корпуса Казахстанской Магнитки, в ее летописи с большим уважением будут читать имена первостроителей из бригад А. Пшеничникова, Лопатюка, Сысоевой, Бахаева, Шпенста и многих, многих других.

Что еще характерно для коллектива строителей Магнитки — это дружба людей разных национальностей, это уважение молодежи к пожилым строителям — тем, кто строил металлургические заводы на Украине, Урале и в Сибири, кто участвовал в созидании Караганды и Балхаша. Так, всеобщим заслуженным уважением пользуется на стройке Герой Социалистического Труда Укен Турмагамбетов. Он строил первые дома в Темир-Тау, а сейчас учит молодежь.

Замечательные люди, воспитанные Коммунистической партией, вершат большие дела на промышленных предприя-

тиях, стройках и на селе. Для них творческий, упорный труд становится необходимостью. Глядя на таких людей, зримо осознаешь, как на наших глазах рождается новый человек — человек будущего коммунистического общества.

Джезказганский горняк Иосиф Барановский, последователь Валентины Гагановой, возглавляет отстающую бригаду и не только выводит ее в передовые, но идет с ней на самый трудный участок шахты и доказывает, что и там можно работать высокопроизводительно.

Механик подъема шахты № 35 Борис Нечесов, желая как можно больше облегчить труд горняков, совершенствует шахтные механизмы, упорно добивается внедрения своих новшеств и этим самым экономит для государства сотни тысяч рублей.

Подчинять личные интересы общественному делу — стало девизом коллективов, широко развернувших социалистическое соревнование, вставших под знамена коммунистического труда. Почин бригад станции Москва-Сортировочная нашел горячую поддержку на предприятиях Карагандинской области. Более пятисот коллективов борются у нас сейчас за звание бригад коммунистического труда, многие из них по праву завоевали это почетное звание. Именно они — трудовая гвардия области — идут во главе похода семилетки.

* * *

До революции сельское хозяйство на территории Карагандинской области велось на крайне низком уровне, было малопродуктивным. Мелким единоличным хозяйствам не под силу была борьба с суровой природой. Зерновыми засевалось немногим более ста тысяч гектаров, да и то в основном в нынешних северных районах. Урожаи были очень низкими. Овощей здесь почти не знали, тем более — фруктов. Считали, что не будут расти: плохие земли, сушь...

Животноводство — основное занятие местного населения — также было отсталым, кочевым, пассивно приспособившимся к засушливому лету и метельной морозной зиме.

Коллективизация, создание крупных совхозов сыграли огромную роль в превращении сельского хозяйства в высоко механизированное, многоотраслевое. Уже перед войной посевные площади увеличились в два раза, почти в пять раз больше стало выращиваться овощей и картофеля. Вокруг быстро растущего города Караганды начала складываться зона пригородных хозяйств овощеводческого и молочного направления.

Но все ранее установившиеся представления о возможностях сельского хозяйства области были сломаны после 1953 года, — года исторического сентябрьского Пленума ЦК КПСС, когда нашей партией был взят верный курс на крутой подъем сельскохозяйственного производства. И карагандинская земля стала давать такие урожаи, о которых в прежние годы и не мечтали. Самоотверженным трудом патриотов — покорителей целины было поднято миллион двести тысяч гектаров новых земель. Резко увеличилось поголовье и продуктивность скота. В 1958 году государство получило от карагандинских хлеборобов в десять раз больше зерна, чем в 1953 году. Область из потребляющей хлеб превратилась в производящую. Почти в четыре раза выросло производство мяса, в два с лишним раза — производство молока. Успехи тружеников сельского хозяйства были высоко оценены партией и правительством. Область была награждена высшей наградой — орденом Ленина.

Семилетку труженики сельского хозяйства области встретили, если можно так образно выразиться, — на марше, в походе. Курс на изобилие, поставленный партией, воодушевляет на новые подвиги, рождает новых энтузиастов, борцов за изобилие.

Приведу только два примера, очень характерных для последнего времени.

Совсем недавно всей республике стало известно имя нашего земляка Калистрата Афанасьева — свинаря совхоза № 4 Осакаровского района. Этот скромный, застенчивый, с виду не очень сильный человек честно трудился на своем посту, выращивая свиней. Прослышав о замечательном почете украинского свинаря Героя Социалистического Труда Ярослава Чижа, Калистрат Афанасьев подумал, что и он ведь не слабее, и у него на ферме тысяча свиней. Верно, у Ярослава мясо подешевле сдается — значит, надо у него поучиться. И Афанасьев написал украинскому свинарю: «Давай соревноваться!» Чиж охотно согласился. Калистрат сразу же принялся за дело: занялся механизацией фермы, стал учиться водить трактор. В феврале сдал первую партию свиней: для начала хорошо — себестоимость каждого центнера снизилась до 226 рублей — всего на два рубля выше, чем добился в прошлом году Чиж. Можно не сомневаться, что Афанасьев сдержит свое слово: в нем есть она, эта трудовая сила и хватка, которая приводит к подвигу.

Запомнилось мне выступление молодой доярки Раи Какуши из того же Осакаровского района на областном совещании передовиков сельского хозяйства. В 1958 году она закон-

чила школу, пришла на ферму. Буквально за один год она сумела увеличить надои от каждой закрепленной за ней коровы на целую тысячу литров. Разве это не подвиг?

* * *

Много предстоит сделать в нынешней семилетке трудящимся нашей области. Рубежи первого года взяты в основном успешно. Годовой план выпуска валовой продукции в 1959 году выполнен досрочно на 103 процента. Определены и дальнейшие рубежи.

Наша область занимает ведущее место в республике по развитию производительных сил — она дает значительную часть продукции, выпускаемой промышленностью Казахстана. Выгодное и удобное расположение природных богатств предопределило то, что в семилетке область будет развиваться более быстрыми темпами, нежели другие.

Преимущественное развитие получают черная и цветная металлургия, угольная, химическая и машиностроительная промышленность. Далеко шагнет и сельское хозяйство. Соответственно будут развиваться транспорт и связь, народное образование, наука и культура.

Приведем цифры. Выпуск валовой продукции за семилетку возрастет в 2,5 раза, в том числе: в черной металлургии — в 17 раз, в цветной металлургии — в 4 раза, в химической промышленности — в 4 раза, в машиностроении — в 2,8, в легкой промышленности — в 8,6 раза, пищевой — в 2,1 раза.

За счет чего это будет сделано?

К концу семилетки на территории области вступят в строй 11 новых крупных предприятий, а также будут проведены реконструкция и расширение существующих.

Среди этих 77, как уже говорилось, такой гигант, как Карагандинский металлургический завод — первое металлургическое предприятие с полным металлургическим циклом в Казахстане и Средней Азии. В результате Караганда — ныне третья угольная база страны — станет важнейшей частью третьей металлургической базы СССР, первенцом которой является Казахстанская Магнитка. Будут построены горно-рудные предприятия Атасу, двадцать новых угольных шахт даст ток Карагандинская ГРЭС-2.

Замечательные перемены принесет области канал Иртыш — Караганда. Уже разработана и утверждена проектная документация на сооружение первой очереди канала. Свое начало он возьмет у села Ермак на Иртыше, далее пройдет по целинным землям Павлодарской и Карагандинской областей. Двадцать одна насосная станция будут поднимать воду

на водораздел между речками Шидерты и Нура на высоту 470 метров и перекачивать часть в Самаркандское водохранилище возле г. Темир-Тау, для обеспечения нужд Казахстанской Магнитки, а по специальному каналу — в резервное хранилище, расположенное в долине реки Копыхты у станции Караганда-Сортировочная. Общая длина этого большого гидротехнического сооружения составит 468 километров. Придется произвести только земляных работ общим объемом в 89,6 миллиона кубометров. Летом 1960 года строители вышли на трассу канала.

Огромный объем работ будет выполнен в Джекказгане: строительство обогатительной фабрики, новых шахт и цехов, коренная реконструкция ныне действующих. Один Златоуст-Беловский карьер по окончании строительства будет давать столько руды, сколько дают ее сейчас все шахты рудника.

Предусмотрено улучшение технологии на шахтах, на обогатительных фабриках, причем впервые в нашей стране начнутся работы по полной автоматизации всех процессов обогащения руды.

В три раза возрастет мощность энергетической базы Джекказганского комбината. Большой Джекказган превратится за семилетие в Магнитку цветной металлургии, в крупнейший культурный центр нашей республики.

Увеличится и добыча угля. Бассейн будет давать около сорока миллионов тонн угля в год, широкое распространение на шахтах получит комплексная механизация и автоматизация.

Большие успехи ожидаются на переднем крае химии Караганды. Намечено завершить строительство Карагандинского завода синтетического каучука.

Машиностроительные заводы расширят выпуск продукции. Караганда будет выпускать свои угольные комбайны, обогатительные агрегаты, башенные краны и другие машины, механизмы и оборудование, в том числе запасные части для нужд сельского хозяйства, изделия бытового и санитарно-технического назначения.

Возрастет грузооборот железных дорог, начнется строительство железнодорожной линии Актогай — Караганда, — трассы, связывающей наш город с Китайской Народной Республикой.

За семилетие войдут в строй пятьдесят новых предприятий легкой и пищевой промышленности: мясокомбинаты в Балхаше, Джекказгане, Темир-Тау, новые молочные заводы, маслозаводы, -жирокомбинаты, шесть хлебозаводов, швейные фабрики в Темир-Тау, Сарани, Джекказгане, новые обувные фабрики, мебельные и другие предприятия.

Трудящиеся области получают не менее 3,6 миллиона квадратных метров жилья.

Капитальные вложения по области составят 29,1 миллиарда рублей из общей суммы по Карагандинскому совнархозу 39,7 миллиарда рублей. Промышленность области пойдет в семилетке семимильными шагами.

Большие задачи стоят и перед тружениками сельского хозяйства области. Колхозы и совхозы будут производить в 2,2 раза больше сельскохозяйственных продуктов. Посевные площади достигнут двух миллионов гектаров. Ежегодно будет производиться до 70 миллионов пудов хлеба. К концу семилетки намечено увеличить поголовье крупного рогатого скота в 1,7 раза, овец и коз — в 3 раза, птицы — в 12 раз. Мяса будет производиться 140 тысяч тонн вместо 40 тысяч тонн в 1958 году, молока 170 тысяч тонн вместо 78 тысяч тонн в 1958 году. В 2—2,5 раза увеличится производство овощей и картофеля. И вполне понятно, чтобы достигнуть этого изобилия, многое придется сделать в отношении механизации трудоемких процессов в сельском хозяйстве.

Дальнейшее развитие в области получит культурное строительство. В полтора раза будет увеличена больничная сеть, в два раза — количество детских садов. За семилетку будет построено 135 школ. Среднее образование без отрыва от производства получают 26 тысяч юношей и девушек. 25 тысяч специалистов со средним специальным и высшим образованием должны дать стране в 1965 году наши институты и техникумы.

Я остановился очень кратко на цифрах и фактах, характеризующих сегодняшний и завтрашний день нашей Караганды, нашего экономического района.

Мне думается, эти цифры, эти факты стремительного роста, эта захватывающая перспектива семилетки в масштабах одной области должны быть творчески обдуманы и изучены нашими писателями, должны стать увлекательнейшим материалом для новых книг о героических советских людях.

Месячник казахстанской литературы в Караганде положил начало дружбе наших прозаиков и поэтов с горняками, металлургами и строителями. Хорошее, многообещающее начало. Но только начало! Месячник — это ведь лишь одна из форм нашего общения, и ограничиться им никак нельзя. Речь идет, на мой взгляд, о систематических связях, о крутом повороте в жизни писательской организации республики.

Изучайте, товарищи писатели, наши планы, жизнь наших людей.

Вспоминаются пророческие слова В. И. Ленина: «Мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы таятся в массе трудящихся... какие силы

таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества.

Наше дело состоит в том, чтобы расчистить дорогу всем этим силам».

И решения исторического XXI съезда партии широко расчистили дорогу творческим силам трудящихся масс. Рабочие, инженерно-технические работники, труженики сельского хозяйства нашей области с большим подъемом борются за претворение в жизнь задач, вытекающих из грандиозной программы семилетки, сделают все возможное, все зависящее от них, чтобы увеличить свой вклад в строительство коммунизма.

Таир ЖАР ОКОВ

ЛАМПОЧКА ШАХТЕРА

У шахты перед сменой шахтеры
Стоят в железных касках, как в строю.
Им вглубь спускаться,
Чтобы угля горы
Стране из недр земных добыть в бою.

Рубиновая лампочка на черной
Железной каске каждого из них.
Их шутки искрометны и задорны,
Как водится среди людей простых.

Муслим сегодня с Михаилом спорят,
Держась за топорщища.
Их черед
Клеть занимать.
Проходят в разговоре,
Шумят.
Обоих черный камень ждет.

Я жму им руки.
А они лукаво
Мне говорят,
Кивнув на шахтный ствол:
— Поосторожней, друг,
Спускайся в лаву —
Она не письменный с удобным креслом стол.

Мне хочется,
Пусть это трудно ль,
Туго ль,

Работать так, как вся Караганда,
Чтоб стих мой стал весомым, словно уголь,
Вобравший жар упорного труда.

Мы в шахте в лифте мчимся метеором
Все вниз, все вглубь, где древних чудищ *слеш...*,
Я вдруг себя почувствовал шахтером,
Дающим на-гора тепло и свет.

Там, наверху,
В лазури солнце брызжет,
А я — во мрак нырнул, как в черный пруд.
Чем углекоп в земных глубинах ниже,
Тем выше ценим мы шахтерский труд.

Гудит комбайн,
Ведомый человеком,
Кромсает уголь он в пластах пород.
Меня в потемках по подземным штрекам
Огонь шахтерской лампочки ведет.

На лбу,
А не на каске — мне сдается —
Сияет лампочка,
Буравя мглу.
Она струит,
Как маленькое солнце,
Луч золотой,
Похожий на иглу.

Я солнце взять хотел с собою в лаву,
— Зачем? — сказала мне Караганда —
Ведь под землей лучи горняцкой славы,
Свет лампочек шахтерских величавый
И солнце дерзновенного труда.

ОГНЕННЫЙ ПОТОК

Несметны сокровища Караганды.
Все больше,
Щедрей,
Полновесней
Дает она уголь за наши труды,
Ну как обойти ее песней?

Воспета и ты,
Моя радость, Нура,
Степиями текущая скромно.
Чугун выплавляет светлей серебра
Сестра твоя — новая домна.

И ей от души
Рукоплещет, как брат,
Степной богатырь
Темир-Тау,
Мартены его жарким блеском слепят,
Ковши наполняя металлом.

Кто домну построил?
Простой человек,
Сроднивший науку и навык,
Такой же, как наш сталевар Алтынбек,
Гроссмейстер мартеновских плавок.

Возник новый город,
И парк молодой
Расправил зеленые ветки.
А в домне бушует огонь золотой,
Клокочет чугун семилетки.

В дома-великаны,
Что встали вокруг,
Где раньше чернели кибитки,
Вложили тепло молодых своих рук
Творцы Казахстанской Магнитки.

Тут русский,
Узбек,
Украинец,
Казах
Трудились на холоде лютом,
Плоды этой дружбы у всех на глазах —
Казахская домна задута.

Труба над мартенами, дым в облака
Курит дни и ночи бессменно,
И пламенно пышут у домны бока,
Чугун обещая отменный.

Казахи не те,
Степь сегодня не та...
Глядите, друзья, зорким оком!
Чугун казахстанский уже не мечта —
Он огненным льется потоком!

ДОРОГА НА ТЕМИР-ТАУ

Геннадий,
Машину веди,
Скорее,
Скорей — в Темир-Тау.
Путь жизни широк.
Эта жизнь
На скорость дает тебе право.

Из угольной Караганды
Мы выехали на рассвете.
Прошли терриконов ряды,
Как веги былых пятилетий.

Я песни шахтерам слагал,
И дружба окрепла с годами.
Стихи обретали накал,
Впитавший сердечное пламя.

Геннадий,
Машину веди!
Ты видишь,
Вдали Темир-Тау.
Путь жизни широк.
Эта жизнь
На скорость дает тебе право.

Сквозная,
Осенняя ширь...
На стройку гляжу с перевала.
Так здравствуй,
Степной богатырь,
В труде молодой запевала!

Твой каупер домны высок,—
Взметнулся он в небо родное.
И скоро чугунный поток
Польется, багровый от зноя.

На стройку ребята спешат —
К лесам Казахстанской Магнитки.
Над озером чайки летят,
Как стали крылатые слитки.

КАМЕНЩИЦА

Комсомолке Тотиш Шагиевой

Возводит Казахстанскую Магнитку
Безусый и напористый народ.
Ему дано — и юности с избытком,
И силы,
Набирающей полет.

На стройке дома встретил я Тотию —
Казашку молодую.
Рядом с ней
Работали такие же простые
Десятки бойких девушек, парней.

И в сапогах и в синих шароварах —
Всем обликом рабочим в этот час —
Она вошла мне в сердце — и недаром! —
Поэмою без радужных прикрас.

Этаж четвертый каменного дома.
Вздымает кирпичи подъемный кран.
Тотиш эта высота знакома,
Ей близок неба голубой экран.

Она передает рукою сильной
Ребятам кирпичи.
А те галдят:
— Опять «конфеты»!
Их у нас — обильно!
Пора нам подавать и «шоколад».

— Держите, если так вы, парни, прытки!—
Их шутке Тотиш смеется в лад.
(Красиво облицованные плитки
Здесь называют нежно «шоколад»).

Затем она сказала мне с улыбкой:
— Взгляните на жилой соседний дом.
Я строила его...
И снова гибко
Склонилась,
Увлеченная трудом.

Я вижу по глазам,
Как радость льется

В ее душе широкою волной.
— Уверена,
Что скоро распахнется
Дверь института и передо мной...

И снова облицованную плитку
Она берет,
Не слыша ничего.

С друзьями Казахстанскую Магнитку
Воздвигнет дочь народа моего.

ОТЕЦ СТАЛЕВАРА

Над озером,
Где зыбь легка,
Сидит рыбак.
Не сводит взора с поплавок
Седой Жакпак.

В широкой шляпе набекрень,
Очки — в дугу,
Сидит он,
Провожая день,
На берегу.

Порою в полное ведро
Он кинет взгляд.
Там рыбы чистым серебром
В воде блестят.

У рыбака довольный вид.
Улов не мал.
Старуха скажет: —
Ай, джигит!
Ай, аксакал!

Чуть шевельнется поплавок
Рыбак замрет.
Рукою делая рывок.
Стан разогнет.

Ему уже за шестьдесят.
Пенсионер.
Но молодо глаза глядят
Другим в пример.

Конечно, он довольно стар.
Но не сдает.
Ведь сын Жакпака — сталевар,
Им горд завод.

Любая жизненная даль
Ему близка.
Как хорошо, что варит сталь
Сын рыбака!

И домна растет,
Как гора из металла.
Ей впору
Крутой небосвод подпирать...
И это вот здесь,
Где давно ль не хватало
Ни рук, ни гвоздей,
Чтоб коня подковать!

НА КАЗАХСТАНСКОЙ МАГНИТКЕ

— Когда-то вот здесь,
На холмах Муздыбая,
Подковывать лошадь
И то не брались,
А ныне — смотрите —
Машина стальная
На наших глазах
Поднимается ввысь,—
Сказал аксакал.
Он монтажником не был,
Но с этим не мог
Примириться никак.
С его головы.
Запрокинутой к небу,
Чуть-чуть не слетел
Стариковский тымак.
А там, в поднебесье,
Колдуя над домной,
Могучего крана
Простерлась рука,
Подняв, словно перышко,
В чаше огромной
Бетон, что утрами
Дымился слегка.
Смеялась
Молоденькая крановщица,
Привет посылая
Веселым кивком...
Подумалось:
Это взлетела орлица
Над ширью степной,
Обновленной трудом.

Нигмет ГАБДУЛЛИН

СЕМЬЯ ШАХТЕРА

Скоро тридцать два года, как я впервые спустился в шахту, где начался мой трудовой путь.

— А сколько вам тогда было лет?

— Двадцать три года.

Мы с интересом слушаем этого человека, его рассказ о большом и многотрудном пути.

/

Знойный день. Дождя давно не было, травы повяли и поблекли. Караковый конь, запряженный в телегу, часто кивая головой и пофыркивая, бежит медленной рысцой. Лошадью правит старик с круглой бородой. Он снимает отороченную мехом шапку и длинным рукавом вытирает пот со лба.

— Ну и погода — жжет и жарит. Намучаемся, пока доберемся до Караганды. Нет ли, милый, у тебя чего-нибудь попить? — повернулся старик к парню, сидящему в телеге.

— Попить нечего. В сумке немного жареного мяса и хлеба, — ответил тот.

— Плохо. — Старик с удивлением стал разглядывать парня. — Пешком шел. А что бы ты делал, если бы не я? От твоею аула до Караганды верст пятьдесят. Солнце палит беспощадно. От жажды умереть можно. Не подумал об этом? Надо бы взять хоть бутылочку воды...

— Мать приготовила турсук айрана... Только я забыл захватить, — ответил парень.

— Э-э, понятно, — улыбнулся старик. — Ты, видно, никогда не отъезжал от дома даже на расстояние аркана. Ста-

рые люди говорили про таких путников: отъедет от дома всего на сорок шагов и уже становится несчастным. На следующий раз запомни... А теперь Расскажи о себе. В Караганду погостить едешь?

— Нет.

— Близких людей навестить?

— Нет.

— За каким же чертом тебя несет в Караганду?

— Работать... Поступлю на шахту...

Старик внимательно оглядел парня.

— На шахту вряд ли возьмут: хрупкий, да и ростом не велик.

— Не знаю... Кто-нибудь поможет устроиться...

— А знакомые есть?

— Нет.

Тогда надейся только на себя, — заключил старик.

Слова старика не огорчили джигита, они даже вселили надежду. «Значит, при желании можно попасть на шахту», — размышлял парень. И снова, уже в который раз, он попытался представить себя шахтером.

Старик молчит, видно, тоже о чем-то думает. Вожжи ослаблены. Караковый, весь в белой пене, бежит рысцой. Однообразно скрипит рассохшаяся телега, монотонно повизгивают колеса.

Выехали на небольшой холм. Впереди показались черные островерхие горы. Джигит привстал, стараясь получше рассмотреть открывавшуюся панораму.

— Островерхий холм около каждой шахты, — пояснил старик. — Чтобы взять уголь под землей, к нему сначала надо дорогу проложить. Землю роют и вывозят наружу. Так и растут холмы. Посмотри, как они тлеют.

— В шахте тоже дым? — С тревогой спросил джигит.

— Врать не буду: чего не знаю, того не знаю. А вот людей, возвращающихся из шахты, видел. Даже знакомого не узнаешь: одни глаза сверкают. Думаешь, легкое дело — добывать уголь под землей? Шахтеры — крепкие люди. Доброго пути тебе, раз решил работать с ними...

В долине, неподалеку от дымящихся холмов, в беспорядке теснились юрты, низкие, вросшие в землю, похожие друг на друга бараки с маленькими и плоскими крышами.

— Вот наш дом. — Старик кнутом показал на длинный барак с двойным окном. — А высокий белый дом — контора четвертой шахты. Запомни.

— Я тут и слезу, — сказал джигит.

— Это еще что такое? — остановил его старик, — поедем к нам, чайку попьем, отдохнем...

— Мне же в контору надо, о работе разузнать,— начал объяснять джигит.

— Ну, как знаешь, милый,— согласился старик.

Юноша простился со стариком и, стараясь запомнить каждую мелочь, чтобы не плутать на обратном пути, направился в контору шахты. Навстречу шли двое рабочих, совершенно черных, с кирками на плечах. Юноша замер, словно увидел какое-то чудо.

— И что ты стоишь посреди дороги?— окликнул юношу один из них.— Никогда не видел шахтеров? Посторонним здесь нельзя шляться! Откуда явился?

— Я не посторонний,— смущаясь и будто оправдываясь, ответил юноша.— Работать приехал. Хочу стать шахтером. Мне надо в контору.

— Понятно, понятно. Ну, что ж, пойдем со мной.

Юноша топтался на месте, соображая — идти или не идти с шахтером. Тот заметил его нерешительность и пошутил:

— Пойдем, или у тебя заячье сердце? Начальника в конторе нет. Сегодня отдохни, а завтра я тебя к нему провожу. Зовут-то тебя как?

— Толеубай.

— А меня — Шакен. Откуда прибыл?

— Из седьмого аула.

— С верховьев Нуры, значит. Родители есть?

— Есть. В ауле.

Шакен расспрашивал о родителях, о жизни в ауле. Миновав бараки, они вышли к юртам.

— Вот наши дворцы,— сказал Шакен.— Я ведь тоже недавно на шахте. Дом не успел построить. Как говорят, короткую веревку узлом не завяжешь. Но до зимы что-нибудь придумаю.

Из юрты выглянула девушка среднего роста в белом платье и зеленом бархатном камзоле с позументом.

— Моя младшая сестра,— кивнул Шакен и начал снимать черную от угольной пыли одежду.

Девушка вышла с кумганом и стала торопить брата своим серебристым голосом:

— Скорей мойся. Все ждут тебя к обеду.

Толеубай молча наблюдал за девушкой.

— Лей поменьше, Бибилайша, а то гостю не хватит теплой воды.

Бибилайша взглянула на Толеубая и звонко засмеялась.

— Гость, как видно, не копал уголь, ему хватит и ложки воды.

Толеубай покраснел и опустил голову.

— Подходите поближе, гость, я полью вам на руки,— обратилась к нему девушка.

Толеубай снова покраснел и молча протянул руки.

— Растите большая, живите долго,— смущаясь, еле выговаривая слова, поблагодарил Толеубай.

— Спасибо. Да будет по-вашему,— смело ответила Бибилайша.

В юрте Шакен посадил гостя на почетное место и рассказал, кто он, откуда и зачем прибыл.

— К обеду попал, значит, желания исполнятся — заметил сидевший рядом аксакал.— Станешь шахтером, найдешь свое счастье.

Постелили скатерть. Подали блюдо с мясом. Бибилайша села рядом с братом. Толеубай успел рассмотреть, что у девушки миловидное лицо, широкий ровный лоб, красивый чуть вздернутый нос и по-детски полный подбородок. Бибилайша заметила взгляд Толеубая и застенчиво отвернулась.

Молчание прервал Шакен. Он стал расспрашивать, когда Толеубай из аула и как ему удалось так быстро попасть в Караганду.

— Отошел версты две, и догнал меня старик на телеге. Он и подвез. Хороший человек...

— Как его зовут?

— Не знаю. Не расспрашивал... Он где-то здесь в бараке живет. Человек он очень хороший,— опять убежденно сказал Толеубай.

Все сидящие в юрте засмеялись. А Шакен положил руку на плечо Толеубая и сказал:

— Сверстник мой, хочу сделать тебе замечание. В народе говорят: лучше узнать имя одного человека, чем увидеть в лицо тысячу. Запомни этот совет.

После обеда Шакен спросил Толеубая, умеет ли он писать и читать.

— Не очень хорошо,— признался юноша.

— Заявление о работе сам напишешь?

— Если сможешь, попробую написать,

Шакен взял бумагу, карандаш, и они принялись от имени Толеубая писать заявление начальнику четвертой шахты.

//

Начальник четвертой шахты, старый коммунист с седыми висками, прочитал заявление Толеубая и, словно испытывая его, стал резко задавать вопросы.

— Работа на шахте трудная. Не выдержишь и в один прекрасный день сбежишь в свой аул?

— Нет! — ответил Толеубай, не любивший многословия.
— Женат?
— Нет.
— Невеста есть?
— Нет.
— Приглянувшейся девушки тоже нет?
— Есть. Но она не в ауле.
— Не хочешь открывать тайну. Воля твоя. В Караганде родственники есть?
— Нет.
— Тогда устрой тебя в бараке для холостых ребят. Хочешь получить отдельную комнату — уговаривай девушку, женись поскорее, — пошутил начальник шахты.
Толеубай радостный вышел из кабинета. В коридоре его ожидал Шакен.
— Поздравляю! С сегодняшнего дня ты шахтер, — Шакен крепко пожал руку Толеубая.

* * *

Вечером Толеубай вместе с Шакеном вышел на работу в ночную смену. Было немножко жутко, и юноша не постеснялся признаться в этом своему новому другу.

— Не робей. Работать будем вместе, в одной лаве, — успокаивал его Шакен.

... Клеть стремительно полетела вниз. Страшновато. Толеубай с завистью смотрел на шахтеров, которые привыкли к таким путешествиям. Он с трудом поспевал за ними в шахте, спотыкался и падал. Хорошо, что этого никто не замечал.

Подземный коридор становился все уже, теснее. Толеубай тревожно озирался. Ему казалось, что свод вот-вот рухнет под тяжестью земли.

— Осторожнее! Берегитесь! — крикнул кто-то впереди. Толеубай с испугу схватился за Шакена и, вытянув шею, старался что-нибудь рассмотреть в полумраке.

— Что это грохочет?

— Вагонетки с углем. Сейчас промчатся мимо нас, — спокойно ответил Шакен. Толеубай успокоился. Ему даже понравились грохот, скорость.

Дальше путь был еще труднее. Пришлось подвигаться ползком. Толеубай обливался потом, но как ни старался, не мог успеть за бригадой и отстал.

— Первый раз всегда трудно, — подбадривал Шакен. — Привыкнешь, бегать будешь, как резвый конь.

В забое, который показался юноше пещерой, бригадир дал всем задания.

Толеубай должен был работать на тачке. А Шакену бригадир поручил:

— Следи за джигитом, поможешь первое время.

Шакен подтянул железное, похожее на сани корыто и подал конец цепи Толеубаю.

— Это и есть тачка. У меня такая же. Смотри и делай все как я.

Работа в забое оказалась очень горячей. Шахтеры кирками откалывают куски угля. Следом за ними так же быстро рабочие ставят деревянные столбы. Тачечники грузят уголь в сани, тянут их до конца забоя, где перегружают в вагонетки.

Нелегко тащить сани по земле. Толеубай нагрузил, но не смог сдвинуть с места. «Может быть, что-то зацепилось». Рванул двумя руками. Цепь больно впилась в ладони. Кое-как он сдвинул сани с места и, напрягая все силы, потащил их из забоя.

— Не напрягайся, убавь немного угля, а то скоро устанешь, — заметил Шакен.

Толеубай послушался совета, начал грузить меньше. От Шакена он уже не отставал, вместе с ним выходил из забоя, одновременно перегружал уголь в вагонетку.

На поверхность поднялись утром, когда солнце уже оторвалось от горизонта. Шахтеры разошлись по домам.

— Кто тебя в бараке накормит? Пойдем к нам, — пригласил Шакен Толеубая. — Наш желтый самовар гудит, ждет нас. Не стесняйся. А что в угле, так в шахтерских семьях к этому не привыкать. Пойдем.

Медный самовар действительно кипел. Бибигайша вынесла ведро воды, мыло, полотенце. Толеубай растерялся, ему было неловко перед девушкой. А девушку веселила его растерянность, она лукаво улыбалась, заслоняя лицо маленькой рукой.

Бибигайша плеснула воду на ладони. Толеубай отдернул руки, словно от кипятка. Нет, девушка лила не кипятком. Это руки Толеубая, ободранные, покрытые мозолями горели, как обожженные.

После обеда Толеубай сразу ушел в свой барак. Он не думал о шахте. Он думал о Бибигайше, вспоминал ее голос, улыбку, походку. «Я не хуже других. Может, понравлюсь ей». На сердце становилось беспокойно, его захватило какое-то новое, еще непонятное чувство.

Толеубай находил разные причины, чтобы чаще бывать у Шакена. И каждый раз собирался поговорить с девушкой. Но смелая и своенравная Бибигайша все превращала в шутку. Толеубай краснел и в недоумении спрашивал себя: «По-

чему девушка смеется надо мной?» Но ответа не находил. Бибигайша замечала и смущение и растерянность юноши. И однажды сказала: «Не обижайтесь на мои шутки. Я шучу с вами потому, что уважаю вас». Слова девушки согрели душу.

— Буду помнить, не забуду,— ответил Толеубай тихо, опасаясь, чтобы кто-нибудь не услышал.

Они сидели в тени юрты, и девушка рассказывала о своей жизни.

— Беда ищет дом бедняка. Было нам и без того трудно, когда свалилось еще одно большое горе: у нас украли корову, кормилицу семьи. Ее искали всей семьей, но не нашли. Пришлось голодать.

Толеубай слушал девушку и невольно сравнивал ее детство со своим. Его дед и отец батрачили у бая — заходили в дом с огнем, выходили с водой. Так говорили о людях, собирающих топливо для бая, топивших в доме печи и выносивших помой. А он родился в советском ауле. Пас скот, косил травы. По совету близкого человека приехал в Караганду, и теперь — шахтер. Вот и вся жизнь. И напрасно Бибигайша смеется. Может быть, она просто хочет испытать, уверенно ли я иду своим путем? Если так, значит моя судьба волнует ее. С трудогового пути не сверну. Она убедится. Хотелось сказать все это Бибигайше, но язык не поворачивался, юноша промолчал.

Как быстро прошел год! Толеубай освоился в шахте, научился добывать уголь, стал настоящим шахтером. Но Бибигайше он не мог сказать о своей любви. Вот сидит он на скамейке возле барака. Сумерки сгущаются. По поселку пронеслась пара лошадей, запряженных в телегу. И остановилась. Кто-то слез с телеги и неуверенно шагает в темноте. Человек не знает, куда податься. Кого он ищет? Надо помочь. Юноша окликнул приезжего. И когда тот ответил, по голосу узнал своего отца. Зашли в барак. Отец расспросил сына о здоровье, сообщил о здоровье домашних, аульные новости.

— Захотелось посмотреть на тебя, на твою жизнь. Деньги, которые прислал, очень пригодились по хозяйству. Слышали, что работаешь ты хорошо,— говорил отец, поглаживая седую бороду.— А вот живешь один. Пора думать о семье. Может, посватать невесту?

— Скажу потом,— тихо ответил Толеубай.

На следующий день отец уехал в аул. Но разговор с ним встревожил Толеубая: «Вдруг без него, сами засватают девушку. А как же Бибигайша?»

... Вечером Толеубай направился к новому дому Шакена,

который он построил прошлой осенью. Девушка во дворе возилась с самоваром.

— Бибигайша, я хочу что-то сказать тебе,— начал осторожно Толеубай. Девушка обернулась и улыбнулась.

— Говорите.

— Приезжал мой отец.— Голос Толеубая срывается.— Говорил, что мне пора жениться. Ты как на это смотришь?

— Женитесь. Кто же против.

— Да неизвестно, как посмотрит девушка на мое предложение...

— Какая девушка?

— Ты.

Бибигайша закрыла лицо руками и убежала в дом. Толеубай остался возле самовара.

///

Разговаривать ни с кем не хотелось. Толеубай на наряде молча выслушал задание начальника участка, молча спустился в шахту. И работал молча, без отдыха. Даже остроумные шутки напарника Кадена не могли его развеселить.

Шакен заметил, что друг чем-то удручен и спросил, не заболел ли он.

— Здоров,— ответил Толеубай и тихо вздохнул.

Находчивый напарник Каден пошел на хитрость, начал не расспрашивать, а выговаривать.

— Ходишь со связанным языком, так и Бибигайшу можешь потерять. Сколько она может ждать. Или ты не собираешься делать ей предложение.

— Я уже сделал предложение,— неожиданно для самого себя признался Толеубай и все рассказал, что произошло: как девушка выслушала его и убежала, а он остался караулить самовар.

Из его рассказа Каден сделал самое решительное заключение. Раз девушка убежала в дом — значит, любит его, значит, она думала о предложении, а он, Толеубай отгадал ее тайну. Каден взялся поговорить с родными Бибигайши.

— Будем сватать.

— Подожди. Кой-что справлю для дома,— останавливал Толеубай.

— Караван выравнивается на ходу,— отрезал Каден.— Вези своих родителей.

* * *

В родном ауле Толеубай увидел большие перемены. Бедняки организовали колхоз, объединили весь скот.

— И что же ты не предупредил, что приедешь за нами.

Ведь лошадь и корову мы сдали в колхоз. Разве возьмешь обратно,— сокрушался отец.

— Обратно забирать стыдно. Может быть, нам заплатят за скот деньгами? — спросил Толеубай.

Мать, занятая около очага, повернулась к нему и заговорила недовольным тоном.

— Пожалел! Разве мы одни свели скотину на общий двор? Все бедняки так поступили. И деньги требовать стыдно, сынок. Пусть все останется в колхозе.

... Родители Толеубая переехали в Караганду. Трудно было с жильем. Вся семья поселилась в крохотной комнатке. Но родители не сетовали. Они радовались, что теперь вместе с сыном, что сын скоро станет семейным человеком. Каден рассказал им о невесте, о ее согласии выйти замуж за их сына, о том, что родственники невесты желают им счастья.

— С молодыми разговор закончен. Дальше все поручается старикам,— сказал Каден.

Вскоре Толеубай получил квартиру. Справили новоселье. Сыграли свадьбу. Бибигайша перешла в дом мужа.

Отец Толеубая тоже поступил на шахту. Чуть свет, торопливо позавтракав, он вместе с сыном спешил на работу. Молодая женщина оставалась дома с матерью. Забот по дому немного. Сидеть сложа руки ей казалось унижительным. И как-то за завтраком Бибигайша заговорила об этом.

— Отец, Толеубай трудятся, а я, молодая, здоровая, сижу дома. Надоело мне. Хочу работать. Пойду на шахту.

Домашние не сразу поняли Бибигайшу, ее слова показались им очень странными.

— Милая моя, перестань! — возмутилась мать.— Что это значит. Не успела выйти замуж — и уже идти работать. Люди осудят, скажут, что муж и свекор не смогли прокормить сноху, послали ее на шахту. Разве заработка мужчин не хватает? Никуда не пойдешь!

Турсынбек горячо поддержал жену. Толеубай согласился с родителями: действительно, поступив на работу, Бибигайша опозорит их.

— Никто не осудит человека, желающего трудиться. Я пойду работать,— твердо заявила Бибигайша.

* * *

Радостная, Бибигайша вошла в дом и протянула мужу бумажку.

— Это же подпись нашего начальника,— с удивлением сказал Толеубай.— Откуда она у тебя?

— Правильно! — спокойно подтвердила Бибигайша.— Я

утром пошла в контору и заявила, что хочу работать. Мне дали это направление. Буду отбирать породу.

Недовольный Толеубай сердито смотрел на жену: как осмелилась она поступить на работу без его согласия!

— Сделала по-своему. Добилась. Но помни, если пойдут разговоры, будто мы заставили сноху ковыряться в земле, тебе придется бросить свою затею,— предупредила свекровь.

Бибигайша не стала спорить. Она подошла к свекрови, обняла ее и тепло сказала:

— Мама, за труд никто не упрекнет и не осудит. Вы сами убедитесь во всем.

— Разве я хочу тебе плохого. Жалею тебя, оттого и ворчу. Моя радость в вашем счастье.

Утром, с первыми лучами солнца, Толеубай и Бибигайша отправились на шахту. Они шли взявшись за руки, а мать стояла в дверях дома и долго провожала их счастливым взглядом.

* * *

С каждым годом росло мастерство Толеубая Турсынбекова, он уверенно овладевал секретами добычи угля. Оставил тачку, стал навалотбойщиком. Скоро его выдвинули на должность горного мастера. Затем Толеубай работает начальником участка, заместителем главного инженера шахты. И вот — за плечами тридцать с лишним лет шахтерского труда. Седина покрыла виски, на лицо легли глубокие морщины. Толеубаю назначили персональную пенсию и предложили идти на отдых. Отдых заслужен. Но он не захотел расставаться с шахтой. Знатный шахтер остался работать заместителем начальника участка.

Иней седины блестит и на висках Бибигайши. Растут дети — гордость трудовой шахтерской семьи. Старшая дочь закончила медицинский институт и работает врачом.

Сын — студент последнего курса Карагандинского политехнического института, остальные дети — пока еще школьники.

Шакен, брат Бибигайши, — почетный шахтер, пенсионер. А друг Толеубая Каден работает горным мастером. Как и в молодости, он полон энергии, задора, юмора.

— Счастлив я счастьем своих детей и внуков,— говорит старый Турсынбек.

Хочется от всей души пожелать шахтерской семье долгих лет радостной и светлой жизни.

Туманбай МОЛДАГАЛИЕВ

ЧЕРНАЯ РЕКА

Черная бурливая река
Бьет из-под земли,
Всех рек чудесней.
И в душе рождается строка
Радостной и звонкой
Новой песней.
Черная подземная река
На просторы вырваться стремится...
Черные мозоли на руках,
Как смола,
Черные шахтеров лица.
Но зато светлы у них сердца,
Но зато славны они делами...
От забоя
С гулом
Без конца
Мчит река, подобна черной лаве.
Сколько их, ревущих черных рек,
Плещет в штольнях,
Омывает штреки...
Как велик и скромн человек,
Создающий угольные реки!

ДРУГ ИНЖЕНЕР

Я лампочку шахтера взял
И робу жесткую надел.
Меня ты с лаской оглядел:
— Иди!
Смелее! — приказал.

Мой друг,
Ты первый мне открыл,
Подземный дождь,
Подземный зной.

На улицах,
Что ты прорыл,
Гуляет ветерок сквозной.

Я ветру подставлял лицо,
И песня наполнила мне грудь.
Так за тобой,
Как за отцом,
Я выходил на новый путь.

Тогда навеки понял я,
Что песня мне нужней огня:
Как лампочка твоя, меня
Она зовет,
Ведет меня.

Друг инженер,
Прими привет!
Счастливей нас с тобою нет:
Ты углекоп,
А я поэт,—
Мы в мир несем тепло и свет.

СКАЗКА

Когда я был очень мал
И песни еще не слогал,
Мой прадед — седой аксакал —
Мне сказку одну рассказал.

«В глубинах земли, родной
Клад заколдованный скрыт.
Бессменно,
Как часовой,
Его злой дракон хранит,
И только большой батыр
Сокровища эти возьмет...
Быть может, таким будешь ты.
Кто станет гадать наперед?»
Мальчишки всегда по весне

Хотят повзрослеть скорей.
С драконами бьются во сне,
Тревожа сердца матерей.
Как годы забудешь те,
Когда ты свой путь искал?
Что юность — подруга мечте,
Наверное, знал аксакал...
И вот уже много лет
Минуло с тех давних пор.
На сказку-загадку ответ
Помог мне найти шахтер.
На лбу его месяц играл,
Стоял он, усталый слегка,
И щедро текла на-гора,
Сверкая, угля река.

Мы с ним посмеялись потом
Над тем, что поведал дедусь,
И слышались в смехе том
И гордость,
И радость,
И грусть.

Ауэзхан КОШУМОВ

НОЧЬЮ У БАЛХАША

Когда уходит Балхаш во тьму,
Ложится в ночную тишь,
Выйди из дома, пройди к нему,
Голос его услышь.

Он ждал нас много долгих лет,
К земле обративши лик.
И если ты в сердце своем поэт,—
Постигнешь его язык:

«Во мне отражены века.
В зеркале этой волны
Плескалась только пустынь тоска
И блеклая тень луны;

Всходило солнце на небосвод
Над вечным безлюдьем земли.
И видел... я видел, как в памятный год
Люди сюда пришли.

И в первый раз поднялся песок,
Услышав шипенье шин.
Катился по желтой почве поток
Зеленых, как травы, машин...

Грудь тусклой пустыни разбита в куски
Сверкающей медной руды.

Над берегом жажды и горькой тоски
Уже зацвели сады.

И искры, летя из высоких труб,
Режут ночную тьму...
И отражает зеркальная глубь
Растущую ввысь страну».

Бек ТОГЫСБАЕВ

ДЕСЯТЫЙ ОГОНЕК

Невеселые думы не дают уснуть Омиртаю. «Кто мог подумать, что Дермилев способен на такое... Как же я, оказывается, плохо его знаю»... Сон уходит. Снова вспомнились слова аксакала коммуниста Тнышбека Абеуова, половину своей жизни проработавшего на этой шахте. «Омиртай,— сказал он,— ты еще многого не умеешь замечать. Мой совет — глубже изучай человека, его душу».

Все случилось неожиданно.

Помощник машиниста комбайна Александр Дермилев слыл хорошим парнем. Недавно демобилизованный, он принес из армии исполнительность и жадность к работе. Омиртай видел в нем своего единомышленника-, считал близким человеком. А оказалось...

В день зарплаты изрядно выпивший Дермилев зашел в контору и учинил скандал из-за «неправильных порядков». Товарищи попытались уговорить его. Начальник участка посоветовал идти домой. Но чем больше с Александром возились, тем больше он кричал и куражился. Пришлось силой выпроводить его из конторы.

Кто в Шахтинском районе не знает бригаду Омиртая Сыздыкова? Ведь это первый коллектив коммунистического труда в районе. Каждый шаг его у всех на виду. Все члены бригады с гордостью несли свое высокое звание. И молодой шахтер Дермилев — нужный человек в бригаде.

Интересна и плодотворна жизнь бригады. Творческим трудом достигнута высокая производительность. А все пото-

му, что сообща обдумывали, как сократить простой комбайна, как увеличить срок его службы без ремонта, добиться слаженной и четкой работы бригады. Не удивительно, что их комбайн проходит за смену шестьдесят — семьдесят метров. Об авариях, обвалах здесь давно забыли.

С ростом производительности заметно поднялись заработки. Шахтеры имеют собственные дома, приобретают телевизоры, мотоциклы, красивую обстановку, ковры. Старый шахтер Николай Лавров недавно купил автомашину «Волга». Улыбаясь, он сказал членам бригады: «Вам осталось только догнать меня».

Нет, не легко было бригаде Омиртая Сыздыкова стать образцовой и передовой, завоевать почетное звание коллектива коммунистического труда. По заслугам на груди молодого бригадира горят значки «Шахтерская слава» и «Передовику социалистического соревнования 1958 года». Все знают его как лучшего шахтера.

Омиртай вспоминает свой сравнительно небольшой, но богатый событиями трудовой путь. Кажется, совсем недавно шестнадцатилетним подростком он со своим отцом — старым шахтером — впервые спустился в эту шахту. Начал работать подносчиком смазки. И очень гордился работой. С радостью нес домой свою первую получку. Это была радость рабочего человека.

С тех пор прошло пятнадцать лет.

Не стало отца — друга и наставника. В забое он попал под обвал, ослеп на оба глаза, а потом долго и тяжело болел. В задушевных беседах отец часто предупреждал Омиртая:

— Сын мой, ты горячо берешься за дело и не успокаиваешься, пока его не закончишь. Это — хорошо! Но будь осторожен: под землей работать трудно и опасно!

Смерть отца не сломила юношу. На достигнутом он не останавливался, всегда выбирал себе самые трудные участки. Работал слесарем. Потом стал забойщиком. В 1954 году закончил курсы и получил почетную специальность машиниста горного комбайна.

И ничего удивительного в том, что подносчик смазки стал комбайнером, вырос до руководителя передовой шахтерской бригады. Он всегда честно трудился, был требовательным к себе и товарищам, стремился только вперед. И труд поднял его.

Омиртай знает, что впереди много крутых перевалов, которые можно преодолеть лишь настойчивостью, смелостью, энергией.

Все шло хорошо. И неожиданно — безобразный поступок

Александра Дермилева. Близкий друг словно ледяной водой окатил его.

Омиртай решил пораньше встать и поговорить с Александром, высказать всю обиду за себя и товарищей.

— Шахтеры поправят, если ошибся, подстегнут, помогут, чтобы снова не допустил оплошности. Но если безобразничаешь, не прислушиваешься к коллективу — прощения не проси и не жди: рассудят по суровому «шахтерскому закону». Ребята могут строго наказать Дермилева. Все же попытаюсь поддержать... Иначе, в чем же тогда состоит воспитание и мой коммунистический долг? — Так размышлял Омиртай, испытывая самые противоречивые чувства.

Затем встал с кровати и зашагал из угла в угол просторной комнаты. Сладко спит Зубризат, четыре года назад ставшая его женой. Простая, скромная татарская девушка приехала в Караганду из далекой Уфы. Вначале работала на разных работах, потом освоила специальность подрывника.

На пороге детской комнаты Омиртай остановился. Безмятежно спали дети — Бахыт, Султан, Сара, Салима. «Вот и смена растет». Омиртай улыбнулся. Привычная обстановка семьи немного успокоила.

* * *

Совместное собрание парторганизации и шахткома началось бурно. В небольшом клубе полно народу. Многие пришли прямо со смены, в рабочей одежде. Под потолком висит табачный туман. Сегодня Дермилев на работу не выходил. Когда проснулся, первой мыслью было идти в шахтком просить прощения. Но взвесив все за и против, решил, что товарищи не бросят в беде, а «закрытый казан останется закрытым». Он успокаивал себя тем, что он член бригады коммунистического труда, и его товарищи должны для блага бригады скрыть скандал.

Но происшествие в передовой бригаде, гордости шахты, не могло оставаться незамеченным, оно задевало честь всего коллектива.

Александр трудно было взглянуть ребятам в глаза. Казалось, что все смотрят на него с упреком: «а мы на тебя надеялись». Даже родной брат, заметив его пристрастие к выпивкам в последнее время, укорял: «Не было у нас в роду пьяниц, где ты научился такой пакости!»

«Лучше бы жгли меня раскаленным железом. Это было бы легче, чем презрение друзей», — думал Дермилев, слушая единодушное требование шахтеров строго наказать его.

«И строгое наказание будет справедливо. Только не счи-

тайте меня совсем пропащим человеком! Не спорю, я сошел с правильного пути, связался со случайными бродягами... Но разве у меня не хватило сил порвать с ними? Почему же не верят мне?»

Особенно тяжело было слушать осуждение почетного шахтера Кулбая Исина. Александр знал, что за четверть века работы на шахте он ни разу не нарушил трудовой дисциплины, награжден орденами Ленина и Трудового Красного знамени.

— Под землей дисциплина дороже всего. У меня уже борода белая, но я считаю за честь работать в бригаде коммуниста Омиртая. Наш народ говорит: «Драгоценность получается из камня, а ум — из молодости». Сыздыков знает не меньше моего, но всегда советуется со мной. Кого из молодежи не украсит такая скромность? Поэтому и уважаем мы своего бригадира. Александр нахулиганил, не захотел считаться с бригадой — это минус нашему коллективу... Легко сказать, что ошибку признаю, нужно еще на деле сдерживать слово.

Последняя надежда Александра — на бригадира. Что он скажет? Оставят ли в бригаде или не оставят? Это сейчас для него самое важное.

— Поступок Александра Дермилева ни в какие рамки не лезет, — сказал Омиртай, взвешивая каждое слово. — Люди смотрят на нас, берут с нас пример. А мы?

— Нет, товарищи! Надо Дермилева исключить из бригады.

Зал загудел. Одни поддерживали, другие были недовольны. Услышав предложение бригадира, Александр вздрогнул, ему хотелось закричать на весь зал. Омиртай, обычно спокойный, взволнованно продолжал:

— Исключить не навсегда, товарищи. Пусть переведут его на другой участок. Покажет себя, тогда и мы посоветуемся, как быть дальше.

В зале снова загудели.

Пропала последняя надежда, Александр с тревогой думал: «Сколько времени работать на другом участке, в другом коллективе? Месяц? Год? Почему Омиртай не сказал об этом определенно?»

С собрания Дермилев шел мрачный. Кто-то еще раз бросил вдогонку: «Конец теперь Дермилеву». Омиртай забеспокоился: «Не слишком ли строго? У Александра зло и обида не скоро проходят...»

На следующий день Сыздыков внимательно наблюдал за Александром и при спуске в лаву и при возвращении со смены. И ни разу, кроме односложного приветствия, ничего не

услышал. «Кто его знает, может, не хочет показаться назойливым?.. Однако видел, что Дермилев держится спокойно, подтянут. А через несколько дней с Омиртаем о Дермилеве заговорил председатель шахткома Тнышбек Абеуов.

— Как наш джигит, еще дуется?

— Не замечал. Но переживает тяжело и такого никогда больше не позволит.

— Уверен?

— Уверен! И товарищи так думают. Верните Александра в бригаду.

— Не слишком ли рано?

— Ведь нужно уметь заглянуть в душу человека! — улыбнулся Сыздыков.

Абеуов смутился: Омиртай повторял его слова.

— Да, память неплохая...

— Хорошее запоминается, — ответил Омиртай. Оба облегченно рассмеялись. И руководитель профсоюзной организации, и руководитель бригады одинаково беспокоились о судьбе человека.

... По штреку идет бригада. Недавно в ней светилось девять огоньков. Сегодня прибавился десятый.

Александр СКВОРЦОВ

гордость

*Посвящается машинисту экскаватора
Казахстанской Магнитки Федору
Александровичу Перфильеву.*

В гардеробах серые шинели.
Воины, ушедшие в запас,
Вы спецовки синие надели,
Вы теперь уже рабочий класс!
В повседневности нелегких буден
Помните вы Родины завет:
Сталь нужна не только для орудий,
Но и для космических ракет.
Потому ваш каждый шаг отмечен
Этажами каменных громад.
Домны и мартеновские печи
Скоро край степной преобразят.
Через годы сыновья и внуки
Будут подражать во всем отцам,
Огрубевшие, в мозолях руки,
Мы не раз спасибо скажем вам!

Музафар АЛИМБАЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

*Доменщику Казахстанской Магнитки
Толегену Баспакову.*

Из армии в родимые места
Сегодня возвращается солдат.
В ауле спозаранку суета —
Джигита каждый здесь приветить рад.
Но стынут яства, грустно на столах,
За день никто и не открыл вина.
А мать, другим вручив свои дела,
До ночи просидела у окна.
Не раз с тоскою вдаль глядела мать,
Не ехал сын... И вдруг пришло письмо:

«Прости меня... но ты должна понять...
Иначе сын твой поступить не смог...
Я в Темир-Тау.
Хоть в большом долгу
Еще я у своих учителей,
Но мне доверят первый дать чугуны
На первой домне родины моей.
Что отольют — не знаю — из него —
Машину, монумент или станки?..»

А мать от слез не видит ничего,
Хоть рядом сына хвалят старики.
Ей больно, что домой не завернул,
И радостно: ее сыном родным
Доволен нынче весь степной аул,
Вся Родина, как мать, гордится им.

Я ЗНАЛ, ЧТО ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ

Я знал, прощаясь, что вернусь к тебе,
Сокровищница недр — Караганда.
Дав крылья песне, ты к моей судьбе,
Как мать, ревнива и строга всегда.

Здесь робкой ласточкой мой -первый стих
Взлетел.
Его ты в небо подняла.
Открой поэту клады тайн своих,
Чтоб жарче угля песня сердце жгла.

ГЕНЕРАТОР В ДВИЖЕНЬЕ...

Он, как дом, что взметнул этажи,
Он в движенье, он в движенье...
Ищет место, где станет дышать и жить.
Отдавать свое напряженье.

Как легко он плывет на весу,
Генератор, генератор...
Кто силач тот, чьи руки его несут,
Будто перышко, аккуратно?

Что скрывать: богатырь — это кран,
Он в движенье, он в движенье...
Как игрушка, послушен тот кран Кулян,
А в глазах ее — вдохновенье.

Цех притих — есть в нем гул или нет?
В удивленье?.. В уваженье?..
Генератор, чтоб щедро отдать нам свет.
Весь в движенье он, весь в движенье.

Свет КарГРЭС в моем сердце всегда,
Свет и девушка-крановщица.
Чтоб трудилась, чтоб пела Караганда,
Будет литься свет, будет литься.

БУРАН, МОРОЗ И ЧЕЛОВЕК В ПОДНЕБЕСЬЕ

*Строителям
Казахстанской Магнитки.*

1

Бушует белая метель.
Никто ее не остановит.
А снег повсюду и везде:
Земля и небо — как в обнове.
Ансамблем взвихренный буран,
И дирижер — сама природа.
Гремит мелодий ураган,
Волнует сердце пешехода.
Вот, зачарованный, на миг
Забыл он, что спешит куда-то...
И стал седым он, как старик,
Хотя ему идет двадцатый.
От общежитья в трех шагах
Он растерялся поневоле:
Над миром властвует пурга,
Ей человек — травинка в поле.
В метель такую труден путь.
Следи за каждым шагом строго,
Чтоб не упасть и не свернуть,
Тогда везде найдешь дорогу.

//

Мороз навалится, как медведь...
Щиплет щеки и нос.
Нечем дышать, больно смотреть —
Злой в январе мороз.
Он неистов — тот же огонь,—
Как, раскаленный металл.
Руками голыми его не тронь,
Три лицо, пока не устал.
Ты, словно ребенок малый,
Никак не удержишь слез.
Да, мороз небывалый.
Злой в январе мороз!
Он подгоняет — упругим
Шаг твой стал. Вопрос:
Почему врагом, а не другом
Считают люди мороз?

///

Юноша на каупере домны
Еле виден, словно воробей.
А метель — как занавес огромный —
Так и не стихает, хоть убей!
Не пасует перед ней рабочий.
Автогенный светлячок живет.
Будет крепким швом металл прострочен —
Никакой мороз не разорвет.
Он сейчас о холоде не помнит.
Поднимись к нему, пойдя спроси.
— Слышишь, как ревет пурга над домной,
Как она в конструкциях свистит? —
Он в карман за словом не полезет:
— Если ты в Арке родился, рос,
То без шубы, хоть и жжет железо,
Вынесешь любой мороз.
Каупер открыт любому ветру,
Выше он, чем старый минарет.
Если мускулы трудом согреты,
Жарко будет даже в январе.
Смотришь на монтажника, и полнится
Восхищеньем сердце: это — да!
Выше всех он! Разве только солнце
И сравнится с красотой труда.

МИНИСТР И ШАХТЕР

Он не сказал, повысив голос:
— Собрать немедленно людей! —
Под каску он заправил волосы,
Комбинезон простой надел.
И с лампочкой — шахтер на славу! —
Седой министр спустился в лаву.
Хотел увидеть и потрогать
Прославленный комбайн «Донбасса»
Людей влекла к нему не строгость.
А шутка умная как раз...
— Вы все узнали, вы моложе.
Ведь мы отстали. Старики!
Ну что ж, поучимся... а может,
Министру это не с руки! —
Сам тянет рычажок, и вот
Машина двинулась вперед.

— По-моему, пойдет работа,
И марка, в общем, хороша.
Но мне спросить еще охота —
Спокойна ли у вас душа?
Машину можно сделать лучше -
Возможностей найдется куча.
Один шахтер в ответ министру:
— Нам ясно все, как дважды два.
Комбайн улучшить можно быстро,
Была бы только голова.
Да вот еще, мы прямо скажем,
Необходима помощь ваша.
— Все, что попросите. А кстати...
Привет, товарищ депутат!
Ну, поцелуемся давайте.
И обнялись, как с братом брат.
Они встречались не случайно
В кремлевских залах много раз —
Судьба шахтерского комбайна
С их судьбами переплелась.
От встречи дружеской тепло им.
И цель их общая светла.
Они решают под землю
Земные общие дела.

Бек ТОГЫСБАЕВ

СУДЬБА ДРУГА

Наша дружба началась необычно.

Был холодный день. После четырехчасового путешествия по бушующему морю я с трудом добрался до берега. Морем у нас называют Балхаш. Он вполне оправдывает такое название. Разве бывает озеро, которое не охватишь взором?

Думаю, где бы найти теплый угол, согреться.

Холодный осенний ветер с силой перекачивает тяжелые волны. И уже на берегу невольно спрашиваю сам себя: «Как же в таком водовороте не опрокинулась наша лодочка?»

Ветер бьет в лицо, распахивает полы легкого макинтоша, пронизывает насквозь. На небе низкие серые облака, видимо, пойдет дождь.

Я еду учиться в Алма-Ату. До железнодорожной станции Шиганак добрался на случайной моторной лодке. А куда теперь идти?

Наступили сумерки. Стало еще холоднее. Знакомых в Шиганке нет. Где же согреться? Где переночевать?

Возле станции небольшой поселок. Кое-как слепленные глиняные дувалы тянутся однообразной сплошной стеной. В какой домик постучаться? Кажется, что у всех собак была одна забота — лаять на меня.

— Откуда ты? — спросил голос из-за кружочка света от ручного фонарика.

— С того берега переправился... Студент я.

Луч фонарика изучающе скользнул сверху вниз и обратно. Судя по голосу, передо мной стоял паренек, примерно, моих лет. А ростом, как показалось в темноте, чуть повыше меня. Он пригласил идти с ним.

Пришли в дом. Здесь я разглядел своего спутника. Это был стройный парень с черными, зачесанными назад волосами, правильным овальным лицом и красивым носом.

— Меня зовут Кенесом, — сказал он. — Учусь в Алма-Атинском финансовом техникуме.

Так необычно началась наша дружба.

В доме Кенеса я прожил несколько дней. Как-то мы решили съездить в Мынарал к строителям железной дороги Моинты-Чу. Пассажирские поезда еще не ходили. Сели в товарный. В Мынарал попали поздней ночью.

Темно, ничего не различишь. Пошли к старенькому клубу, откуда доносилась музыка. Там молодежь устроила танцы.

Около баяниста стояла красивая белокурая девушка. Кенес пригласил ее на танец. Она смущенно взглянула на баяниста и, получив согласие, вошла в круг. Не знаю почему, но Кенес все время старался танцевать только с ней. В перерыве он шепнул мне:

— Не зря здесь до полуночи торчит баянист. Из-за девушки, с которой я танцевал. Только против них что-то затевается...

Баян умолк. Баянист взял одной рукой баян, другой — девушку под руку, и они ушли. За ними вышли и мы.

Неожиданно баяниста и девушку окружили четверо парней. Признаться, я даже не успел сообразить, что происходит, как Кенес оказался среди спорящих. Что они говорили, я не услышал. Только парни быстро убрались.

Я пожурил Кенеса:

— Чего тебя понесло к незнакомым людям? Зачем? Говорят же — не ввязывайся в скандальные дела.

Кенес засмеялся:

— Для чего существует помощь, если не помогать, когда нужно?

... С тех пор прошло шесть лет. Кенес, закончив учебу, уехал на работу. Писем от него не было. «Где же ты, друг мой», — думал я, вспоминая Кенеса.

Встретились мы неожиданно в ноябрьские праздники. Среди гостей моего друга детства, бывшего бригадира тракторной бригады, а теперь студента Алма-Атинского сельскохозяйственного института, выделялся стройный джигит в черном костюме. Смотрю пристально: «Где же я его видел?» Но вот наши глаза встретились. Он кинулся ко мне. «Кенес! Настоящий Кенес! Вот так встреча! Снова сошлись наши дороги?»

Безоблачная лунная ночь. Ласковый ветерок приятно освежает. Кенес, прислонясь к тополи, рассказывает:

— Окончил финансовый техникум. Работал. Работа канцелярская, однообразная. Скучно. Душа просит чего-то более интересного, Руки тянутся к большому, настоящему делу.

Хотел податься на целинные земли, но раздумал: главные трудности там уже позади.

Как я обрадовался, когда увидел в газете призыв к молодежи ехать на Казахстанскую Магнитку! «Непременно еду! — решил я. — Там настоящая романтика». Опечаленных родителей успокоил обещанием вскоре перевезти к себе.

С группой казахской молодежи меня направили учиться в Магнитогорск. Десять месяцев, проведенных на гигантском металлургическом заводе, для нас были школой, равной десяти годам учебы. Мы научились выплавлять чугун. И я счастлив. Ведь этого никогда не знали и не умели ни наши деды, ни наши отцы.

Я получил специальность горнового и вернулся на Казахстанскую Магнитку. С каким нетерпением ждал я часа, когда встану у доменной печи.

Но домна еще только строилась. И мы стали помогать строителям скорее пустить ее.

В свободное время можно было и почитать, и поиграть в шахматы, шашки. Рядом, в Темир-Тау, есть дворец культуры, клубы, кинотеатры. Скучать некогда.

— Женился?

— Пока еще нет. У нас с этим трудно. — Кенес улыбнулся. — Девушек мало. А парней много! Но все же...

— Ясно... Дальше можешь не рассказывать!

... Прошло еще четыре месяца. Случилось мне приехать в Караганду. Как же не встретиться с Кенесом? До него — рукой подать — в Темир-Тау. Как он живет? Что нового в его жизни?

В общезнании Кенеса не оказалось. Я пошел к домне. До чего же грандиозно это строительство. С удивлением рассматриваю все вокруг. Вдруг кто-то потянул меня за рукав. Оглянулся — улыбающийся Кенес. Он возмужал, загорел, а рабочий костюм ему очень к лицу.

Распрашиваем друг друга о жизни. Недавно Кенес получил в новом городе квартиру и теперь, говорит, может принять меня в своем доме, как подобает хозяину. В разговоре упомянул, что ждет родителей, собирается жениться. Видно, Кенес решил глубоко пустить корни на темир-тауской земле.

Стоим и разглядываем гигантскую домну. Сколько же здесь людей! А сколько примеров творческого дерзания в труде. О них хочется закричать во весь голос. Я горжусь, что в этой грандиозной стройке есть труд и моего друга Кенеса.

Он нашел свое место в жизни. У него почетная специальность — горновой Казахстанской Магнитки!

Мариям ХАКИМЖАНОВА

КАРАГАНДА

В хлопьях снега — легких и белых —
В повседневности трудных дел,
Город мужественных и смелых,
Ты моей душой завладел.
Терриконы — горбы верблюжьи.
Ни конца им ни края нет.
Уголь твой паровозам нужен
И металлу наших ракет.
Даже в снежную непогоду
Мне огни твои ярко зажглись.
Хорошеешь ты год от года,
Этажам уходишь ввысь.
Ты же знаешь, я гость твой редкий.
Мне рассветы твои дороги.
В мощной поступи семилетки
Различаю твои шаги.
Мне тебя не хватает очень...
Я уже человек седой,
Но хочу взволновать твои ночи
Песней звонкой и молодой.
Прикоснешься ты к сердцу жарко —
Я отвечу песней тебе,
Казахстанская кочегарка,
Лучший город в моей судьбе.

Темиргали НУРТАЗИН

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Словно вершины гор, видны издалека терриконики шахты № 38 — навалы камней, глины, песка, вынутых из-под земли. По ним ползут вагонетки с породой, поднимая, черные громады все выше к небу.

Заходим в нарядную шахты. Огромный зал с дверями во всех стенах полон народу. Шахтеры сидят на стульях и скамейках, стоят в дверях, кое-кто присел на корточки возле стен. На возвышенной площадке — начальник шахты Николай Сергеевич Гульницкий. Идет беседа о культуре труда.

— Наша шахта в числе передовых,—говорит начальник.— На собраниях и заседаниях нас часто хвалят. А вот в вопросах культуры мы еще отстаем.

Начальник называет участки, смены, фамилии, приводит какие-то цифры. Мне, человеку, не посвященному в дела шахты, они ничего не говорят. Однако я слышу уже известную мне фамилию Симака. Его хвалят. И мне хочется познакомиться с ним поближе.

В шахте меня сопровождает молодой инженер Бейсен Алжиганов, который хорошо знает все закоулки под землей. Идем к Симаку. Он работает слесарем на подъемнике. Подъемник — главная жизненная артерия шахты, перевозит людей, поднимает на-гора уголь, породу. Ритм работы шахты зависит от подъемника. Прекратился подъем — и в забоях скапливается уголь, шахта «задыхается», добыча прекращается. Я не хочу умалять значение энергетиков, подземного транспорта и других служб. Без подачи по трубам чистого воздуха жизнь в шахте невозможна. И все же у подъемника особая, решающая роль.

Идем по темному коридору на глубине 250 метров. Путь освещают лампочки шахтерских шлемов. Прошли около двух километров. Наконец добрались до центральных транспорте-

ров. Симака здесь не оказалось. Он заступит в вечернюю смену в восемь часов.

... Мы стоим возле большого бункера, транспортерная лента метровой ширины плавно тянет снизу насыпанный горами уголь. В углу неистово гудит электромотор.

Вдруг электромотор замолк, и транспортер остановился. Инженер Бейсен объяснил, что бункер забит углем, поэтому транспортер остановился автоматически.

Прошло немного времени, мотор снова загудел, поплыла лента транспортера. Как это произошло? Как включился мотор? Невольно оглядываюсь вокруг — рядом никого нет. Значит, секрет в каких-то механизмах.

Бейсен объясняет мне, что все происходит автоматически — и пуск и остановка. Когда на транспортере появляется груз, он своей тяжестью включает мотор. Если лента без груза, то она приподнимается, мотор выключается и транспортер останавливается.

Мы пошли вниз вдоль транспортера по узкому проходу с низко нависшим потолком. В сырых и пыльных местах приходится балансировать руками, чтобы не растянуться на скользком полу. Инженер Алжиганов напоминает конькобежца на льду, я беспрестанно спотыкаюсь.

Все четыре транспортера длиной в 650 метров работают автоматически, здесь нет никого. Пока мы шли туда и обратно, сигнальная лампочка зажигалась и гасла несколько раз. И каждый раз звонил звонок.

— Раньше у этих транспортеров в каждой смене работали четыре мотористки и один слесарь,— рассказывает инженер.— Теперь все мотористы на фабрике, а в смене только один слесарь. И так, вместо двадцати — один слесарь. Всю работу выполняет автомат, изобретенный Симаком.

Бейсену есть что рассказать о достижениях последних лет. И рассказывает он очень интересно и увлекательно. Но лучше почитать самого изобретателя автомата — Симака.

Я встретил его на следующий день в конторе шахты. Это был молодой человек с овальным лицом, белокурыми волосами. Одет со вкусом. По виду скорее похож на какого-нибудь руководящего работника, чем на слесаря шахты.

Симаку двадцать девять лет. Он родился в Келлеровском районе Кокчетавской области. После окончания в 1947 году Карагандинской школы ФЗО стал крепильщиком. Без отрыва от производства выучился на машиниста. Водил электровозы под землей. Потом закончил курсы по подготовке слесарей, работал в энергохозяйстве на ремонте электрооборудования.

В 1952—1955 годах Иван Алексеевич — на действительной военной службе в артиллерии. По окончании ее вернулся в Караганду и поступил помощником машиниста комбайна на шахту имени Костенко.

Шахта заново реконструировалась. В подземной технике действительно было много недостатков.

— Работа захватила меня,— рассказывал Иван Алексеевич.— Но времени для творчества не оставалось. Пришлось перейти на шахту № 38.

Обязанности у Симака были несложные, но ответственные — наблюдение за подъемником, устранение неполадок. Подъем — это путь угля на-гора, он может и помочь добыче и сдержать ее.

Высокая добыча возможна, говорят машинисты комбайнов, в том случае, если своевременно подается порожняк, если не останавливаются транспортеры. А это зависит от четкой работы подъема. Бывает, конечно, что и комбайны останавливаются. Но к транспортеру и подъему машинисты особенно требовательны.

Иван Алексеевич долго присматривался к работе транспортера и подъема. Видел неполадки и стал задумываться, как устранить их, как сделать, чтобы они действовали слаженно и бесперебойно. И пришел к выводу, что выход — в автоматизации. Долго вынашивал и обдумывал смелый план. Но знаний оказалось недостаточно. Нужны чертежи, расчеты. Самому всего не осилить. Решил посоветоваться с товарищами по работе. Нашлись такие, что просто отшутились: «Давай делай автомат, пусть сразу весь слой угля вытаскивает на-гора». Большинство же товарищей горячо поддержали, советовали смелее браться за дело, даже доказывали, что отступить он не имеет права, что задуманное очень важно для всего коллектива.

Ободренный друзьями, Симак обратился к людям, хорошо знающим технику. Но начальник подъемного хозяйства Баушев привык иметь дело только со знакомыми вещами и не хотел заглядывать дальше сегодняшнего дня. А тут слесарь предлагает что-то неизвестное и весьма рискованное да еще доказывает, что сделать не трудно.

— Занимайся своим делом. Потом посмотрим,— равнодушно ответил инженер.

Такое отношение непосредственного начальника и удивило и поразило Симака. К кому же обращаться? Кто поможет? Что скажет механик третьего участка Константин Иванович Ким? Слесарь пошел к нему. И не зря. Ким — новатор. Так уж повелось, что все, кто ищет что-либо новое, группируются вокруг него.

— Да у тебя почти законченное предложение! Надо приступить! — сказал Константин Иванович.— Начинать прямо сегодня. Иди к начальнику шахты, подай заявку на необходимые материалы, пусть выпишет.

Кое-что у изобретателя уже было: кабель, электрошнур, длинный винт от старого списанного индикатора. Нужны лишь электрическая лебедка и пускатель. Вот за этим все-таки позже пришлось обращаться к начальнику шахты. Тот немедленно распорядился выдать все, что требуется. Симак увидел, что начальник верит в его силы и умение, надеется на удачу. Это вдохновило.

Окрыленный поддержкой, Иван Алексеевич приступает к осуществлению давней мечты. И в рабочее время и после работы ему помогали товарищи — слесари.

И вот автомат готов! Предстоит экзамен. Собрались руководители шахты, пришел механик Ким, люди из машинных секций. Четыре работницы-мотористки, как всегда пришедшие на смену, стоят не на своих обычных местах: сегодня впервые их должен заменить автомат. Все с волнением ожидают начала, и главное, результатов испытаний.

Иван Алексеевич протянул руку к кнопке, но нажать не решился.

— Пускай,— приказал главный инженер Шалабаев.

Симак нажал кнопку, загорелась лампочка автомата, задрезжал сигнальный звонок, загудели электромоторы, транспортер двинулся.

* * *

Изобретение слесаря Ивана Алексеевича Симака приносит огромную пользу. Шестнадцать мотористок переведены на фабрику. Уж не крутятся вхолостую моторы, не тянут незагруженный транспортер. На этом экономится в год 70—80 тысяч киловатт электроэнергии. Теперь и бункер работает только при поступлении угля и без перегрузки. Завалов не бывает совсем, автомат регулирует загрузку. Значит, не будут преждевременно изнашиваться механизмы.

Пока еще полностью не подсчитана материальная выгода от внедрения автомата Симака — очень нужного и полезного изобретения. Приблизительные расчеты показывают, что экономия составит, примерно, 100 тысяч рублей в год.

А что сейчас делает этот простой, скромный рабочий человек?

Иван Алексеевич пока не рассказывает о своих замыслах. Но из беседы с ним выносишь уверенность, что он обдумывает что-то очень серьезное и нужное.

Юрий НЕСТЕРОВ

ПЛАСТЫ

По тихим вечерним кварталам
Шагают шахтеры устало.
Я снова ребятам попутчик,
Я вновь собеседником им.
Достав папиросы покруче,
Мы долго и жадно дымим.
О чем разговор немудреный? —
О новых пластах, про уклон...
Я в тайны пластов и уклонов,
Как равный, давно посвящен.
Я знаю:

удар динамита —
Обрушится угольный пласт.
И хлынет рекой глянцевицей
Подземного солнца запас, —
Под яростный скрежет металла,
Под радостный возглас людской...
По тихим вечерним кварталам
Шагают шахтеры домой.
Меня не напрасно тревожат
Их речи, что очень просты.
...Есть где-то в поэзии тоже
Нетронутые пласты.

ВЫСОТА

Под вешний гром, под птичий щебет
Бригада дружно строит в небе.

А на земле, не веря глазу,
С большим волнением следят
За тем, как парни-верхолазы
Несут посменно свой наряд.

И я немею от волнения,
Тревожно вглядываясь ввысь.
И вдруг — неожиданно — приглашение:
— А ну-ка, с нами поднимись!

Ну что ж, я тоже не из робких.
Но тут, не веря в цепкость рук,
Сжимал всю, до боли, скобки
Под учащенный сердца стук.

Путем опасным и неровным
Мы уходили от земли,
И только на вершине домны
Устало дух перевели.

И сразу — прямо, слева, справа
Вдруг встал, во всю раздавшись ширь,
В леса одетый Темир-Тау,
Степной могучий богатырь.

Над ним все ярче, лучезарней
Всходило солнце в этот миг...
— Ну, как пейзаж? — смеются парни,
Вопрос задавши напрямик.

Я степь знавал пустой, огромной,
А нынче не узнал места.
... Встал новый город. Рядом — домна.
— Вот это, хлопцы, высота!

«СОРЕВНУЙТЕСЬ ЗА ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ БРИГАДЫ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА»
«КАЖДАЯ МИНУТА — ТОННЫ УГЛЯ»

В темпе «Мексико» со двора врывается толпа празднично одетой молодежи. Кружась в танце, проносится через фойе и скрывается за дверь. Остаются Шура, Варя, Жамиля. За ними, сам по себе, идет Эркен, подыгрывая на домбре.

Николай ПИЧУГИН

ШУРКИНО ДЕЛО

Пьеса в 4 актах, 6 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ШУРА КОЧЕТОВА — машинист электровоза в шахте, 19 лет.
ВАРЯ ЮХНО — машинист электровоза той же шахты, 22 года, украинка, недавно из села.
ЭРКЕН — кондуктор электросостава, 20 лет.
ЖАМИЛЯ — комсорг на той же шахте, 23 года.
РЯБОТЬКО Никифор Трофимыч — горный мастер участка внутришахтного транспорта, из практиков, 50 лет.
ОЛЕЙНИКОВ Иван Миронович — начальник участка внутришахтного транспорта, ровесник Ряботько.
ТАИР — главный инженер шахты, 30 лет.
УТЕБАЕВ Каип — председатель шахткома, из практиков, 50 лет.
КАТЮША РЯБОТЬКО — секретарь нач. шахты, 18 лет.
ЛЮБЧЕНКО Виктор Сергеевич — начальник районной горно-технической инспекции, председатель аварийной комиссии, 27 лет.
КЛАВДИЯ — горный техник, представитель треста в аварийной комиссии, 24 года.

Действие происходит в наши дни в Караганде. События первых трех актов протекают в течение суток, четвертого — недели две спустя.
Место действия — пришахтный поселок.

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина первая

Летняя ночь. Слева в темную прозрачную синеву неба врежется черная масса терриконика. Звуки сыгрывающегося оркестра сливаются, нарастают, взрываются зажигательной мелодией «Мексико». Полный свет.
На сцене — фойе клуба. Видны танцующие пары. Над дверью и на стенах — красные полотнища с лозунгами:

1

Шура в светлом, сама свет и радость, бежит к дверям, высматривая кого-то. Отходит разочарованная. Музыка смолкает.

Эркен (*насмешливо напевая*). Ой, дивчина, шумить гай, кого любишь, забудай...

Варя. Верно, Эрка. Нечего подглядывать да заглядывать. Еще сглазишь!..

Жамиля (*покачиваясь и кружась*).

Кого любишь, забудай...

Шура (*дразня подруг, продолжает*).

Нехай шумить и гуде,
Кого люблю — мий буде...

Эркен. Не будет твой! Клавочка Крылова не отдаст! Знаешь, какая она! Вцепится, никого не подпустит! Спроси Варвару.

Шура. А откуда Варваре знать! Варя! Это ты сплетни распространяешь?

Варя. Не сплетни, а вполне официально. Пока ты ездила в новый город завиваться, она посетила наше общежитие и заявила: передайте, говорит, Кочетовой, пусть не разбивает. Мы с ним договорились, и нечего крутить ему голову. Брось ты его, Шурка! Фактически, они муж и жена... Завтра оформятся — и все! Так что ликвидируй эту любовь...

Шура (*не отвечая, поправляет прическу перед зеркалом*). Этот локончик мне не нравится. Торчит, как рог! (*Вздыхнула*). Мне снился сад...

Где-то должен быть сад...
Соловьиное пенье...
Серебристый каскад
И мрамор ступеней.¹

Ладно! Все это глупости. Я шутила, а люди уж навьдумывали... Эрка! Когда твое выступление?

Эркен. Хоть сейчас!

Где-то должен быть сад,
Запах роз, соловьиное пенье...

¹ Стихи В. Мармонтава

Варя. Дался тебе этот сад! Откуда он взялся?

Шура. Да как-то в клубе поэт читал свои стихи. Помнишь, тот лохматенький мальчик, что в ребячьем общежитии воспитателем работал...

Варя. А! Помню! Волос дыбом, штанцы коротенькие та узосенькие. Ну чисто горобец у дощ! И что-то лепечет, не разбери-бери!

Шура. А вот запомнилось: где-то должен быть сад! Должен же быть сад у человека, девочки? Почему у меня его нет?

Ж а м и л я. Будет и у тебя сад.

Шура. Когда, он будет! Миля, тебе хорошо говорить — ты уже нашла! Ну что ж! На своей свадьбе не гулять, давай хоть на твоей потанцуем. Когда расписывается?

Ж а м и л я. Таиру надо диссертацию закончить, да еще в Алма-Ату ехать, защищать.

Подходит Таир — благодушный, приятный, мягкие манеры, черные круглые очки. Благоклонно кивает всем и уводит Жамилю в зал. За ними — остальные.

2

В опустевшее фойе входят со двора Ряботько и Катюша. Она коренастая, краснощекая, чем-то похожа на игрушечную матрешку. Ряботько — шустрый, сутулый человек; пышные усы не скрывают морщин, — видно, у этого человека неприятностей в жизни было больше, чем удач.

К а т ю ш а. Я же говорила — опоздаем.

Р я б о т ь к о. Ничего, дочка. Прогула нам не запишут...

Катюша перед зеркалом оправляет платье.

К а т ю ш а. Хорошо выгладила?

Р я б о т ь к о. Мать покойница встала бы, порадовалась. Красавицу вырастил.

К а т ю ш а. Кубышка, а не красавица. И красная, как морковка...

Р я б о т ь к о. Что ты в мужском вкусе понимаешь? Раз я говорю — знаю. Теперь бы зятя хорошего. Вот в будущем году на пенсию выйду. И заживу, как граф из той книжки, что мы с тобой как-то читали. Граф Вибрион, что ли?

3

Расходятся: Катюша — в зал, а Ряботько, проводив ее взглядом, направляется к выходу. В дверях он встречается с Любченко и Клавдией. Раскланивается.

Л ю б ч е н к о. Вы что же, Никифор Трофимович, танцевали уже?

Р я б о т ь к о. Я свое давно оттанцевал. Теперь вот дочку привожу на танцы.

К л а в д и я. Дочка у вас невеста хоть куда. Просто прелесть. Такая милая, румяная, полненькая. Я всегда говорю: Катюша как яблочко. И скромная...

Р я б о т ь к о. Сам воспитал. Значит, мужское воспитание лучше женского. Трех годочков оставила ее мне покойница-хозяйка. Присягу взяла — не жениться, не отдавать девчонку мачехе.

Любченко, пользуясь тем, что Клавдия заговорила с Ряботько, не спеша направляется в зал.

Клавдия, заметив его маневр, покидает Ряботько и, мило кивая ему, устремляется к Любченко.

К л а в д и я. Виктор! Виктор!

Л ю б ч е н к о. Ну что?

К л а в д и я. Ты куда?

Л ю б ч е н к о. В буфет. Забыл дома папиросы.

К л а в д и я. А ты не знаешь, что даму не полагается оставлять одну.

Л ю б ч е н к о. А ты не отставай!..

Проходят в зал.

4

Из зала выходят Утебаев и Олейников — благодушный мужчина с хитрецей во взгляде.

О л е й н и к о в. Хорош оркестрик! Грому — прямо потолок поднимает!

У т е б а е в. Исключительно!

О л е й н и к о в. Недаром на фестивале первую премию отхватили! И жюри и президиум — единогласно! Надо бы завклубом поощрить. А, Утеич?

У т е б а е в. Зачем поощрить? Оркестр играет, а не завклубом.

О л е й н и к о в. Не у всякого завклубом оркестр играет. Вот раньше оркестр был, а что с него? Надо человека похоронить честь честью. Начальник шахты командует завклубу: «Давай оркестр!» А тот мнется. Наш оркестр, говорит, начинающий, только туш да краковяк освоил. Начальник рассердился. Чтоб была музыка — и все! Завклубом некуда деваться! Играй, говорит, хлопцы, краковяк, только помедленнее!... Сыграли! А потом нас в райком вызывали. Влетело! Словом, я, как зампредшахткома, прямо заявляю: не жмись! Требуй из премий на поощрение!

У т е б а е в. Из каких премий?

Олейников. А вот мы сегодня первенство выиграем!

Утебаев. Знаешь, казахи говорят: «Не говори спасибо, пока не положат тебе кусок в рот». Давай раньше выиграем первенство.

Олейников. Неужели полпроцента не дождем! Ручаюсь! Народ в настроении. Сейчас на наряде еще подкрутим гайку. Сам **всю** ночь в шахте просижу — следить буду! Смены под землей сегодня самые лучшие. Скоростники! Южно, Кочетова! Не будет задержки в лавах — все! Рванем и — считай в кармане!

Из зала выходят Варя и Эркен. Варя прихрамывает.

Олейников. Что, Южно? На ноги пала! Дотанцевалась!

Варя. Захромала!

Олейников. Ну и к лучшему. Иди-ка домой, отдохни! Тебе сегодня всю ночь кататься! Смотри — не подведи!

Варя. Еще не подводила.

Олейников. Ну, давай-давай! Пошли, Утеич, ужинать!

Уходят.

Варя. За всю свою жизнь ни разу не купила туфли по ноге! Какие-то ненормальные туфли!..

Эркен. Это ноги у тебя ненормальные.

Варя (*поджав ногу, останавливается у притолоки и смотрит в зал*). Шурка, чертенок! Хорошенькая какая! Ишь кокетничает. Счастливый кто-то будет, а, Юрка?..

Эркен молча смотрит туда же, и на лице его видна то нежность, то муки ревности.

Варя (*глядя на него*). У тебя, Юрка, лицо неудобное. Все выдает, что в душе делается.

Эркен. Глупости.

Варя. А танцевать хочется! Давай, Юра, потанцуем здесь... Потихоньку...

Эркен. Не умею.

Варя. А я научу. Пользуйся случаем, что я захромала от этих туфель. (*Со вздохом.*) Четыреста двадцать рублей выкинула... Ну, давай поучу!

Хромает к Эркену. Тот оглянулся, обнял Варю, но все же фыркает.

Варя. Ты просто трусишь... Раз-и, два-и, три-и...

Эркен (*неловко выделяет фигуры*). Не трушу! Принципиально не хочу.

Варя. Ну и стой столбом, раз такой принципиальный... раз - и, два - и, три - и... Не завидуешь тем, кто с Шуркой танцует?..

Эркен. Нужна мне твоя Шурка...

Варя (*напевает в такт вальса*). Не заливай, Не заливай. Имей в виду, что Шурка скучных не любит... И что на расстоянии девушку не увлекают... И по почте тоже не завоевывают...

Эркен. А причем тут по почте!

Варя. А при том! Письма ты пишешь, конечно, хорошие... Мне хоть бы раз такое прислали...

Эркен (*протестуя*). Какие письма?..

Варя (*декламирует*). Не могу изложить в этой писанине все, что чувствую, то есть лирику... Скажу лишь одно — всегда и всюду вижу только вас и даже тень вашу жду, как солнца!..

Эркен (*возмущенно, краснея*). Ничего подобного! Врет Шурка!

Варя. А я разве сказала, что это ты Шурке писал?

Эркен (*сгоряча*). А кому же еще?

Варя, Ха-ха-хаю Вот и попался.. Ох ты, тютя! Открытая твоя душа. За такую душу, конечно, можно полюбить...:

Эркен (*горько*). Нужна вам душа! Вот так откроешь, а в нее плюнут!..

Варя. Да никто не плюет. Шурка только со мной поделилась. И знаешь, что сказала? Может, говорит, Юра и есть тот настоящий, который мне нужен.

Эркен (*обрадованно*). Ну?! Правда?!

Варя. С места не сойти. Он, говорит, из наших мальчиков самый душевный...

Эркен. Ну!.. А еще?

Варя. А что еще? Сам должен понимать. Активнее действуй, а то ходишь все вокруг да около... Очень уж ты скромный. Парню иногда надо быть немножко нахальным.

Эркен. А я вообще нахальный! Только с другими! А вот с ней не получается...

Варя. Значит, по-настоящему любишь!..

Эркен. Да чего ты ко мне пристала! Любишь, любишь!.. Ну, дружу с ней!

Варя. А хорошо, если бы у вас по-настоящему вышло. Я бы тогда за Шурку спокойна была, а то боюсь, — обдурит ее этот Любченко.

Эркен (*мрачно*). Обдурит. Не женится он на Шурке. Кто она? Работница! А Клавдия — техник!

Варя. Подумаешь, техник! Шурка тоже десятилетку кончила, на курсах была. И дальше учиться будет... Стой!

Отбрасывает руку Эркена и, прихрамывая, бежит к двери в зал. Так и есть! С Виктором танцует. Смотри — аж светится!

Эркен (*мрачно*). Рада!

В а р я. А Клавдия на них как смотрит! Чисто —змея! Ой, дура Шурка! Ой, дурища! Всему свету видно!..

Эркен, грустный, направляется к выходу. За ним прихрамывая, пошла в зал Варя.

Гремит музыка.

Некоторое время сцена пуста. В открытой двери мелькают пары.

5

Из-за кулис появляются Шура и Любченко. Останавливаются. Шура обмахивается веером.

Шура. Фу! Натанцевалась!

Любченко молча любит ее.

Шура. Как хорошо здесь! В зале духота!

Любченко. Вы сегодня — прелесть! Светлая! Веселая. Так и играете, как вино искристое.

Шура (*будто не слышит*). Пить хочу — умираю! А буфет закрыт. Буфетчица весь вечер танцует со своим мальчиком, чтоб не отбили. Ревнивая!

Любченко. Я тоже ревнивый. Вас ревную. Как вы позволили Петухову так возмутительно вести себя, когда танцевали с ним? Смеетесь! Вам весело!

Шура. Люблю, когда ревнуют!

Любченко. Вот придется и вам ревновать, тогда посмеетесь! Но чем же вас напоить? Пойдем в столовую, выпьем шампанского.

Шура. А Клавдия?

Любченко. А при чем здесь Клавдия?

Шура (*уклончиво*). Ну, вы же с ней пришли!..

Любченко. Честное слово — случайно! Встретил по дороге, ну и пошли вместе... А шел я, чтобы увидеть вас... Уверяю, Шура!..

Шура. А говорят, она ваша невеста.

Любченко. Ничего подобного! (*Сердась*) Сплетни!

Шура. Ни с того ни с сего не выдумают... Значит, есть что-то.

Любченко. Мы бывали вместе... Ходили на танцы... В театр... Честно говоря, сначала я...

Шура. Увлечлись?

Любченко. Не то чтобы очень, но...

Шура (*холодно*). Что ж! Она красивая. И деловая. В тресте на инженерской должности... Чем не жена!

Любченко. Что ж, и в этом есть резон. Я уже не мальчик... Но... выяснилось, что этого мало. Красота и положение — это не все, Шура! Все-таки главное — человек! Характер! Я ни в чем не обвиняю ее! Просто — не сошлись!.. Словом, я свободен, Шура. И юридически, и морально! Никаких

обещаний не давал... Вы это хотели знать? Я правильно понял?

Шура (*сконфуженно*). Да я вовсе не расспрашивала! Какое мне дело!

Любченко. Неправда, Шура! Есть дело! И я рад. Меня тоже интересует все, что касается вас. Хочу ближе узнать вас, подружиться. Надо поговорить как следует, Шура. Конечно, не здесь! Пойдем куда-нибудь, Шурочка... Подарите мне этот вечер!..

Шура. В другой раз. Мне скоро в шахту спускаться — моя смена.

Любченко. Ну идите домой, отдохните! Я провожу. В общежитии, верно, никого нет. Посидим, Шура! Шурочка! (*Шура отрицательно покачивает головой.*) Почему?

Шура (*шутливо*). Запретили мне гулять в чужом саду!

Любченко. В каком саду? И кто запретил?

Шура (*с улыбкой*). Комсорг. Миля наша.

Любченко. О! Комсомол на страже морали! Любовь — под общественный контроль!

Шура. Где-то должен быть сад... Только мой сад! По-настоящему мой! Не хочу счастья с червоточиной!..

Любченко. Ах, вот оно что! Но я... Я же не лгу! Шура, уверяю — мне тоже теперь настоящее счастье снится!.. С тобой, Шура!

Привлекает ее, обнимает. Шура снова вырывается.

Шура. Не надо! И без того разговоры по поселку идут о нас, девушках из общежития!..

Любченко. Что ж, мы будем плясать под дудку дураков?! Пусть болтают!

Шура. Вам-то пусть, а каково мне?

Отходит опечаленная.

Любченко. Ну вот и рассердилась!

Шура. Я на себя сержусь за то, что стою здесь и слушаю вас...

Любченко. А зачем сердиться? Значит, хотите того же, что и я! И хорошо! Когда ваш отпуск? Поедем вместе! Поедем в Киев. Это мой родной город! Там я вырос, учился. Он такой светлый, просторный, красивый. Я покажу вам свои любимые места, где я бегал еще мальчиком! Тропинку с высокого берега к Днепру, через рощицы... Какие там сады!.. Поедем? Да? Шура? Что же вы молчите?

Снова обнимает ее.

Шура (*пытаясь вырваться*). Не надо! Виктор, не надо!

Любченко целует ее. Шура рванулась было и замерла.

Из дверей появляется Клавдия, видит целующихся, хватается за сердце, отступает за дверь. Через минуту снова появляется, громко напевая что-то. Шура уже стоит одна, закрыв лицо руками. Любченко жадно смотрит на нее.

Клавдия. Ля-ля-ля-ля-ля!.. Не помешала?

Любченко. Нисколько. Натанцевалась? Куда же вы Шура?

Шура (*направляется в зал*). Меня ждут...

Клавдия (*выждав, когда Шура скрылась в дверях, небрежно*). А я ждала тебя, ждала!

Любченко. Ты же пошла танцевать с Семенюком.

Клавдия. Но ты, я вижу, не скучал. Проводи меня.

Любченко. Извини... Я хочу еще потанцевать... Семеник тебя проводит...

Клавдия. Я пришла с тобой, а не с ним.

Любченко. А если бы мы не встретились?

Клавдия. Ты хочешь провожать эту?

Любченко. Не эту, а... Неважно кого.

Клавдия. Можешь не говорить. Сама все видела. Да, да! Жгучий поцелуй. Вот на этом месте!

Любченко (*сконфуженно*). Да... Нехорошо! Моя вина!

Клавдия. Хотел втихомолку — и тут, и там!..

Любченко. Да не то совсем! Мне за нее неприятно — растреплешь по всему поселку! Ну, что ж! Чем хуже — тем лучше! Как выражается один профсоюзный деятель, этот красноречивый факт смотрит на нас из всех щелей нашей жизни. Прости, если огорчаю...

Клавдия. Давно решил так? Или с самого начала разыгрывал комедию?

Любченко. Ничего не разыгрывал. И ты это знаешь... А теперь выяснилось, что нельзя больше держать тебя в заблуждении и толкать на неверные... шаги.

Клавдия (*насторожилась*). Какие шаги?

Любченко. А вот вроде твоего предупреждения кое-кому, что, мол, место занято...

Клавдия (*вспыхнула*). А-а! Успела наслетничать!

Любченко. Ходила ведь? Предупреждала?

Клавдия (*вызывающе*). Да! Ходила! И предупреждала! И считаю правильным! Нечего крутить голову и мне, и ей! Не навизижу грязь, ложь! Жаль, не застала твое увлечение — пришлось передать...

Любченко. Фу, как некрасиво! Девушку осрамила ни за что! Ты же не знаешь наших отношений!..

Клавдия. Теперь знаю точно!

Любченко. Почему бы тебе прямо и честно не спросить меня: как, мол, у тебя с ней? Неужели я обманул бы?

Клавдия. Может быть.

Любченко. Вот-вот! Здесь твоя болезнь! Подозрительность твоя! Ядовитая, злая, беспокойная! Всегда ты настороже! Всегда в стороне от людей. Как бы не обманули!

Клавдия. Дурой не хочу быть!

Любченко. Сама себя обсчитываешь! Потому что люди чувствуют, как ты скупа душевно, и уходят! Ты многих влечешь, а удержать не можешь! Были до меня — ушли.

Клавдия. Не удерживаю!

Любченко. Ты красивая. Иногда очень красивая. А возле тебя никого нет. А знаешь, почему? Потому что ты сама никого не любишь. Никому не греешь сердца. Вот и теперь. Еще о будущем не говорили как следует, а уже какие-то проверки... Вот эта выходка!

Клавдия. Спасибо случаю — все выяснил. Теперь знаю правду — крутил мне голову.

Любченко. Разве я тебя обманывал? Обещал что-нибудь? Ты сама поставила себя в такое положение, что люди могут предполагать все.

Клавдия. Ты должен был раньше сказать мне... Теперь посмешником сделал! За то, что не стала твоей любовницей!

Любченко. Что ты несешь!

Клавдия. Бессовестный! Эгоист! (*плачет*).

Любченко. (*растерянно*). Ну вот! Клавдия! Ну перестань! Войдет кто-нибудь, черт знает что подумает!

Берет ее под руку, ведет к выходу. Клавдия вырывается с ненавистью.

Клавдия (*рыдая*). Негодяй. Какой негодяй! Оставь меня! Не прикасайся! Не смей!

Клавдия отталкивает Виктора, но он уводит ее насильно, приговаривая: «Ну успокойся! Идем!..»

Внезапно в мотив вальса врывается звук. Он нарастает, переходит в рев, заглушая оркестр, зовет все настойчивее, требовательнее. Из зала вываливается толпа, устремляясь к выходу. Рев обрывается.

Музыка смолкла.

7

Варя. Девчонки! Ко мне! Хватит! Шурка, — смена!

Варя, Шура, Жамия пробираются к выходу. В дверях со двора появляется Ряботько в спецовке. К нему пробирается сквозь толпу Катюша. Шура озирается, ища кого-то, и видит уходящих Любченко и Клавдию. Шура мрачнеет. Варя всматривается в подругу.

Варя. Ты чего скисла?

Шура. Ничего. Просто хочется еще танцевать, а тут в шахту спускаться.

Варя. Ну, ты мне без фантазий! Кровь из носу, а обязательство выполнить.

Шура. Отстаньте вы от меня!

Прощальный марш заглушает дальнейшие реплики.

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

Картина вторая. Авария.

Тьма и тишина, нарушаемая журчанием воды. Постепенно выступает картина: откаточный штрек с рельсами. По крепи тянутся электрокабели. Прямо на стене телефон. Слева к телефону приближается шахтер, сутулясь, чтобы не задеть головой поперечные лесины. Дребезжит телефонный звонок. Шахтер останавливается. Теперь луч прожектора вырывает его из тьмы — это Ряботько. Он снимает телефонную трубку.

1

Ряботько. Горный мастер Ряботько слушает. Сейчас отвезет партию и вернется.

Вешает трубку. Присаживается, опираясь спиной о стойку.

Достает из-за крепи термос, пьет из горлышка, Отдувается. Слева приближается фигура. Ряботько поспешно прячет термос за стойку. Подбегает Шура. В брезентовой спецовке и плоской каске на повязанной платком голове.

— Где ты запропастилась? С меня голову снимают из-за твоей...

Шура (*поспешно перебивает*). Знаю, знаю! Давайте лампу для фары. У меня перегорела!

Ряботько. У меня нет лампочек! В гараже требуй, на складе!

Шура. Была в гараже, у диспетчера, всюду! Нет ламп! Где хотите — доставайте! И так сколько времени за ней бегаю! Откатку срываем!

Срывает рукавицы, с сердцем швыряет их на землю.

Ряботько (*шипит, как от ожога*). Беда! Да как же ты?!

Шура (*яростно*). Как! Как! Это вы себя спросите, почему у вас самого необходимого запаса в гараже нет! Лампочки паршивой! Из-за такой мелочи задание срываем!..

Звонок телефона. Ряботько берет трубку.

Ряботько (*в трубку*). Горный мастер Ряботько слушает. Угу! Сейчас! Да сейчас, говорится вам! (*Вешает трубку*.) Величко на седьмой последний вагончик грузит!

Шура (*в отчаянии*). Срыв! Позор! Как я завтра людям в глаза смотреть буду!

Ряботько (*мечется растерянно*). Скажи, какой случай! И сегодня! Все на свете летит! И знамя, и премия! Народ же нас затюкает! С земного шара ликвидирует! Олейников с меня шкуру снимет!..

Шура. Так вам и надо! Нахозяйничали!

Ряботько. А тебя, думаешь, похвалят! (*Звонок. Ряботько снимает трубку*.) Опять Величко! На — послушай. (*Передает трубку Шура*.)

Шура (*в трубку*). Да. Я. Значит есть причина!.. Не один вы переживаете... Ну ты не очень!.. И без тебя тошно!.. *Бросает трубку*.

Ряботько. Ты ж виновата! Кто же еще. Всадила всех в яму — теперь вытягивай! А что, если без лампочки?!

Шура смотрит на Ряботько, не понимая.

Ей-право! Забирала бы порожняк, на седьмую, да обратно с партией в опрокидку. А я тем часом пошлю кого на-гора... Через полчаса лампа будет здесь — и все в порядке!

Шура. Ехать без света?

Ряботько (*умоляюще*). Так положение какое! Задание срывается! Шура! Дочка!..

Шура. Не поеду. Закон!

Ряботько. Так ведь закон для пользы! А какая ж польза задание сорвать! Шурка! Только один рейс! До седьмой с порожняком!

Шура. А вдруг на начальство налетишь! Сегодня все здесь. Машину в гараж вернут да еще штраф припаяют!..

Ряботько. Так вот сразу и налетишь! Не сто километров ехать! Туда — сюда. Пути в порядке! С закрытыми глазами проедешь... (*Настойчивый звонок*.) А в случае начальство, — коллектив, мол, пришлось выручать! Учтут! (*Звонок непрерывный*.) Слышь, черти их мордуют (*В трубку*.) Говорите вы там, что ли? Едет, едет! А, чтоб вас! (*Бросает трубку*.) Шурка! Душа с тебя вон — подавай порожняк! Прямо за душу рвут! Тигры, а не люди! Выручай народ!..

Шура нерешительно поднимает с пола рукавицы.

Шура. А если что — берете на себя?

Ряботько. Само собой! Скорей, ты!

Шура решила. Идет налево, где ее ожидает состав. На ходу, обернувшись, кричит:

— Только на наших нервах и выезжаете.

Ряботько. А я сейчас налажу! Гони скорей! Жми во всю! Жми!. *(Возвращается к своему тайнику. Снова глоток из горлышка.)* Фу! Сколько переживаешь из-за этих вертихвосток!

2

Справа в глубине рождается гул, усиливаясь, перерастая в железный грохот. Непрерывный звонок электровоза. Звонок умолкает. Справа бежит к стрелке кондуктор, пытается перевести ее. Но из-за спешки что-то не ладится. Дергает рукоятку. В этот момент электровоз Шуры по инерции надвигается на стрелку. Болезненный вопль.

Выбегает Шура. Направляет луч лампочки вниз. У самых колес электровоза корчится человек.

Шура *(воплет)*. Эрка! Эрка-а!..

И зарыдала, уткнувшись лицом в корпус своей машины. Подходит встречный электровоз, с него соскакивает Варя. Она коршуном налетает на Шуру.

Варя. Шурка! Что ты начудесила? Где твой сигнал?

Пытается оторвать подругу от машины. Возле места происшествия собираются люди. Мечутся лучи лампочек, обшаривая землю, машины, фигуры людей. Несколько человек наклоняются над Эркеном. Подходит Олейников. Лицо его, испачканное углем, кажется свирепым.

Олейников. Что за базар? Что здесь происходит? Авария? Где машинист? *(Наводит прожектор на Шуру. Она уже не плачет. Стоит лицом к Олейникову, остолбенело глядя на него.)* Кочетова? Что случилось?

Шура. Эрку... Кондуктора... Задавила...

Олейников *(отшатнулся)*. Что-о? Не может быть!

Шура. Стрелка не освещена... И я... без фары.

Олейников. Ах ты, черт тебя побери! Как же ты смела?! Где Ряботько? Разыскать Ряботько!

Варя. Ой, Шурка, что ж теперь с тобой будет!

Олейников *(жестко)*. Два года тюрьмы, как минимум. Кто тут есть? Созывай комиссию! Давайте Ряботько! Медсестру вызвать!

Кто-то накручивает телефон, вызывает медпункт, главного инженера, инспектора горного надзора.

Занавес.

Картина третья. Предательство.

Сцена разделена на две части: слева приемная, справа кабинет Таира. Приемная — небольшая комната, стоит шкаф, стол с пишущей машинкой и пара стульев для посетителей. На двери табличка: «Начальник шахты», «Главный инженер шахты».

В приемной появляется Олейников. Он не брит, лицо серое, суровое.

Катюша *(обрадованно)*. Крестный! Вас ждут!

Не отвечая Катюше, Олейников останавливается перед Ряботько и смотрит на него уничтожающе.

Олейников. Ну?

Ряботько *(виновато)*. Иван Мироныч! Да при чем же я?

Олейников. А кто при чем? Пушкин? Я?!

Ряботько. Кто кислицы поел, как говорится, а у кого оскома!

Олейников. Оскома! Голову с тебя сорвать! Все к чертовой матери! И первенство, и премия!..

Звонок. Катюша бежит к двери главного инженера. Заглянув в дверь, оборачивается.

Катюша *(официально)*. Иван Мироныч, зайдите!

Олейников. Идем, Никифор, кашу твою расхлебывать. *(Ряботько порывается возразить, но Олейников пресекает попытку)*. Но-но! Там будешь оправдываться! Работяга!..

Затемнение.

2

Освещается кабинет Таира.

За письменным столом комиссия: Любченко — председатель, по сторонам — Утебаев и Клавдия. За отдельным столом — Таир. Перед комиссией стоит Шура. Она старается не смотреть на Любченко, стыдясь своего поступка. Рядом стоит Ряботько, поодаль на стуле Олейников.

Любченко *(холодно)*. Так вот, товарищ Кочетова, как же вы, опытный машинист, поехали без светового сигнала?

Шура. Я... не хотела ехать! Уговорили... Никифор Трофимыч...

Олейников резко оборачивается к Ряботько. Тот весь напрягся.

Любченко. Товарищ Ряботько! Вы разрешили Кочетовой ехать без сигнала?

Ряботько *(откашлялся)*. Я... Не разрешал!..

Шура *(всплеснула руками)*. Ой!.. *(Не веря ушам, уставилась на Никифора)*.

Ряботько *(тверже)*. Без моего ведома.

Олейников *(негодующе)*. Еще на других валит!

Шура. Даже настаивал!..

Ряботько. Ничего подобного!

Любченко смотрит на Ряботько, потом на Шуру — теперь она уже не уклоняется от его взгляда, наоборот, ищет в нем поддержки.

Любченко (к Шуру). Письменное распоряжение у него брали? (Отрицательный жест Шуры). Свидетели были при разговоре, когда он уговаривал вас? (Тот же жест).

Олейников. Ясно — липа! Брехня! Самовольство!

Утебаев (к Ряботько). А девушка говорит — ты просил...

Ряботько. Ничего я не просил... Что я — первый год в шахте, чтобы такое от машиниста требовать!

Олейников. Точно.

Ряботько. Я сразу кинулся лампу доставать. А что без меня было — не знаю. Заявляю авторитетно! (Пауза. В молчании присутствующих недоверие. И Ряботько добавляет). Может, правда, хотела помочь коллективу. Девушка сознательная. Рискнула. А только я здесь ни при чем!

Любченко. Имейте в виду, за ложное показание — уголовная ответственность.

Ряботько (обиженно). При чем тут ложное показание! Говорю как было.

Олейников (выручая приятеля). Вот запасной лампочки у вас не оказалось — нехорошо! Запас полагается иметь.

Ряботько (с облегчением). Что запаса нет — виноват. У нас на складе зимой снегу не добьешься, а все равно считается — я виноват!

Клавдия. По-моему, все ясно. Товарищи могут идти.

Любченко. Вы свободны, товарищ Ряботько... И вы... Подпишите показания.

Олейников, Шура, Ряботько подписывают. Ряботько и Шура выходят. Первый старается держаться прямо и свободно. Шура — подавлена, опустила голову.

Утебаев. Врет! Глаза туда-сюда!

Любченко. Явно врет. Уговорил глупую.

Клавдия ядовито улыбается

Олейников. Таковую не уломаешь! Это она сейчас беденькая, как нашкодила! А то... Бой-девка!

Тайр. Извините, я не член комиссии, но... Я немножко знаю Кочетову... Вряд ли она осмелилась бы нарушить правила... Хороший работник!..

Олейников. Но ветер! Я-то, как ближайший ее начальник, знаю. Ветер!

Утебаев. Сам вчера хвастал, что в третью смену идут лучшие машинисты — Кочетова, Юхно Варя...

Олейников. На бесптичь и ворона — соловей! А я ско-

рее Ряботько поверю. Кадровик. Четверть века на шахтах. Сам же ты работал с ним, Каип.

Утебаев. Работал. Я на шахте, он на поверхности. Теперь Ряботько пошел в шахту — хочет большую пенсию.

Олейников. Никаких взысканий!

Любченко. Умеет за чужую спину прятаться!

Клавдия (с той же улыбкой). Конечно, девушку жаль. Но все же наше дело — не сочувствовать, а выяснить виновников аварии. В сочувствии, по-моему, больше нуждается пострадавший...

Олейников. Точно! Парень в больнице. Перелом голени.

Клавдия. Тяжелый случай. Результат недисциплинированности. Об этом и следует говорить прежде всего.

Олейников одобрительно кивает.

Утебаев. Ей начальник велел.

Клавдия. Могла отказаться. Даже обязана была отказаться!

Любченко. Мы должны установить не только виновника, но и причины аварии. С первого взгляда ясно — внутришахтный транспорт запущен. Недавно инспекция предписала устранить целый ряд дефектов. Говорилось и об отсутствии освещения, об оголенных проводах на штреке...

Олейников. Энергетик никак не раскачается...

Любченко. И ничего не устранено до сих пор. Необходимых деталей в гараже нет. Дисциплина расшатана. Машинисты и даже их начальники игнорируют элементарнейшие правила!..

Олейников. А с кем работаем! Кого нам посылают! Мальчонок да девчонок!

Тайр. Учить надо, Иван Мироныч. А мы не учим, не воспитываем.

Любченко. Все известно: и вам, товарищ главный инженер, и тресту. В частности вам, товарищ Крылова. Вы прикреплены к этой шахте, значит, тоже несете ответственность...

Клавдия (насмешливо). За аварию?

Любченко. В какой-то мере и за аварию.

Клавдия. Вы слишком переживаете этот случай, товарищ Любченко!

Тайр. Виктор Сергеевич в основном прав. Я вообще недавно здесь. Только присмотрелся. Шахта на хорошем счету, правда. Даже намеревались обогнать сто-бис. Но, видно, рано. Пока сто-бис обогнала нас.

Олейников. Обогнала, как та фабрика, что выиграла

соревнование у другой потому, что другая сгорела. Думаете, на сто-бис — культура? Так же вот — рванут да вырвутся...

Т а и р. И все же мы позади. Потому что, прав Виктор Сергеевич,— предприятие запущено. Культура низкая. И губит нас штурмовщина. Стараемся, налаживаем ритмичную работу, выдерживаем график. Но только подходит конец месяца — жми! Выручай других! Работай за дядю! Выручай трест!

Клавдия. От нас тоже требуют.

Т а и р. Выручай комбинат! Совнархоз! И вся организованность летит, график долой!

Любченко. Вот и отметим в акте, что одна из причин аварии — штурмовщина.

Клавдия (*иронически*). Не забудьте все же о самовольстве рабочих...

Утебаев. Все виноваты! И рабочие, и девушка, и Ряботько, и Олейников...

Олейников (*возмущенно*). Здравствте, я ваша тетя! А я при чем?

Утебаев. Не обеспечил!

Олейников. Опять лампы? Ты же слышал — нет их! Вот и приходится светить глазами! Все виноваты — только наш Каип святой! А ты почему не борешься со штурмовщиной? Ты заключал колдоговор? Где там сказано, что мы обязаны каждый месяц нервы себе рвать?

Утебаев (*смущенно*). Говорят, не смотри на свою колокольню — на государственную колокольню смотри!

Олейников. Значит, и ты виноват. А дело шьют мне!

Стук в дверь.

Т а и р. Войдите.

В кабинет влетает Варя, за ней идет Жамиля. Обе взволнованы.

Т а и р (*мягко*). Товарищи, сейчас тут комиссия...

Варя. А мы как раз в комиссию!

Клавдия (*холодно*). Вы как будто уже давали показания?

Варя. А мы еще хотим показать.

Жамиля. Дополнительные факты открылись.

Варя (*вынимает из кармана, спецовки термос и ставит его на стол*). Вот! Узнаете, Иван Мироныч? Может, тоже пробовали из этой плошечки? Это ж Ряботька плошка! Всему транспорту известная! Термосок! Чаек Никифор Трофимыч в нем носит. А какой чаек — понюхайте! (*Сует под нос Олейникову, Любченко, Клавдии, Утебаеву*). Хорош чаек?

Любченко. Не понимаю, какое отношение имеет эта штука...

Варя. Имеет! Мы нашли ее в шахте возле телефона, где товарищ горный мастер Ряботько чаще всего отдыхает... Нечаянно нашли. Проходили с Милей. Присвечиваю себе, смотрю, за стойкой — блестит. Вроде жестянка. Думаю: зачем туда жестянку засунули? Вынула, а это не жестянка, а Никифора Трофимовича термосок с чайком. Понюхала, дала Миле понюхать. Отвинтили крышечку, попробовали — все сорок градусов налицо! Не допил!

Олейников. А может, вы сами подлили туда водки?

Варя. Это вы, Иван Мироныч, для своего кума готовы на все, а мы на подлость не пойдем!..

Любченко (*к Олейникову*). Термос вам известен?

Олейников. М-да... Видал.

Любченко. Все, девушки?

Варя. Все. А что говорили раньше — подтверждаем. Кочетова не сама по себе. И просим учесть, что после такой плошечки Ряботько легко!

Олейников. Хватит, Южно!

Любченко. Спасибо, товарищи!

Девушки выходят. Затемнение..

3

Приемная. Катя и Варя сидят рядом, горяя.

Варя (*жалуется*). Вот бюрократизм где! Правила! Правила!..

Катя (*наставительно*). Без правил, Варя, тоже нельзя. Правил не выполнять, так и шахта взлетит на воздух.

Варя. А то я не понимаю. Так они же нарочно глаза себе правилами позалепили, чтобы людей не видеть. Им и горя нет, что девка пропадает. И все из-за твоего отца.

Катя (*оскорбленно*). При чем тут папаша?

Варя. Конечно, я против тебя ничего не имею. Отцов не выбирают. Бывают и у хороших людей отцы поганцы!

Катя (*ужаснулась*). Варя! Как ты можешь? (*Закричала*). Как ты смеешь? Почему ты Шурке веришь, а другим нет?! Шурка героиней хотела быть! Коллектив спасала! А теперь струсила, потому что напакостила всем, да и в кусты!

Варя. Не смей так про Шурку!

Катя. За папашу прячется!

Варя. Не смей, говорю! Мы ее, как облупленную, знаем! Не врущая! Виновата — так и скажет, что виновата!

Катя. Ты знаешь Шурку, а я папашу! Мама умерла, так он сам меня выходил.

Варя. Шурка тоже чье-то дитя. Да некому ее пожалеть, сирота. Из детдома. Мы ее предаем, одну за всех виноватой

выставляем!.. Словом, Катерина, вот тебе мое последнее слово. Поговори с отцом. Повлияй на его совесть, если у него хоть немного осталось. Пусть не губит Шурку! Пусть заявит, что она по его распоряжению поехала без сигнала. Может, тогда ее условно осудят или принудилровку дадут по месту работы...

Катя. Да не разрешал он!

Варя. И еще скажи, что лучше сейчас признаться, потому что правда всегда выйдет на свет. До самой смерти жалеть будет.

Катя. Варя! Хоть ты и подруга моя лучшая!

Варя (*вскипела*). А раз так — никакая ты мне не подруга! И не комсомолка!

Катя (*испуганно*). Варюша!

Варя. И знать тебя не хочу! Оставайся со своим папаней прекрасным. Тьфу!

Выбежала. Катя остолбенела. Потом бросилась за подругой, зовет жалобно:

Катя. Варя! Варя!

Выбежала вслед. Затемнение

4

Кабинет.

Любченко (*разглядывает термос*). Еще одно доказательство распушенности на участке... Придется эту штуковину приобщить к делу.

Олейников. Все-таки прежде надо спросить Ряботька, как и что?

Любченко. Спросят. В прокуратуре.

Утебаев. Ай, зачем так! Старый рабочий Ряботько. Ему на пенсию выходить.

Олейников. Верно. Из-за такого пустяка. Пьяным в шахте его никто не видел. Старик, может, просто полечился от ревматизма... Зачем же на этом играть!

Любченко (*раздраженно*). Что он, не знает правил поведения в шахте?

Клавдия. Может и не знать. Он недавно в шахте.

Любченко. Тогда пусть за него отвечает непосредственный начальник, допустивший на должность горного мастера человека, не имеющего ни надлежащей подготовки, ни необходимых моральных качеств. Кто его рекомендовал?

Утебаев. Олейников.

Любченко. Значит, Олейникову и отвечать.

Олейников (*разыгрывая крайнее изумление*). Ну и ну, за кого я вышла! Так вы сразу и пишете, что это я поехал без фары, я наехал и так далее.

Любченко. Комиссия запишет, что найдет нужным, без ваших рекомендаций.

Олейников. Ах, так! (*поднялся*) Понятно! Все понятно, товарищ представитель горного надзора! Ухожу. Но мы еще посмотрим!..

Уходит. Затемнение.

Приемная. Из кабинета выходят Олейников и Таир.

Таир. Придется, Иван Мироныч, заслушать на бюро ваш отчет. Плохи дела на вашем участке.

Олейников. Вы уже сделали выводы? Не рано ли? Подождите хоть моего отчета.

Таир. Вряд ли ваш отчет что-либо изменит. Беспорядок на участке явный.

Олейников. Образцового порядка ни на какой шахте не найдешь. А что Любченко краски сгущает — так это он намеренно.

Таир. Зачем?

Олейников. Вы — человек молодой. Да еще и новый у нас. Людей не знаете. Сами ходите по прямой, так думаете, что и все так ходят. А у Любченко политика. Политика такая: разбросать Шуркину вину, обмазать нас — Ряботько да меня. Может, тогда Шурке на суде снисхождение сделают: из-за условий, мол, девушка правила нарушила и повреждение причинила.

Таир. Вы слишком легко бросаете тень на коммуниста. И при том без всяких оснований.

Олейников. Как это без оснований! Вы же знаете, что он живет с Шуркой!

Таир. Ну, зачем мы будем в эти... обстоятельства входить?..

Олейников. Нет! Вы-таки зеленый! Неужели вы не понимаете, что он не может быть беспристрастным в этом деле? Разве вам все равно, если, скажем, пойдет ваша невеста в тюрьму или останется на свободе?..

Таир. Моя невеста?

Олейников. Ну да! Вот эта! Комсорг наш!

Таир. А вы и это знаете?

Олейников (*искренне удивлен*). Ну, а как же! Все-му поселку известно. Так и Любченко. Как же он поверит, что

его любимая девушка виновата? Тут психология! Вот Клавдия-то по-бабьи сразу учуяла это, насчет гнилого либерализма хорошо Любченко высказала. Она-то Любченко досконально знает — он ей не то жених, не то муж, не то просто хахаль.

Т а и р. Ой, Иван Мироныч! Вижу, в этом вы осведомлены. Но к отчету готовьтесь... Пока! (*Уходит.*)

6

Олейников один. Подходит к столу, снимает телефонную трубку, набирает номер.

Олейников. Здравствуйте. Говорит Олейников. С ноль-бис. Здравствуйте. Полетело наше знамя. Молодежь подвела. Есть тут одна... Да. С тяжелым случаем... Дисциплина расшатана. Думаем по линии шахткома использовать случай — провести воспитательную работу... Кое-кто хочет закрыть глаза на факт самовольства. Вроде — беспорядок толкает на нарушения... Вредная агитация. Демобилизует людей, вместо того чтобы укрепить... Старых рабочих виноватыми выставляют. Из горного надзора... Любченко. Лицо заинтересованное. Поговорите, например, с Крыловой Клавдией. Она прямо поставила вопрос о том, что он замазывает истинных виновников... Гнилой либерализм проявляет... Да, да! Разберитесь, пожалуйста... Спасибо. (*Положил трубку. Снова набрал номер.*) Райпрокуратура? Когда товарищ Махмутов принимает? Только завтра... (*Положил трубку. Набрал еще номер.*) Камера народного суда? Ольга Федоровна? Как здоровье, Ольга Федоровна? Да, Олейников. Не узнали? Давно, давно... как там Михаил Степаныч поживает? Ага! Надо бы встретиться, посидеть... У нас тут случай один неприятный... Верно, к вам попадет... Кое-что выяснить надо. Можно? Вот спасибочки!..

Кладет трубку, заметно повеселев. Входит заплаканная, расстроенная Катюша.

7

Вытирая глаза платком, пошмыгивая жалостно, Катюша усаживается за машинку.

Олейников. Ты чего, Катюша? Кавалер сцену ревности устроил?

Катя (*досадливо*). Прямо! Нужны мне кавалеры ваши!

Олейников. Значит, начальство взрело?

Катя. И не начальство вовсе! А чего они на папашу так взъелись? Девчонки наши. Говорят, что он Шурке велел ехать без фары..

Олейников. Оттого, что слабы на расправу. Говорят, что им в масть! Но твоего папаню я все равно взгрею! Их распустил! Сам распустился! Кум-кумом, а на работе будь как штык! А он что?!

Катя. Почему они все уверены, что Шурку папаша подвел?

Олейников. Каждый уверен в том, что ему выгодно.

Катя (*нетерпеливо*). Неправда! Варя не такая! Она принципиальная! Дала мне комсомольское слово, что так было. А ей Шурка сказала: под присягу пойду, какую хочешь, что папаня велел ехать, а теперь из-за тяжелого случая испугался...

Олейников. Не поднесло б этого Эркена, съездила бы как милая, никто и слова не сказал бы!

Катя. Может, папаня тоже так думал?

Олейников. Может, и думал.

Катя. Так, может, они правы?

Олейников. А это надо еще доказать. А доказательств у них черт ма! Так что не разводи сырьость. Ничего твоему папаше не будет до самой смерти. Хоть вздую я его так, чтоб он запомнил тоже до смерти!

Катя. Я не про доказательство... А если правда — папаша разрешил, так Шурка страдает из-за него.

Олейников. И ничуть не из-за него. Первое — не должна была ехать. А главное — повреждение причинила она! Значит, она и будет отвечать.

Катя. Ну все-таки ей снисхождение сделают, если...

Олейников (*рассердился*). Если, если! Конечно, если она докажет, так Никифору не поздоровится.

Катя. А не докажет — ей тюрьма? (*Олейников кивнул*). Ой, страшно! Жалко Шурку!

Олейников. Конечно, жаль девчонку. Тюрьма — не мама родная. Не ласкает, а карает. Опять же пятно!

Катя. Видите! И вам жалко.

Олейников. Ну, а как же! Что я злодей, что ли? И у меня девчонки растут. Лично против нее я ничего не имею. Но... Служба! Их распусти—сам под суд пойдешь. Тут на сознательность ударять — мало! Страх требуется.

Катя. Ой, нет! Не нужно страха! От страха люди врут, обманывают, подводят один другого...

Олейников. Поживи с мое, а тогда будешь спорить.

Катя. Неправда! Может, в старое время так и было, а у нас не может быть.

Олейников (*снисходительно*). Хорошая ты девочка, Катюша. Только зеленая еще. И потому ты хорошая, что еще не битая, не мятая. Расцвела и красуешься пока, как говорит-

ся, бури не было, цвет не побило... *(Внезапно, вспомнив о чем-то, нахмурился)*. Ну, все это философия! А тут... Слушай! Отец водку берет в шахту?

Катя *(не придавая значения вопросу)*. Берет.

Олейников. Вот старый черт! Сколько раз его ловил, запрещал! Ну, отрыгнется ему эта водка!

Катя. Он немножко! Четушку. Сама наливала.

Олейников. Т-с! Ты хоть молчи! Говори всем — нет! Никогда, мол, не брал!

Катя. Да что тут такого? Он же с того пьяным не будет!

Олейников. Умница! Не в том дело! Девки наши его па этом деле прикололи! Понимаешь — вытащили у него термос. Теперь этот Любченко твоей четушкой, как гранатой, не то что Никифора, а, пожалуй, и меня подорвет! Где батька?

Катя. Дома. Где же ему быть сейчас!

Олейников. Вот я ему немедленно и бесповоротно голову сверну.

Катя. К нам пойдете? Вот хорошо! Я вчера пиво сахарное сварила — просто чудесное. А папаня пластинки новые купил — как раз послушаете!

Олейников яростно отмахнулся и пошел из приемной. Катя, закладывая бумагу в машинку, снова задумалась.

Катя *(вздыхает)*. Эх, Варя, Варя!..

Затемнение.

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

Картина четвертая. Женское общежитие.

Небольшая комната опрятная, по-девичьи нарядная. Три кровати, возле каждой — тумбочка. Посредине круглый стол, на окне тюлевые занавески. На подоконнике цветы в горшках, над кроватями вышивки.

Жамиля в летнем домашнем платье гладит на столе, слушает казахскую песню по радио и подпевает.

Входит Варя.

1

Жамиля *(выключает репродуктор)*. Ну что?

Варя. Проведали. Через окошко. В палату не пустили. Хорошо, что на первом этаже лежит. Мы влезли на цоколь и увидели его. Лежит, в потолок смотрит. Серый-серый!.. Постучали мы, покричали: «Эркен! Эркен!» Повернулся — увидел. Засмеялся. А губы аж синие!

Жамиля. Крови много потерял, что ли?

Варя. Не знаю. Только Шурка заплакала. И я заплакала. И он, кажется, плакал — отвернулся. Словом, повеселились!.. Там няньки так и решили, что мы — сестра и невеста. Разжалобились и передачу приняли вне расписания!..

Жамиля. И все?

Варя. Ничего подобного! Постояли мы, покричали, на пальцах поговорили. Спрашивает: как с Шуркой? Показала я ему решетку из пальцев: я тебя вижу, ты меня нет!

Жамиля. Ну зачем тревожить парня! Да и вообще, еще рано. Дело только пошло в прокуратуру.

Варя. Все равно одно решение будет, будет суд! Нечего скрывать! И хорошо, что я ему объяснила. Запечалился и велел подождать. Смотрю, пишет что-то. Потом нянька приносит какие-то бумажки. Я думала — просто записка Шурке. Оказывается — заявление в прокуратуру, что попал под электровоз по собственной неосторожности.

Жамиля. Хороший парень! Любит ее по-настоящему..

Варя. Поженить бы их, а, Миля? Любченко теперь от нее сразу откажется!..

Жамиля. Как поженить? Он — в больнице, она... А где ты Шуру оставила?

Варя. Понесла Эркеновы заявления в прокуратуру. Не хотела сначала: стыдно, говорит, мне самой нести... Эркен, может, неправду пишет, кривит душой. Я его покалечила, а он меня выгораживает!.. Словом, интеллигентщину всякую развела... А я ей сказала, что она дура, и велела без разговоров идти!..

Жамиля. Она может и не отнести!..

Варя. Все учтено и меры приняты. Проводила ее до самой прокуратуры, вместе вошли, вместе сдали. А уж потом я сюда побежала, а Шурка в контору шахты!.. Так что все в порядке. А-а! *(Восклицание относится к Кате Ряботько, появившейся в дверях.)*

2

Катя *(не без робости)*. Здравсте!

Варя *(сурово)*. Здравствуй, раз пришла.

Жамиля. Садись, Катюша! Что слышно?

Катя. Да так... Вроде ничего нового. Хотела поговорить... с Варей!..

Жамиля. Сейчас доглажу — уйду. Говорите сколько хотите!..

Варя *(не смягчая тона)*. А нам, кажется, не о чем говорить. Договорились.

У Кати глаза налились слезами.

Варя (*закричала сердито*). Ты меня на слезу не бери! Я — водостойкая!

Ж а м и л я. Варя! Как тебе не стыдно! Человек с открытой душой к тебе!

От сочувствия Катя совсем ослабела — заплакала.

Варя. Тю на тебя! Ух, и вредный характер! Чуть что — сразу плач. Перестань! Слышишь, Катерина! Не мотай мои нервы! Хватит, что твой папаня из нас их мотает!.. Ну что ты на нее скажешь! Вот дурная! Как мала дитина! Агу! Агу! (Катя *смеется сквозь плач*.) А ну, еще засмейся! По-настоящему! Я тебе музыку заведу. (*Включает радио*.) Вот видишь, как весело! (*Катя, сконфуженно улыбаясь, вытирает слезы. Но тут Варя вспомнила причину ссоры и снова, окрепла духом*.) Только имей в виду — все равно, хоть я и жалостливая, а принципиальная. Твоему батьке...

Оборвала. На пороге появился сам Ряботько, за ним Олейников, Катя смутилась и, еще не замеченная отцом, отошла в сторону.

3

Олейников. О! Да у них весело!

Варя сразу помрачнела и выключила радио.

Варя. Весело, весело! Чтоб и вам было так весело!

Олейников. И Катюша наша здесь. (*Отец и дочь смутились, видимо, встреча им неприятна. Олейников продолжает*.) ... А ты, Юхно, всегда готова к бою! Зубастая! Не завидую твоему будущему мужу.

Варя. А я, Иван Мироныч, тоже не завистливая. Вашей жене не завидую ни капелечки!

Олейников (*задетый*). Ушлая!

Ж а м и л я. Что ж ты, Варя, так гостей встречаешь? Садитесь, товарищи, милости просим.

Варя. А как приходят, так и встречаю. Они ж не в гости, а по делам.

Олейников. Точно. Танцевать не собираемся. А все-таки поскромнее надо быть.

Входит Утебаев.

4

Олейников. ... С нами вот и почетный шахтер пришел, защитник ваш. Каип Утебаевич, собственной персоной!..

Утебаев (*благодушно улыбаясь*). Здравствуйте, девочки!

Ж а м и л я. Садитесь, пожалуйста! Будьте нашим гостем!

Варя. Товарищу предшахткома мы рады. Не потому, что начальство, а справедливый человек.

Ж а м и л я. Как ваше здоровье? Как ваши семейные дела? Варя!

Варя вышла и через минуту появляется с графином кумыса. Тем временем Жамиля ставит на стол пиалы, стаканы. Угощает.

Утебаев (*попивая кумыс*). Ай, хорош кумыс! Напрасно не заходил к девочкам! Боялся — старуха узнает! Ха-ха-ха!.. Узнает — скандал поднимет! Скажет: бегают старухи к девочкам!

Жамиля. А мы и её пригласим. И тоже кумысом угоstim.

Утебаев. Лады! Займитесь моей старухой! Перевоспитайте! Может, помолодеет? А то совсем старая... Менять надо!.. Ха-ха-ха!

Жамиля. Вы хорошо шутите, аскакал! Я знаю вашу жену — она совсем не старая. И умная! Лучше не найдете!..

Утебаев (*довольный похвалой*). Шучу, шучу! Правда, дочка! Хорошая старуха. Не будем менять!..

Олейников. Ну, ладно! Давайте к делу! Никифор!

Ряботько (*наигрывая негодование, под которым чувствуется неуверенность, обращается в Варю*). Ты что там надрепала насчет моего термоса?

Варя. Это вы насчет того, что с чайком? Так он, может, уже у прокурора. У него и акт комиссии. Там все записано, про что мы натрепались!..

Ряботько (*сбит с толку, но все тем же тоном*). А как же ты смела взять мой личный термос и отдать его комиссии? Кто тебе разрешил?

Варя. А кто вам разрешил водку пить в шахте?

Ряботько (*обращаясь к начальству*). Не было никаких спиртных напитков! Заявляю авторитетно! Это они сами налили! Свою политику против меня ведут! Шурку выручают, и готовы кого угодно угробить! Докажи, что я наливал в термос водку! Не докажешь — будешь отвечать за клевету! Я этого так не оставлю!

Варя. Тихо-тихо-тихо! Не очень кричите, а то я страшно нервная! Сразу испугаюсь и в обморок упаду. Лучше докажите, что это я налила водку в ваш термос, а не вы налили.

Олейников. Стоп! Катюша! А ну-ка скажи: отец твой когда-нибудь брал водку в шахту? (*Катя побледнела*.) Ну?!

Катя рванулась было к выходу, но ее остановил властный окрик Вари.

Варя. Стой, Катерина! Честно! Что твой отец наливал в тот термос, который в шахту берет? Чай или водку?

Катя (*после мучительного колебания*). Калгановку...

Ряботько осел, как от удара. Олейников страшными глазами смотрит на Катю.

Варя (*неумолимо*). Это что же за калгановка такая? Лимонад? Или мандариновый напиток? Или молочко?..

Катя. Настойка.

Варя. Ты не крути! Вода или водка?

Катя. Водка... Я сама наливала... Варя! Это же как лекарство!.. На калганном корне! Всего чутушку! От сырости!..

Варя. Ясно! Больше вопросов не имею!

Ряботько (*закричал срывающимся голосом*). Ну и что? Лекарство. Правильно! Доктор прописал. А пьяным меня кто видел? Ты видела? Никто не видел!..

Утебаев. Ай, нехорошо, брат. Ай-ай-ай!

Олейников (*угрожающе*). М-да-а!.. Что папаша, что дочка!..

Катя (*прижимая руки к груди*). Я же не могу... неправду!..

Олейников. Ну, Никифор!..

Ряботько. Да это же все они, Иван Мироныч! Взъелись на меня за Шурку и подвели мину!..

Олейников (*рвякнул*). Молчи! Самое малое — на поверхность пойдешь. Еще спасибо говори, если этим отделаешься...

Утебаев. Ай-ай-ай! Мы за тебя, Никифор Трофимыч, с Олейником заступались. Просили начальника приказ отменить о переводе на поверхность. Говорили, старый шахтер, на пенсию выходит... Э!

Варя. Ага! Вот вас на-гора и выдали, Никифор Трофимыч? А Иван Мироныч значит куманька отстаивал? А мы всю вашу политику под откос! Здорово! Потому что все равно, Иван Мироныч, мы после вчерашнего случая с Ряботько не работали бы!

Входит Таир с букетом. Ряботько, увидев его, отступает к двери и выскальзывает вон. Увидя посторонних, Таир немного сконфузился. Все же приветствует издали Жамилю, кладет цветы на подоконник и стоит, все так же снисходительно и дружелюбно улыбаясь.

Олейников (*Варе*). Бросьте защищать нарушителей дисциплины! Бросьте разваливать производство! В люди лезете — бригадой коммунистического труда собираетесь объявляться. А сами безобразия допускаете!

Варя. Так из-за кого же это безобразие? Из-за вашего помощника! Ух! Разорвала б я эту Шурку! Что натворила! Уговорили ее! А теперь, может, всю жизнь каяться будет.

Нарушила, правила! Правила защищают человека! А вы сидите за правилами, как святые за стеклом, — плевать, что человек пропадает! А из-за кого пропадает? Из-за вас! Чего вытарасились? Правила для нормальных условий пишутся, а есть у нас эти условия? Вы, начальник транспорта, обязаны их нам создать, а вы только и знаете: «Давай-давай!..»

Олейников (*едва сдерживаясь*). Ты, Юхно!

Варя. Да! Я — Юхно! А вы кто на участке? Конферансье? Высокий наблюдатель? Люди себя не жалеют, как Шурка себя не пожалела. На ней вот и сказались порядки ваши прекрасные! Вы, небось, себя не забудете. Правила хорошо помните. Э! Да что на вас слова тратить! Непроницаемый вы человек, Иван Мироныч!

Вылетела из комнаты.

5

Олейников (*в крайнем негоддовании*). Работяги! Сами наломали дров, а теперь весь свет виноват. Вот и строй с такими коммунизм!

Жамиля. Вы, Иван Мироныч, человек пожилой, умудренный! Вы должны понять Варю! Она ведь не за себя расстраивается. Конечно, она слишком горячая...

Олейников. Пусть свою температуру при себе держит. Я папироски об нее зажигать не собираюсь. А вам говорю; свалить Шуркино дело на других не удастся! Как ни крутите, а факт вон он — в больнице лежит. И уложила его на больничную койку Кочетова, а не кто другой. От этого не уйдете. Какие хотите петиции подавайте, под суд все равно она пойдет, а не Ряботько.

Жамиля. Все-таки ей, может быть, уменьшили бы наказание...

Олейников. Ах, какие вы разумные! Да я первый подниму хай против такого попустительства. Тогда совсем с вами сладу не будет! Слышишь, товарищ главный? Они аварии будут устраивать, людей давить, задания государственные срывать, а на них только пальчиком грозить: нельзя, мол, так, детки! Как тебе нравится? (*Таир удрученно кивает. Жамиля сердито смотрит на него.*) У нас производство, а не детский сад. Каждый отвечает за себя. Кто-то натворил, а Ряботько иди под суд?

Утебаев. Ряботько под суд не пойдет. Он — практик. — Олейников пойдет.

Олейников. Я! Вот спасибо, Каип! Мудро рассудил! Ну что ж, старайтесь. Только сомневаюсь!

Пошел из комнаты.

Жамиля. До свидания, Иван Мироныч! Заходите еще! Утебаев (*смеется*). Не зайдет больше. Сердитый! А зачем сердится, понимаешь? Могут с работы снять. Комиссия написала, мы подписали — большой беспорядок на транспорте. Он все на Шуру списать хочет...

Таир. Не удастся списать. Решено слушать это дело в показательном порядке в нашем клубе...

Утебаев. Зачем о своем коллективе плохую славу туда-сюда распускать?.. Коллективу стыдно!..

Таир. Этим процессом начнем большую воспитательную кампанию. Покажем на суде все наши недостатки, неряшество, кустарщину...

Утебаев. Ц-ц-ц! Девушку жалко — стыдно ей будет...

Жамиля. А вы помогите Шуру.

Утебаев. Будем помогать. Рекомендацию дадим исключительную. Адвоката хорошего... Поручительство дадим, чтоб в тюрьму до суда не сажали... А насчет показательного... Пойдем, Таир, два слова...

Выходят. В комнате остаются Жамиля и Катя.

Жамиля. Видишь, Катюша! Всех это несчастье затронуло. И ты расстроилась!

Катя. Конечно. Разве легко слышать, как отца срамят! А он совсем не такой...

Жамиля. Может, и не такой, а под влиянием... Олейников мог уговорить отца отказаться от своих слов... Отец твой тихий, а этот!..

Катя. О! Крестный... (*поправила*) то есть Иван Мироныч, правда, человек — во! (*Стукнула кулаком по столу*.) Командует папашей... Они старые приятели... И земляки... Вместе сюда приехали. Давно. Меня еще на свете не было. Он папашу и устроил горным мастером на своем участке. Говорил, мне свой человек нужен. Другой десятник у него — зять. Он за своими, как за каменной стеной. Папаша говорит, по неделям в шахту не спускается... (*Задумчиво*.) Может, вы и правы... (*Поднялась*.) Ну, я, верно, не дожидусь Вари... Да и для чего дожидаться!..

Жамиля. А ты не расстраивайся. Наша Варька вски-пит, накричит, переругается со всеми, а потом, как солнце после дождя...

Катя. Знаешь, Миля! Она мне, как... как сестра, должно быть! У меня ни мамы, ни сестры не было... И подруг близких... Один папаня... А теперь — Варя...

Жамиля. Я с ней поговорю. Она тебя уважает. Ты молодец. Правду сказала про эту калгановку!

Катя. А как же! Крестный, правда, обиделся... То есть, Иван Мироныч. Ну и пусть!

Пошла. В дверях встретилась с Таиром. Он, учтиво улыбаясь, уступил ей дорогу.

Жамиля снова берется за утюг.

Таир. А цветы ты разве не видела?

Жамиля. Ой! Я и забыла! Извини! Из-за этих неприятностей! (*Идет к букету, любуется им*.) Какие чудесные розы! Спасибо! (*Жамиля ставит букет в вазу. Таир целует ее все горячее, крепче*.)

Жамиля (*отстраняется*). Оставь! Сейчас девочки придут.

Таир. Пойдем ко мне.

Жамиля. Я жду их... У нас сейчас такое настроение тяжелое... Оставь, Таир! Вот-вот войдет Шура...

Таир. Она же знает, что мы не чужие.

Жамиля. Ей будет больно... Ее любовь оборвалась так...

Таир. Да! Теперь у них, разумеется, все кончено...

Жамиля. Ты обещал поговорить в прокуратуре... Был?

Таир. Да. Дело еще не поступило к ним. Поговорили предварительно. Советуют ожидать. Следствие разберется. Если, мол, совершила преступление — должна отвечать. Да еще указали: не наживайте авторитет таким дешевым способом, лучше займитесь воспитанием молодых рабочих.

Жамиля. И все?

Таир. А что еще? Они правы. Нельзя, в самом деле, слушаться только слезливой жалости. Есть закон. Потворствовать нельзя. Здесь и без того распушенность. Пора покончить с такими нарушениями.

Жамиля. Мы ведь не добиваемся всепрощения. Хотим только, чтобы учли все обстоятельства и смягчили наказание. Она действовала из прекрасных товарищеских побуждений. Под влиянием старших... Да не под влиянием, а под нажимом!

Таир. Суд учтет.

Жамиля. Если ему не все будет известно, он может не учесть. Бывают ведь судебные ошибки.

В дверях появляется Шура. Ее не замечают.

Таир. Ты видишь только Шуруину беду и забываешь о ее

вине. Жалеешь ее, а об Эркене не думаешь. Почему так? Она могла убить парня.

Жамиля. И Эркена жаль! Очень жаль! Но ведь он жертва не столько Шуриной ошибки, сколько той же спешки, того же беспорядка.

Таир. Ты на опасном пути. Должен тебя предупредить. По-твоему, виноваты только условия, руководители, а не те, кто непосредственно произвел аварию?

Жамиля. Нет! Виноваты и Шура, и Эркен. Но виноваты не одни они, а расплачиваются только они. Разве это справедливо?

Таир. Отвечают и руководители.

Жамиля. Чем отвечаешь за этот случай ты?

Таир. Зачем переводить принципиальный спор на личности?

Жамиля. Затем, что если бы Шура была твоей сестрой или дочерью и ты знал, что ее уговорили, обманули, ты, наоборот, не согласился бы послать ее в тюрьму.

Таир. Женский аргумент!

Жамиля. Зато веский. Воображаю, как бы ты забегал, если б оказался в таком положении.

Таир. Не оказался бы.

Жамиля. Сидел бы сложа руки в ожидании лампочки?

Таир. Да!

Жамиля. И плевать на задание? На товарищей? На обязательство? На честь бригады? И это было бы правильно?

Таир. Правильно! Работу надо строить не на рискованных порывах, а на разумном использовании всех возможностей. Везде и всегда я борюсь и буду бороться со штурмовщиной, с дутыми, искусственными рекордами и тому подобным. Эта кустарщина на руку только лентяям, очковтирателям, прикрывающим минутными успехами систематическое отставание.

Жамиля. Постой! А вчерашний аврал кто проводил? Не ты?

Таир. Я возражал решительно. Меня принудили. Что ж! Пусть! Теперь ответственность на них.

Жамиля. Значит, только бы отклонить от себя ответственность, да?

Таир. Виноватого бьют. Не люблю, когда меня бьют.

Жамиля. Словом, принципиально ты против штурмовщины, а на деле проводишь ее, потворствуешь таким вот Олейниковым. Ты сам же собираешься его снимать и тут же вместо него наказываешь стрелочника?.. Обтекаемая позиция!

Таир. Что мне делать? Воевать с ветряными мельницами?

Жамиля. На это у тебя не хватит духу.

Таир (*сердясь*). Было бы бесполезно и глупо.

Жамиля. Конечно, лавировать умнее. Но, знаешь, кто всегда лавирует, уклоняется — теряет себя.

Таир. То есть? Что ты хочешь сказать?

Жамиля. Хочу предостеречь тебя. Мне кажется, самое обтекаемое — это ноль!

Таир (*оскорбленно*). Зачем так говоришь?!

Жамиля бросила утюг на подставку, пошла из комнаты. Только теперь спорящие увидели Шуру. Жамиля кивнула ей и прошла.

Таир (*будто ничего не случилось*). погоди, Жамиля! Я с тобой!..

Жамиля. Нет! Я одна. У меня болит голова.

Ушла.

9

Таир пробует обернуть все в шутку.

Таир. Вот мы и поссорились, Шура. Еще до свадьбы!..

Шура (*устало*). Помиритесь!..

Таир. Гм!.. Вы слышали, о чем мы говорили? (*Шура молча кивает.*) Не обижаетесь — на меня?

Шура. Нет. Вы правы. А я — дура. Но теперь поумнела. Теперь — пусть все горит крутом — пальцем не шевельну без письменного приказа!

Таир. Ну, так тоже нельзя. Инициатива необходима в каждом деле. Нужно найти правильную линию... Равновесие сохранять.

Шура. Хорошо тем, кто умеет по канату ходить.

Входит Варя.

10

Варя. Шура, тебе записка!

Шура читает.

Таир. Ну, что слышно, Варя?

Варя. Говорят, Шуркино дело показательным процессом пойдет. Правда?

Шура испуганно смотрит на Таира.

Таир. Правда.

Шура. Ой, как стыдно!

Таир. Это лучше для вас, Шура. Вскроются все эти безобразия.

Шура падает на свою кровать лицом в подушку.

Варя (*иронически*). Правильно, товарищ главный инженер! Спасибо вам за заботу!

Таир обиженно пожал плечами, пошел. Варя садится к Шура. Гладит ее волосы.

11

Шура (*приподнимает голову*). Засудят — отравлюсь!

Варя. Ну и дура! Лучше скажи, что в записке? На свидание зовет? (*Шура молча безучастно кивает.*) Ну, вот видишь! Значит, любит.

Шура (*отмахнулась*). Не пойду!

Варя. Может, что подходящее скажет. Деловое.

Шура. Пусть Клавдии своей говорит!

Опять уткнулась в подушку. Варя берется за книгу. Издалека доносится музыка.

Варя (*читает*). Корень кубический из А плюс Б минус Икс... Все корни перепутались от этих дел!..

Опять читает, шепча...

Шура (*кричит*). Девочки! Девочки! Разбудите меня! Может, мне это только снится!..

Варя бросает книгу, подбегает к подруге, гладит по голове, приговаривает:

Варя. Ну, ничего, ничего, ничего!

Занавес.

Картина пятая

Ночь. Степь. Далеко в глубине огни поселка. Ближе, слева, в небо врезывается темный конус терриконика, опоясанный звездным узором пылающей породы. Справа темнеет роща.

Долетают звуки гармоники. Приближается силуэт мужчины. Это Любченко. Напевает вполголоса что-то вроде: «Хороши весной на Волге...»

Обрывает напев. Прислушивается. Снова ходит, ожидая.

Появляется силуэт женщины. Любченко идет навстречу, вглядываясь.

Любченко (*негромко*). Шура? Добрый вечер!

Шура. Варя записку вашу передала...

Любченко. Да! Спасибо что пришли!..

Шура. Не хотела идти... Варя уговорила...

Любченко. А почему не хотели?

Шура. Думала, может, опять Клавдия вас уведет.

Любченко. Шурочка! Простите! Я, собственно, выпроваживал ее. Сцену мне устроила. С рыданиями. Она видела нас тогда... В клубе.

Шура (*махнула рукой*). А мне сейчас все это!.. Понимаете, как?

Сидят молча. Ветер доносит далекую песню.

Любченко. Понимаю, Шура. Сядем...

Сидят молча. Ветер доносит далекую песню.

Шура. Виктор Сергеевич!- Что будет, а? Я так боюсь, так боюсь!..

Любченко. Не расстраивайтесь раньше времени. Может, еще устроится...

Шура. Суд! Да еще показательный!

Любченко. Для вас лучше показательный. Вскроются безобразия на участке. Ведь авария отчасти из-за них произошла...

Шура. А стыдно как! Обыкновенный суд где-то там... Никто и знать не будет. А тут целая постановка. Как в кино придут. Ой, за что я такая несчастная!..

Любченко. Выключите свою фантазию, Шура! Мы иногда больше мучаемся от воображаемых неприятностей, чем от действительных... Все может пройти не так страшно, как представляется сейчас...

Шура. А может, еще хуже!.. (*Пауза.*) Готовилась в институт, а попаду в тюрьму... Вы не знаете, после тюрьмы примут в институт? Наверное, нет?

Любченко. Перестаньте терзаться! Еще многое может измениться.

Шура. Споткнулась и... вся жизнь, как чашка об пол! Одна секунда! Сгоряча!

Любченко. М-да-а!.. Товарищ вы хороший, но... Девчонка! Не привыкли думать о последствиях... Порыв прекрасный, но к чему ведет — об этом и мысли, верно, не мелькнуло. Зрелости не хватает.

Шура. Пока только аттестат зрелости есть.

Любченко. Книжное воспитание. От чтения характер не развивается. По себе знаю. Зрелость приходит только в работе, настоящей, требовательной. Хорошо, что теперь за это дело берутся.

Шура. Девчонка, правда. Загорелась, рванулась и... головой о стену. Зато теперь поумнела — всех вижу. Всех. Вот Олейников! Не думала, что он такой.

Любченко. Струсил очень. Разоблачения боится. Понимает, что руководитель он ерундовый. Косный. Некультурный. Системы — «давай-давай!» Не организатор, не воспитатель, а погонщик. Мобилизовать! Нажать! Рвануть! На участке у него яма. И сам это видит — мужик неглупый. Но привык работать кое-как, лишь бы сошло... Да и не хватает знаний, а должность выгодная — уходить не хочется. Да и куда он пойдет? На новом месте настоящей работы потребуют, а здесь прижился, привыкли к нему — отделается выговором и все. Вот и цепляется. Вьется ужом. Прячется за нехватки, за про-

махи подчиненных, как теперь за вашу аварию. Может, он и Ряботько уговорил отказаться от своих слов.

Шура. Ряботько с перепугу не то что меня — Катюшку свою продаст.

Любченко. Дрянцо люди! Как по-вашему?

Шура. Они — да.

Любченко. А есть лучше?

Шура. Странно даже! А наши девочки? Варя — подружка моя! Бегаёт, хлопочет за меня. И ругает на чем свет стоит. Миля! Со своим женихом поссорилась из-за меня. А Эркен! Знаете, он в прокуратуру и в комитет комсомола написал, что сам виноват... А ведь я его... Просто ужас!

Любченко. Помоложе — попрямее. Голос сердца требовательнее... Часто этот голос стараются не слышать, отмахнуться от него, прикрыться обязанностями, долгом. А некоторым отмахнуться трудно... Приходится мучительно искать — как помирить сердце и долг, человечность и требование закона. Так вот я сейчас мучаюсь. Верю вам! Знаю, что вас просто свели с ума на минуту, сыграли на молодой отзывчивости. И я же подписал постановление о привлечении вас к ответственности! Знаю, что могут подойти формально. Наказать незаслуженно строго. Боюсь этого! И все-таки... дал вам... путевку... Куда!.. Но что делать? Что? Скажите, прав я был, когда подписал постановление?

Шура. Правы.

Любченко (*обрадованно*). В самом деле? Вы понимаете?

Шура. Конечно. Ребенок я, что ли!

Любченко. Не то! Искренне говорите? Согласны с этим? Так бы поступили на моем месте?

Шура. Так же. Иначе нельзя. Сама виновата.

Любченко. Умница. А я боялся! И сюда вызвал, чтобы объяснить. Верю. Каждому слову вашему верю! Но... иначе нельзя. И вот мучаюсь этим. Что делать? Как разрешить этот разлад в себе, спор чувства с долгом, человека с чиновником! Ведь оба правы. Как быть? Как наказать за проступок и в то же время сохранить человека? Ведь все, что мы делаем, — это для человека. Для его счастья, для вас, для всех нас. Мы обязаны беречь и защищать человека от тех, кто ради своей шкуры готов растоптать чужую жизнь, как ваши Ряботько да Олейников...

Шура (*вздыхнула*). А пока что они благополучно живут.

Любченко (*погасает*). Да. А нам приходится встречаться ночью, украдкой, словно мы делаем что-то нехорошее. Олейников сплетничает, будто я все сваливаю на него, чтобы выгородить вас, как... Ну, словом, что мы живем.

Шура. Подлец! Откуда он взял?!

Любченко. Из «достоверного» источника! Клавдия в наш партком бегала, жаловалась на мою моральную неустойчивость. И прокуратуру предостерегла, чтобы не верили выводам комиссии насчет Ряботько да Олейникова. Она так и не подписала акт. Особое мнение заявила.

Шура. Сколько вам неприятностей из-за меня!

Любченко. Вы ни при чем. Это из-за ее злости. Вся ревность, вся ненависть!

Шура. Старается. Засудят меня — ей свободнее будет. Тогда, может, успокоится. (*Помрачнела.*) Наверное, успокоится... Да. (*Решительно поднялась.*) Ну, я пошла.

Любченко (*испуганно*). Куда же вы? Шура?

Берет ее за руку. Шура отстраняется.

Шура (*холодно*). Пора.

Любченко. Да что с тобой! Почему вдруг так сразу? Так холодно, враждебно даже, Шурочка!

Шура. И зачем, спрашивается, пришла? Ведь не хотела.

Любченко. В самом деле Варя уговорила?

Шура. Ну конечно, Варя. Эх вы, мужчины! Умники!

Любченко (*обрадованно*). Нет? Не Варя? Шурочка, правда? Сама?

Шура. Нет. Уговорили меня. А теперь пойду. Нечего мне здесь делать, людям мешать...

Любченко. Да что ты?! Кому мешать?

Шура. Клавдии вашей... Пустите!

Любченко (*смеется*). Ах, вот что!

Шура. Вот именно. Что ж! Она красивая! Поплачет, и опять вы пойдете с ней, утешать.

Любченко. Клянусь — нет! Шурочка! Поверь!..

Шура. До сих пор верила — теперь боюсь.

Любченко. Не бойся! Теперь не расстанемся. Не могу расстаться с тобой!

Шура. Все равно скоро придется распроститься. Так уж лучше теперь. Потом будет тяжелее... и вообще мне лучше одной побыть. Надо с мыслями собраться. Я сейчас, как... оглушенная.

Любченко. Одной тебе тяжело... Тебе отвлечься надо...

Шура. Со мной девочки.

Любченко. А я? Чужой? Да?

Шура. Нет... Только не хочу вам жизнь отравлять своими горестями.

Любченко. Какая ты! (*Привлекает ее.*) Не пушу! Сядем!..

Шура колеблется, но уступает. Сидят молча. Вдалеке гармоника наигрывает знакомый напев.

Шура. Заладил одно и то же... Третью смену все играет... Штурмовая, горячая ночь!.. (Со стоном.) Ох! Не было бы ее совсем, той смены, той ночи!..

Любченко. Не надо, Шура! Забудь!..

Обнимает девушку. И тогда, ища защиты, Шура прильнула к нему, пряча лицо на его плече. Так и сидят, обнявшись, а песня уходит вдаль.

Занавес.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Картина шестая. «Побеждает сердце!»

Декорация первой картины. Но в зале теперь не бал, а судебное разбирательство. Сейчас суд ушел на совещание, в фойе людно. Шурины друзья и противники обмениваются впечатлениями, спорят, взволнованно ожидая приговора.

1

Утебаев. А долго совещается суд.

Олейников (сердито, без прежней самоуверенности). Свидетели дело запутали. Агитацию развели. Митинговали. Получилось производственное совещание, а не суд. Будто не Шуркино дело рассматривали, а других...

Утебаев. Народ справедливость любит.

Олейников. Тут справедливость на ладони! И нечего путать.

Утебаев. Не путают. В сердце стучат.

Олейников. Суд не по сердцу решает. У него статья.

Утебаев. У нашего суда статья к сердцу прислушивается.

Олейников. Про сердце нигде не записано. А их тоже, брат, тянут за послабления. Для того и прокурор сидит. Юридическую справедливость наблюдает. Толковый мужик этот прокурор. Слышал, как он сказал? Именно, говорит, потому, что в шахте беспорядки, — о чем подсудимая хорошо знала, — именно поэтому Кочетова ни в коем случае не должна была вести машину без светового сигнала.

Утебаев. Думаешь, прокурор за твои беспорядки заступался? Плохо понял, товарищ Олейник. Завтра бюро тебе скажет...

Подпрыгивая на костылях, подходит Эркен в сопровождении Вари. Эркен достает папиросу.

2

Олейников (протягивая Эркену горящую папиросу). Как нога, Эркен? (Эркен, не отвечая, демонстративно отворачивается и прикуривает от папиросы Утебаева. Олейников, будто не заметив выходки Эркена, обращается к Варя.) Ну и речу ты выдала, Южно! Не свидетель, а настоящий защитник. Тебе только в адвокаты идти.

Утебаев. Исключительную речь сказала, Варя.

Варя. Где нам! Высшего образования не хватает.

Утебаев. Образование советская власть даст. Главное — смелая. И за рабочего человека болееешь. Условия работы знаешь.

Варя. Вот адвокат говорил — чудо!

Утебаев. Исключительно.

Варя. Есть, говорит, буква закона, статья, а есть еще и дух закона. У капиталистов буква решает, потому что для них рабочий — только рабсила. Двигатель! А у нас он — человек! И в подсудимом, если он не злостный преступник, надо видеть не только нарушителя статьи, а человека. И еще, что это дело не Кочетовой, а всего коллектива. И что морально не только Кочетова сидит на скамье подсудимых.

Олейников. Защитник — что надо! Всех виноватыми сделал, только Шурка оказалась пострадавшей. Сагитировали вы его на все сто.

Варя. Рассказали как было — вот и вся агитация.

Олейников. Пробойные девки! Таким и в тюрьме курорт будет.

Эркен (рванулся). Вам такой курорт! На сто лет!

Отвернулся и запрыгал на костылях прочь. Варя за ним.

3

Утебаев (осуждающе). Нехорошо говоришь, товарищ Олейник! Нехорошо!

Олейников. И ты туда же, Каип! Нет, чтобы дисциплину поддерживать — совсем разваливаешь ее! Тоже мне школа коммунизма!..

Утебаев (вспылил). А твоя какая школа? Брехня — твоя школа! Ты как отец молодым должен быть, а ты!..

Олейников. Брехня? Им веришь? Ну кто слышал, как Ряботько ее уговаривал? Все голословно! На веру!..

Утебаев. Да. На веру. Им верю! Девушка молодая! Начальник — старик! Отец! Нажали, обещали заступиться!.. А теперь? Фу!

Олейников. Вот именно — молодые! Ветер!

Утебаев. Все старики умные, когда горб вырастет, как у верблюда. А они только школу кончили. Недавно в шахту спустились. Им надо помогать! Раз ты допустил к ответственной работе — смотри за ними. За каждым шагом смотри.

Олейников. Много мы так нароботаем! Ты же понимаешь, что такое шахта!

Утебаев. А ты понимаешь, что такое человеческая жизнь? А? Народ нам детей своих отдает — учи работать. А мы как учим? Как проверяем? А потом тюрьма. А ты пойдешь пиво пить с Ряботько?! Нет! Так не пойдет! Все равно отвечать будешь, товарищ Олейников!...

4

В тяжелом раздумье курит Любченко. Почти рядом, поглядывает на него Клавдия, не решаясь заговорить. Наконец он замечает.

Любченко. Ну что?

Клавдия. Об этом тебя надо спрашивать. Мне ничего... Я — зритель...

Любченко. Не только зритель. Приложила руку к этому делу. Крепко приложила. И особое мнение подала. И на меня клеюзы писала в прокуратуру.

Клавдия. Просто я последовательна. Раз Кочетова виновата, значит — нечего на других валить да митинги в ее защиту организовывать... *(ядовито.)* По старой дружбе скажу — нехорошо так открыто демонстрировать здесь свои чувства... И без того известно всем, что она твоя... любовница!

Любченко. Не любовница! Жена!

Клавдия *(уязвленно)*. Ах, даже так! Простите!..

Любченко. Даже так.

Клавдия. Все-таки успела сводить тебя в загс! Хваткая особа!

Любченко. В загсе мы, правда, еще не были... Знаешь почему? Она не хотела связывать меня.

Клавдия. Ну, раз не записались, значит, любовница!

Любченко. Ты этого и понять не можешь. Ты за все должна что-нибудь получить. Да еще авансом, чтоб не обжужили.

Клавдия. Все так делают!

Любченко. Не все такие, как ты. Вот она забыла себя ради товарищей. Другие даже бросаются в огонь — ради дела, ради товарищей, ради человека — в конечном счете!..

Из зала выходят: Катя, какая-то иная, повзрослевшая, суровая, и Ряботько — он явно убегает от дочери, направляется к выходу из фойе, но Катя останавливает его.

К а т я. Куда вы?

Р я б о т ь к о. Допрашивать больше не будут...

К а т я. Ну как же? А приговор?

Р я б о т ь к о. После узнаю...

К а т я *(понижив голос, гневно)*. Нельзя вам уходить! Нельзя! Скажут — бежал!

Ряботько дернул пренебрежительно плечом, но остался. Закурил, выпустил деланно, непринужденно струю дыма, но тут же и поник, приуливаясь к стене. Катя подходит вплотную.

К а т я *(тихо)*. Почему правду не сказали?

Р я б о т ь к о. А я сказал...

К а т я. Неправда! Слышите — вы должны! Обязаны! Опять Ивана Мироныча испугались.

Р я б о т ь к о. Чего там испугался. Никого не испугался.

К а т я. Вы б лучше совести своей боялись.

Р я б о т ь к о. Ну, ты! Лишнего не болтай. Я тебе отец, а не... кто-нибудь.

К а т я. То-то и есть, что отец! Мало я сегодня за вас стыда наглоталась? И сколько еще придется!.. Вы мне скажите правду, это Олейников соврать велел? Ну, скажите.

Р я б о т ь к о. Ничего он не велел. *(Горько.)* Он, брат, козломный мужик! Всех запутает, а сам правым выйдет!..

К а т я. Ну вот видите! А сами у него, как... раб! И чем он вас держит так? Все расчетом? Пенсией той заманивает, будь она проклята!.. Как это вышло? Что он говорил?

Р я б о т ь к о. Да что... Я, говорит, знать не знаю, кто из вас врет: ты или Шурка. И не желаю знать. Но если уж, говорит, ты соврал — так держись одной линии. Потому что, говорит, Шурке все равно не поможешь, а себе сделаешь хуже.

К а т я. Не себе, а ему. Потому что за все непорядки на участке он отвечает.

Р я б о т ь к о. Точно. А так, говорит, переморгаешь.

К а т я *(возмущенно)*. Так и сказал?

Р я б о т ь к о. Так и сказал куманек Иван Миронович... Переморгаешь, говорит, поработаешь на поверхности — потому что приказ уже подписан и повешан, где полагается. Пусть, говорит, висит. А через месяц-другой, когда забудется, я тебя втихаря обратно на участок возьму...

К а т я. Не возьмет он. Сам с участка полетит, как ракета. За свои поряdochки...

Репродуктор ожил, крикнул. Гомон в фойе стих. Все насторожились.
Диктор. Встать! Суд идет!

Публика бросается в зал. Даже Ряботько вытягивает шею, чтоб через дверь увидеть происходящее в зале. В фойе остаются только отец и дочь да Жамия с Таиром.

Жамия (*прижимая руки к сердцу*). Ох, жутко! Боюсь идти в зал! Неужели осудят?

Таир. Не волнуйся. Все равно не поможешь.

Жамия. Да! Ничем не помогли. Могли или нет — не знаю, но не сделали ничего. Вот так посочувствуем, а потом... забудем. Друзья! Ничтожные людишки!..

Таир (*задет упрехом*). Почему же ничтожные? В конце концов не можем же мы действовать вопреки закону...

Жамия нетерпеливо отмахнулась, потому что в репродукторе послышалось неясное бормотанье.

Жамия. Даже наладить репродуктор не смогли! Безобразия!

Таир (*обрадовался предложению прекратить неприятный разговор*). Сейчас распоряжусь...

Пошел за кулисы. Пауза. Внезапно репродуктор заговорил.

Диктор. ... именно при наличии беспорядка в путевом хозяйстве, как то: отсутствие сигнального фонаря на стрелке и неосвещенной фары на электровозе — подсудимая Кочетова должна была строжайше придерживаться технических правил движения. Таким образом, наличие беспорядка в путевом хозяйстве не только не снижает ответственности подсудимой, а наоборот, усугубляет ее вину.

Олейников. Правильно!

Диктор. Поэтому суд считает необходимым применить в данном случае пункт... указа... и наказание...

Олейников. Ого! На всю катушку!

Диктор. Однако, принимая во внимание... (*Олейников одобрительно кивает.*) что подсудимая Кочетова до аварии хорошо проявила себя на работе и в коллективе, а также чистосердечно признала себя виновной, суд считает возможным снизить наказание и применить пункт... статьи... Постановления Совета Министров... (*громко*) до двух лет тюремного заключения...

Слышен вопль Шуры: «—А-а!» В зале гул.

Слышно: «Упала! В обморок упала!..»

Варя бросилась в зал. Жамия закрыла лицо руками. Ряботько потупился, не смея взглянуть на Катю.

Любченко (*Клавдии*). Радуйся! (*Сказал тихо, только для нее, но столько вложил в единственное слово, что Клавдия поняла: все кончено! И отошла.*)

Шум в зале нарастает. Звонok судьи. Голос в репродукторе: «Очищу зал! Неуважение к суду!..» Гул спадает.

Эркен (*подскакивает к Ряботько и замахивается костью*). Кара кан! Кара жан, Ряботько! Черная твоя душа! Черная кровь!

Ряботько рассеянно озирается. Олейников подходит ближе, прислушиваясь.

Жамия. Вы отцом должны быть, а вы погубили!..

Эркен. Что шныряешь глазами, как ворюга! Не убежишь! Не пустим! Пусть все видят, какой ты подлец! Катька! Смотри на своего отца!..

Катя смотрит на отца. Подходит к нему.

Катя (*повелительно*). Папаша! Сейчас же заявите суду! Сейчас же! Нет — уйду от вас! Сию минуту уйду! Навсегда!

Ряботько (*растерянно*). Что? Что заявить?

Катя. Правду! Все, как было!

Ряботько. Поздно...

Катя. Не поздно! Скажите — сначала испугался!.. Или Олейников велел! Как было, так и скажите! Идите!

Жамия. Идите!

Катя. Не пойдете? Сама заявлю на вас! (*Решительно направляется в зал.*)

Ряботько. Катя! Постой!.. Постой!

Идет за ней. Олейников спешит наперерез.

Олейников. Никифор! Куда ты?

Никифор дрогнул, но Катя хватает отца за рукав и увлекает за собой, не глядя на Олейникова. Тот отступает.

Жамия. Создается, а?

Эркен. Душу из него, гада, выну!..

Жамия. Испугался или совесть заговорила?..

Таир. Сейчас все равно поздно. Суд решил дело.

Жамия. Неужели поздно? Неужели ничего нельзя сделать? Не могу примириться! Смотрите!

7

Из зала выходит Шура в сопровождении Вари. Глаза Шуры погасли, лицо осунулось словно после тяжелой болезни. Направляются к выходу. Но силы оставляют Шуру. Она опускается на стул.

Шура. Не могу!..

Варя. Сейчас дойдем до машины.

Шура. Минутку. Сил нет!..

Подходит Любченко.

Любченко. Шура!

Шура. Все надеялась... Что-нибудь случится... Не случилось. Чудес не бывает. Так всегда и обрушивается... несчастье...

Любченко. Не поддавайся! Что бы ни было, одну тебя не оставлю... Буду с тобой!..

Шура. Не надо! Это сейчас... такое настроение... Не хочу связываться... Что я теперь! Во мне все сгорело... Только пепел горький остывает...

Любченко. Отогрею тебя! Добьемся пересмотра! А сейчас хлопочем, чтобы тебя оставили на свободе под поручительство наше... Поедем вместе... Варя, подождите... Я сейчас...

Уходит в зал.

8

Шуру окружают друзья.

Эркен. Шура! Наша возьмет! Ряботько пошел признаваться!

Жамлия. Кажется, заговорила совесть!

Варя. Здорово! Шура, слышишь?! Еще может повернуться иначе...

Шура. Боюсь поверить. Опять что-нибудь случится... *(Бледно улыбнулась Эркену)*. Спасибо, Эра. Выгораживал меня...

Эркен. Не выгораживал, а так было!

Шура. Не сердись?

Эркен. За что? За это? *(кивнул на костыли. Шура молчит.)* За все сердиться — сердца не хватит. И вообще я, знаешь, какой? Освоил новый способ передвижения... А скоро, врачи говорят, буду танцевать... Пойдем вместе на танцплощадку...

Шура. Вряд ли. *(со вздохом.)* Если б я только ногу сломала!

Эркен. А сюда приехали с Варей на такси. И обратно поедем. За счет месткома. Утебаев не жалеет затрат на твоих свидетелей.

9

Из зала выходит заплаканная Катя.

Варя, Ты чего, Катерина? Ну?!

Катя *(горестно)*. Папаня... Заявил на себя... что уговорил Шуру,..

Варя. Врешь! Катюша! Детка! *(Обнимает Катю.)*

Катя. Заявление пишет с адвокатом...

Варя. Шурка! Слышишь?

Жамлия. Шура!

Олейников швырнул папиросу об пол и пошел к выходу. В тот же момент из зала появляются радостно взволнованные Утебаев и Любченко.

Шура молча обнимает подруг.

Слышна песня:

Не забыть мне тебя, третья смена...

З а н а в е с .

Гафу КАИРБЕКОВ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВОДЫ

*Владимиру Яковлевичу Аптека-
рю— прорабу резервуара Казахстан-
ской Магнитки.*

Он выходит на рассвете
Слушать, как звенит вода
В общей музыке труда...
Как и все, он рад примете,
Что какой бы ни был день —
Видно даже в самый темный,
Как от строящейся домны
Все длинней ложится тень;
Как огни электросварки
Выше прежнего зажглись,
Точно стрелы молний ярких
Шлет безоблачная высь...
Как и все, он рад примете,
Только звонче, чем всегда,
Уху слышится вода:
За нее прораб в ответе...
От Нуры, издалека,
Покорясь руке народной,
Та вода в степи бесплодной
Первый раз за все века
Собралась в кулак огромный.
Знает цену ей прораб.
Без нее не только домны —
И травинка не росла б...
Потому встает он рано,
Он, хозяин молодой,
И стального великана
Поит досыта водой.
Нет, нельзя быть сердцем грубым,

Черствым быть нельзя, когда,
Словно в жилах кровь, по трубам
Не звенит — поет вода
В общей музыке труда!

КАРАГАНДЕ

Иду опять с рабочей сменой,—
Мне в такт шагов стихи слагать.
Караганда моя священная,
Ты словно любящая мать!

В судьбе моей немало значишь ты.
Разноголосый люб мне гул.
В твои горячие объятия
Я упоительно нырнул.

В степи потух закат медлительный.
Но в шахтах, в клубах, на лесах,
Как в сказке, светом ослепительным
Озарены твои глаза.

Ступив на уголь,
Слушать снова я
Песнь молодых шахтеров рад.
Строптиво и безостановочно
Бушует жизни водопад!

Столбами дым
И пар грохочущий
Выстреливают горы здесь.
Я чувствую ладонь рабочего.
Теплее ль в мире руки есть?!

Рассвет торопит ночь короткую,
Пророча нам счастливый путь.
И небо щедро звезды кроткие
Просыпало тебе на грудь.

И брызжет солнце опалаяще,
Войдя в твои объятия, в кровь.
День новый, город созидающий,
Откроет дверь к богатствам вновь.

Здесь славу труженика высоко
Несут.—

Незыблемый оплот!
Еще не высох,
Нет, не высох он,
У стариков шахтерский пот.

Коль скажешь, друг, ты в откровении.
Что в этом доля есть твоя —
Возьми на шею груз не менее
Других,
В душе чувств не тая;
Когда на площадь выйдешь города
В любви и в мыслях величав,
Ты за батыров в сердце гордости
Не прячь,
В лицо их увидав.
Полна отвагой,—
Белостенная,
Как песня славы и труда,
Караганда моя священная,
Мечта моя Караганда!
Таким же щедрым быть желаю и,
Испытанным и впрок и в срок!
Соедини с огнем пылающим
И мой нетленный огонек.

В ШАХТЕ

Сказали нам:
«Не принимает.
Неуловим в приемный час...»
Но, крепко руки пожимая,
Начальник шахты встретил нас.

У аппаратов, в ряд стоящих,
Он вахту мирную держал.
А в подземелии гудящем
В сто солнц огонь труда пылал.

И понял я, навек счастливый:
Так вот где он, не в поворот
Кипучей жизни темп бурливый
Из-под земли ключами бьет!

Заполонил машинный рокот.
И сердце в такт ему стучит.

И всем нам кажется:
Далеко
Метет буран, пурга свистит...

Мы молча дум полны стояли,
Услышавши комбайнов лязг.—
Вниз по подземной магистрали
Несло неудержимо нас.

2

Сняв модные костюмы разом,
(О, этот час неповторим!)
Мы в ожидании приказа
Сосредоточенно стоим,

И вот у друга в робе серой,—
Я не поверил ни за что б —
Прикрыл батырского размера
Железный шлем широкий лоб.

Бушует кровь в груди, вскипая:
То спуску в шахту вышел срок.
Горит, уборверху венчая,
Приветно звездный уголек.

3

Полет вверх много раз изведан.
Но вниз летать — куда трудней!
Не бойся, друг мой, непоседа,
И не цепляйся за людей.

Несемся в пропасть мы сквозную,
И кровь в висках воспалена,
Величину Земли не чую,
Уходит из-под ног она.

Как в небе,
ярко полыхая,
Несется встречно звездный рой.
И вот нам двери открывают.
Повеял ветер ледяной.

Идем, уставши, как от бега.
Свод каменистый шахты сер.
Дорога вытянутым штреком
Ведет вдоль множества пещер.

Лишь шаг выдерживает ровно
Начальник, спутник-балагур.
Изогнутые рельсы словно
Здесь образуют стены юрт.

А уголь грудами навален.
Мы держим путь рука к руке.
Гордясь, с большой любовью хвалит
Свое хозяйство Эбеке,

И отпускает тут же шутку,
Кивая старшему из нас:
«Представьте, гости, на минутку:
Идете парком вы сейчас...»

А путь подземный уже, уже.
Здесь не согнувшись — не пройти.
И каждый в шествии натружен
Поклонами тому пути.

Ведь он лежит к истокам славы,
Ведет к испытанным друзьям.
Мы наконец дошли до лавы.
И вот что нам открылось там.

Столбы, чугунные крепленья,
За рядом ряд, за рядом ряд.
И в неразрывных ярких звеньях
Огни рабочие горят.

Слова приветствий рассыпая,
И руки всем спеша пожать,
Мы ждем, когда пойдет комбайн
Твердь первозданную кромсать.

Команда!
Грохот враз обрушив,

Он нам-то силу показал:
Вот с треском угольная туша
Ложится боком на отвал.

И пылью тут же углубленье
Наполнилось, затмив огни.
А вслед чугунные крепленья
Поспешно ставятся людьми.

На все на это жадно глядя,
Душа сжимается в комок:
Вот-вот на головы осядет
Повисший черный потолок.

Мы жмемся в сторону смущенно.
И, приловчась,
со всей руки,
Размашисто, с веселым звоном
По стойкам ходят молотки.

И сил своих не убавляя,
Булатный гул вокруг разлив,
Кусками с хрустом уминает
Комбайн сокровище земли.

Безостановочно и споро
Друзья лопатами стучат.
И льется он по транспортеру,
На славу нам открытый клад!

Сосредоточены, безмолвны
Герои в званиях простых.
Здесь зримо чувствуешь и полно
Жизнь героическую их!

Клокочет кровь в усталом теле
Подстать чеканному стиху,
Мы, отдышавшись еле-еле,
Сидим и курим наверху.

И жизнь, что там, внизу, бурлилась,
Виденья разом напластав,
К великой грусти удалилась,
Как драгоценная мечта.

Но сердце бьется ровно, мерно,
Ничто в себе не заглушив,
Как будто сброшен непомерный
Груз с поэтической души.

Герой мой!
Падая глубоко,
Туда,
Где труд кипит ключом,
Я к животворному истоку
Припал.
И слава тебе в том!

Еркеш ИБРАГИМ

В КАРАГАНДЕ

Терриконов вершины, куда ни взгляни,
Даль степная в миражной воде.
Словно сказку поведать стремятся они
О великом шахтерском труде.

Я смотрю на увалы у черных вершин,
Что горят негасимым огнем,
Как светильник,
В память кто подвиг свершил,
И сродни тем, что в сердце моем.

Дорог сердцу извечно огонь.
Сколько раз я его разжигал
Из травы, кизяка...
Только ласково тронь,
Он тепло мне свое отдавал.

Я вчера был в пути.
Паровоз, как тулпар,
Мчал на крыльях незримых меня.
Пляска пламени в топке.
Неистовый жар...
Да, движение — сила огня.

Я сегодня с тобою,
Шахтерский мой край,
У тебя я в счастливом плену.
Ты зовешь:
В мои шахты спустись и узнай,
Как живу,
Чем я славлю страну.

Недра степи богатства свои отдают —
Жар огня, облеченного в плоть.
Так прими ж и любовь ты сыновью мою,
И горячего сердца тепло.

ЛЬЕТСЯ СТАЛЬ

Воздух, обданный пламенем,
Будто спирта глоток.
Льется стали расплавленной
Бесперывный поток.

Я спросил у товарища:
— Где исток родника?
Подмигнул понимающе —
Мол, в надежных руках.

И пошли переходами,
Между огненных стен,
Прямо к сердцу завода мы,—
Это сердце — мартен.

Сказки детства развеялись,
Словно дым на ветру:
Сталь рождает размеренный;
Полный мужества труд.

Пламя рвется неистово,
Сталь искрится в ковшах.
Смотрит девушка пристально —
Молода, хороша.

Лишь рукою уверенной
Рычаги повернет,—
Полный ковш по конвейеру
На разливку уйдет.

В сталь влюбленной отчаянно,
По душе ей гроза,
И к лицу не случайно ей
Отблеск стали в глазах.

Михаил БРОДСКИЙ

БЕСПОКОЙНЫЙ МАРАТ

— Мендыбаев, зайди, пожалуйста, ко мне. Да, да, сейчас же,— парторг Жанабиллов положил телефонную трубку и несколько секунд недоуменно глядел на лежащее перед ним заявление.

«Черт знает что...— подумал он,— не может быть, чтобы Маленко натворил такое...» Но прокуратура Ленинского района ясно сообщала партийной организации обогатительной фабрики, что Маленко привлекается к уголовной ответственности.

«Нет, тут надо как следует разобраться...» Парторгу вспомнилось, как Мендыбаев недавно явился к директору с претензией: в приказе, где отмечались лучшие рабочие фабрики, не было бригадира слесарей Маленко. Значит...

Размышления парторга были прерваны приходом Мендыбаева. Высокий, сухощавый, в замасленном костюме, он остановился у стола и, вытирая паклей руки, выжидающе молчал.

— Вот, познакомься,— Рапых Сыздыкович протянул бумагу с гербами и печатями.

— Чепуха это,— убежденно проговорил Марат, пробежав глазами первые строчки,— не верю! Маленко не такой. Отличный слесарь, через год диплом техника получит.

Парторг развел руками:

— Я тоже сомневаюсь, потому и просил зайти. Тебя, как члена партбюро, прошу разобраться во всей этой истории. Сам понимаешь, тянуть нельзя, но поспешишь — людей на-smешишь.

— Мне кое-что известно, приходила жена Маленко, рассказывала и просила помочь. Там у них что-то с тещей... В общем, разберемся!

Есть такая категория людей, которые не могут жить спокойно. Нет, они не стремятся совершить великий подвиг, от-

крыть новые миры и планеты. Но жить без дела они не могут! Они должны за кого-то хлопотать, чего-то искать, что-то улучшать, о чем-то беспокоиться. Вот к таким людям относится главный энергетик обогатительной фабрики шахты № 38 Марат Самиевич Мендыбаев.

Парторг знал, что уже сейчас Марат занят мыслью: с чего начать?

«С чего начать?— думал Мендыбаев:— Может, пойти в прокуратуру? Побеседовать с товарищами».

В прокуратуре Мендыбаева приняли довольно сдержанно: «У нас есть заявление свидетелей, так что уж, извините...» Зато на квартире у Маленко обстановка прояснилась: теща чуть ли не бросилась на Марата с увесистой дубинкой.

— Не нужен моей дочери такой муж,— кричала она.— Антихрист! Не разрешает детей крестить, ишь ты! Я его упеку! Как миленький сядет!

— За что же это сидеть ему? Не будет он сидеть,— убежденно сказал Марат.

— Будет! У меня свидетели есть!

Но Мендыбаев уже не слушал ее. Он возмутился: выжившая из ума старуха клеветает на честного человека, а соседи, вместо того чтобы призвать к порядку, поддерживают, подписывают ее заявление...

Нет, Марат был воспитан иначе. В его большой семье все, начиная с отца, юриста по образованию, и матери, домохозяйки, и кончая самой младшей Закией, к людям относились радушно, чутко. Однажды, когда Марат был еще студентом горного техникума, произошел такой случай.

Большая группа товарищей отправилась в агитпоход по колхозам Карагандинской области. Среди них был и Марат Мендыбаев, игравший в то время в духовом оркестре на трубе.

Поход оказался необычайно тяжелым, мел неистовый январский буран. На расстоянии вытянутой руки ничего нельзя было разобрать. Но студенты упорно шли от колхоза к колхозу и выступали с лекциями и концертами.

На обратном пути случилось несчастье. В селе Колхозном студент Геннадий Букарев, помогая вытаскивать забуксовавшую машину, попал под колесо... Марат с другими студентами вытащил стонущего Геннадия из-под колес и на этой же машине привез его в районную больницу.

— Состояние больного тяжелое,— определил врач,— потеряно много крови...

— Возьмите мою! — не задумываясь сказал Марат.

— Спасибо, молодой человек,— улыбнулся врач,— у нас есть консервированная кровь.

Прошла неделя. В парткоме собрались члены партбюро. Марат Самиевич Мендыбаев доложил о результатах проверки и доказал, что обвинение коммуниста Маленко в преступлении оказалось ложным. Партбюро вынесло решение: просить прокуратуру Ленинского района не возбуждать дела против Маленко, а его тещу гражданку Рихтель привлечь за клевету к уголовной ответственности.

— Вы б видели, как она меня встретила. Не постеснялась ребенка, начала крыть...

— Самое страшное, что она фанатично верит в бога и все неверующие для нее — враги,— добавил Попов, также участвовавший в расследовании.

— Вначале она хотела просто их развести, но когда дочь этому воспротивилась, старуха и начала свою гнусную кампанию.

Телефонный звонок прервал Мендыбаева. Парторг поднял трубку:

— Срочно? Тебя, Марат.

— Где авария? На нулевой отметке? Да, да, иду!

Через несколько минут Мендыбаев был на фабрике.

Авария оказалась серьезной. Сгорел мотор, порвало цепь, и весь уголь на конвейере застыло. Через час фабрика прекратила прием угля из шахты.

На ликвидацию аварии были брошены все свободные слесари и электрики. Трещали без умолку телефоны, напоминая о том, что стоит не только фабрика, но и шахта.

За работой товарищи забыли о времени. Когда вышли на фабричный двор, было совсем темно. В небе зажгались крупные звезды. Из степи тянуло прохладой. То тут, то там вспыхивали светлячки — это по шоссе шли машины. Бесчисленными огнями сиял Новый город.

Марат потянулся, с наслаждением разминая затекшую спину.

«Опять в институт опоздал»,— с сожалением подумал он.

Он устало подошел к своему мотоциклу, любовно провел тряпкой по его гладкой поверхности и, поколдовав минуту-другую, легко завел мотор.

Мендыбаев любил быструю езду. Приятно лететь навстречу ветру. Но сейчас ему не до этого. Мысленно он видел сиротливые моторы, слышал резкий запах сожженных обмоток. Искромсанные валы и порванные цепи протягивали свои искаренные части. Он хорошо понимал, что только переделка всей схемы движения угля по моечному отделению может положить конец бесчисленным авариям.

Быстрая езда развеяла усталость, но не надолго. Как только он сел за стол, тело налилось свинцовой тяжестью. Кто-то толкнул его в спину. Марат вздрогнул, открыл глаза. Сколько же он спал? Час? Два? Взглянув на часы, облегченно вздохнул — прошло всего двадцать минут.

Марат подошел к водопроводу, освежился. Выпил стакан крепкого чая и сел к своему рабочему столику.

Он все продумал, все до мельчайших деталей. Схема импульсионной кнопки... Кнопка ставится у тчки — так называется отверстие, через которое проходит уголь. Как только крупный предмет, допустим, кусок угля или породы, забивает тчку, нажимается кнопка. Возникающий импульс передается на пускатель, и конвейер начинает качать в обратную сторону...

Никто на фабрике не знает, когда у Мендыбаева родилась идея установить импульсионную кнопку на тчку. На следующий день после аварии Мендыбаев с темными от бессонницы кругами под глазами стоял перед директором фабрики со своими чертежами и расчетами, и никто из присутствующих не удивился новому рационализаторскому предложению главного энергетика. Он был известен как хороший рационализатор.

Когда в конце 1955 года фабрика осталась без начальника электроцеха, директору посоветовали взять на эту должность электрослесаря шахты № 38 Мендыбаева, молодого парня, недавно окончившего горный техникум.

Директор с недоверием взглянул на долговязую фигуру слесаря. Мендыбаев от смущения неловко закашлялся и, не зная, куда деть свои большущие руки, спрятал их за спину...

Приняли его на фабрику начальником электроцеха с месячным испытательным сроком. Но уже через пятнадцать дней, когда по его предложению заметно улучшилась работа флотационных машин, стало ясно — испытательный срок для такого ни к чему...

Спустя год Мендыбаев был избран депутатом городского Совета. Когда он узнал, что выдвинута его кандидатура, растерялся.

— Молод я, понимаете? — убеждал он парторга. — Мне всего двадцать один. Ну кто меня послушает? Какой же из меня слуга народа?

Свою депутатскую деятельность Марат Мендыбаев начал несколько необычно: он не стал в кабинете высидывать часы приема, а пошел по домам своего участка. Все просили об одном:

— Нужен водопровод.

И Мендыбаев пообещал. А как выполнить? Долгие дни заполнены работой, учебой, но где-то внутри все время беспокоило: «Пообещал, а где же водопровод?»

И пошел Марат в горсовет.

— Мы можем прислать людей, но у нас нет материалов, — ответили ему, — нужны трубы.

И снова хождения... Мендыбаев ищет трубы. Раньше он не подозревал, что путь от треста углеобогащения до комбината «Караганда-уголь», расположенных на одной улице, так длинен — идти пришлось добрых два месяца.

Вторично Мендыбаев появился у своих избирателей в домах по Тихоновскому шоссе вместе с водопроводчиками. Они начали прокладывать водопроводную линию.

* * *

Случилось это два года назад. В кабинете директора фабрики Данчина шло заседание технического совета. Без конца звонили телефоны, и Данчин попросил коммутатор соединять только по аварийным случаям. И поэтому, когда раздался телефонный звонок, присутствующие насторожились...

Данчин слушал. За весь разговор он произнес четыре слова: «Да». «Работает». «До свидания». Положив трубку и пожевывая по привычке мундштук папиросы, директор обернулся к Марату.

— Догадываешься?

Мендыбаев покраснел и, криво усмехаясь, кивнул.

— Звонили из института, — поворачиваясь к парторгу, продолжал Данчин, — беспокоятся, что случилось с Мендыбаевым. Третью неделю нет его на лекциях.

— Струсил, — усмехнулся Жанабилов, — трудностей испугался.

— Да причем здесь трудности? — проговорил Марат и замылся.

Ну как им сказать, что познакомился с девушкой, с необыкновенной девушкой, и каждый вечер спешит, боится пропустить свидание с ней.

Мендыбаев, нехотя поднял голову и попытался улыбнуться:

— Завтра иду на занятия.

— Ну вот и добро, — шумно вздохнул директор. Но парторг остался недоволен.

— Ты нам одолжение не делай, не для нас учишься. Причины не было, а в институт не ходил? Никак влюбился? Ну, ну не красней. — парторг вздохнул. — И у нас такое было.

— Кто она? — улыбнулся Данчин. И от его улыбки Марату стало веселей, почувствовал, как будто гора с плеч...

— Студентка из педагогического.

— В общем, она пусть учится, а тебе не обязательно?

... Да, все это было. Было два года назад, но с тех пор Марат Мендыбаев успешно сдал экзамены за два курса электро-механического факультета. Галя Кравченко закончила институт и стала Галиной Семеновной Мендыбаевой. Да много и других изменений произошло в жизни главного энергетика обогатительной фабрики.

В 1958 году он был принят в партию, а вскоре товарищи предложили избрать его председателем комиссии партийного контроля по экономии электроэнергии. За эти два года Марат будто еще больше вытянулся. На лбу залегли первые морщинки. Новые заботы — теперь он не один. Да и на фабрике хозяйство стало сложнее, к электроаппаратуре прибавилась автоматика. Электриков надо переучивать. Два раза в неделю, в дни, когда нет занятий в институте, он преподает в группе электриков. Времени не хватает.

Подшефной школе № 23 надо оборудовать электрокабинет, и Мендыбаев проводит там не один час, помогая ребятам изучать электродело. Собрал из старых частей пускатели, оборудовал специальный уголок техники, и теперь многие опыты ребята делают в своем кабинете. К празднику необходимо иллюминировать клуб, и Марат придумывает затейливое освещение.

— Смотри,;— шутят товарищи,— забываешь жену, уйдет она от тебя.

— Когда же, наконец, будет внедрена наша новая схема учета грузеных скипов? — еще с порога бросил Мендыбаев.— Вчера недогруз, сегодня недогруз. Каждый день недогружаем десятки тонн угля по вине шахты, но это мало кого трогает.

С первого дня работы шахты не прекращается непрерывная тяжба между фабрикой и шахтой. Спор идет из-за учета: шахта недогружает скипы с углем, а фабрика не желает принимать уголь, требует его перевески. И так без конца: шахта не верит фабричным весам, а фабрика — шахтным скипам. Было принято компромиссное решение — в шахте стали дежурить браковщики от фабрики. Прибавилось лишних людей, но скандалы не прекращались... Скучная история длилась до тех пор, пока в один прекрасный день Мендыбаев не предложил новую схему учета скипов.

Принцип был очень прост: скип блокировался с грузчиком, который в свою очередь блокировался со счетчиком. Недогруженный скип совсем не регистрировался счетчиком...

Новая схема давала сто двадцать тысяч рублей годовой экономии, высвобождала людей и прекращала распри между шахтой и фабрикой.

Марат получил премию за рационализаторское предложение, но... предложение не внедрялось.

— Мне не меньше, чем тебе, надоела эта волокита.— Данчин порывисто открыл ящик стола и протянул приказ.— Трест наконец прислал, теперь дело только за монтажом. Смонтируем и... кончатся наши споры с шахтой.

— Как знать,— задумчиво ответил Мендыбаев,— они, кажется, не в восторге от моего предложения. Я еще кое-что принес.— И Мендыбаев смущенно протянул исчерченный листок.

Данчин несколько минут молча рассматривал чертеж, потом стал рассуждать вслух.

— Так, так... Значит, убрать лишние пускатели, очистить цех от ненужной аппаратуры. Понятно. Центральный запуск всех механизмов в цехе углеподготовки. Так?!

— Так,— улыбнулся Марат.— Это даст примерно пятьдесят тысяч рублей экономии в год.

— Пятьдесят?— директор пошевелил губами, посмотрел на Мендыбаева, выдержал небольшую паузу и закончил.— Неверно ты считал, не пятьдесят тысяч, а все восемьдесят! Ведь мы высвободим из цеха пять человек! В четверг у нас техсовет, там и решим.

Мендыбаев ушел. Данчин, глядя ему вслед, мучительно долго старался что-то вспомнить. Да, нужна была кандидатура для представления к награде за рационализаторские предложения. Подойдя к настольному календарю, директор быстро записал. «Мендыбаев. Просить о награждении золотой медалью рационализатора...»

— Сдал экзамен, сдал экзамен,— перепрыгивая через ступеньки, повторил Марат.

«А ну, молодой человек, расскажите нам о теории Эйлера...» При одном воспоминании о том, как он сейчас отвечал, его разбирал смех. Преподаватель подозрительно смотрел на него из-под толстых очков и вертел в руках зачетку. «М-да. Одни пятерки... Так вы говорите, что работаете главным энергетиком, и у вас хватает времени заниматься? — и он снова хмыкнул.— Итак, что вы можете сказать об эйлеровой теории?» Чуть волнуясь, Мират начал рассказывать, но распространяться особенно не пришлось, преподаватель перебил его, горячо потряс руку: «Спасибо, милый! Уважил старика!»

— Галка, сдал! — врываясь в квартиру, крикнул Марат и подбросил шапку к потолку: — Ура! Сдал! Еще одна сессия — и третьего курса как не бывало!..

У входа позвонили, в дверях появились директор фабрики, парторг и начальник смены Попов.

— Не ожидали? Принимайте гостей, — снимая полушубок, проговорил Жанабиллов.

— Гостям всегда рады, — радушно проговорили хозяева.

— Поздравляем со сдачей экзаменов.

— А вы-то откуда знаете? — удивился Марат.

— Начальству по штату положено, — подмигнул Данчин, — шли мимо, думаем, давай зайдем — поздравим.

— И обрадуем... — добавил парторг. — В Москву хочешь?

— Еще бы!

— Вот и собирайся. На выставку достижений народного хозяйства.

— Верно? Вот здорово! Давно мечтал побывать, автоматика интересует. — Марат засуетился, пропуская товарищей в комнату, — Галочка, накрывай стол...

Так и в этот вечер не пришлось им остаться наедине.

Жаппар ОМИРБЕКОВ

МОЛОДЧИНА

Вращаясь, в пласт стальной вонзился бур,
Рыча, что в толще и темно и тесно.
И уголь только пошатнулся, хмур:
— Сдаюсь, сопротивление бесполезно!

— Ну, что ж, сдавайся, только побыстрей, —
Бур прорычал в ответ ему сердито.
И острия стального горячей
Сверкнули очи юного джигита.

Тут к парню мастер подошел седой:
— Ну, молодчина!..
Может быть, при этом
Он передал с короткой похвалой
Ему шахтерской жизни эстафету.

ОТВЕТ КРЕПИЛЬЩИКА

Искусно в лаве ставя крепь,
Могучий свод воздвиг он ловко.
Невольно думал я: «И мне б
Такую ладную сноровку?..»

— Столбов не мало ли? — узнать
Спешу я, что Толеу скажет.
— Их ровно столько, чтоб сдержать,
Преодолеть
Земную тяжесть!

Мухамеджан КАПАТАЕВ

ЦЕННЕЕ ВСЕХ СОКРОВИЩ

Стремительно несется поезд к Караганде. Электрические огни, сначала редкие в темной ночи, постепенно слились в сплошное зарево. Еще несколько минут — и мы очутились в центре огромного европейского города. Многоэтажные дома, Дворец горняков, широкие улицы, площади, памятники, аллеи и скверы.

... А в моей памяти встала другая картина.

Голая рыжая степь. То там, то здесь небольшие черные терриконы. Рядом ютились два-три низеньких домика. В отдалении, как бы робко отступая от шахт, стояли темные юрты. Этот пейзаж завершали маленькие пронзительно кричавшие паровозики.

Недалеко от вокзала, в районе шахты № 1, где некогда хозяйничали англичане, протянулся длинный состав красных вагонов-теплушек. Здесь и жили мы, студенты, прибывшие на производственную практику. А приехали-то как? Первым пассажирским поездом, который следовал из Акмолинска в Караганду по только что проложенному пути. Это было в июне 1931 года. Ехали мы из Алма-Аты семь суток — через Новосибирск, Петропавловск, Акмолинск — с такими долгими остановками, что успевали выкупаться в Иртыше, Ишиме и Нуре.

Теперь, спустя двадцать девять лет, поезд доставил нас в Караганду за тридцать часов. Я жадно смотрел кругом, пытаясь найти хоть какие-нибудь прежние черты Караганды. Признаться, я решительно ничего не узнавал. От былой Караганды, которую я видел в дни ее рождения, не осталось и следа.

Ни холмов, оттенявших волнистый рельеф степи, ни юрт, что пугливо ютились у подножий холмов, ни верблюдов, гор-

до и пренебрежительно смотревших издали на все, что происходило на их исконной земле. Нет и буровых вышек, что возвышались тогда в окрестной степи.

А люди? Их тоже не узнать. Изменились. Обновились. И как бы пристально ни всматривался я в сотни лиц, которые приветливо и весело встречали писателей во Дворце горняков, я не нашел ни одного знакомого. Где же зачинатели советской Караганды? В первый момент я даже почувствовал себя постаревшим и забытым. Но мои грустные чувства быстро рассеялись, как рассеивается туман при солнце. Это сделали теплый прием и живой интерес к нам, писателям, со стороны горняков. Светлые взгляды и страстные аплодисменты в зале, простые, искренние чувства, высокие требования знатных горняков писателям сняли ощущение парадности и официальности. Произошло то, что происходит при встречах со старыми друзьями. Но это оказалось лишь началом большого душевного контакта.

... Утром в воскресенье мы шли на книжный базар. Шли и переживали. А что, если попусту простои́м за прилавком, и никто не подойдет покупать наши книги? Ведь книготорговцы часто уверяют нас, что книги расходятся плохо. А самое худшее наказание для писателя — это равнодушие читателя. Но, к счастью, наши опасения не оправдались. Не успели писатели встать за прилавок, как сразу перед каждым образовалась очередь. Поэты писали автографы в стихах. По настоятельной просьбе юных покупателей стихотворные автографы приходилось писать и прозаикам и даже... критикам. Со мной, например, так и случилось. Нет, книготорговцы не правы! Читатели любят поэзию. Автографов требовали не только молодые, но и пожилые люди, мужчины и женщины, казахи, русские, украинцы, евреи, болгары. Ко мне подошла женщина средних лет, вдова горняка, Зейнеп. Она попросила книгу с автографом для внучки Алии. Ее сменил шахтер-пенсионер, пришедший в магазин с сыном-школьником. Он купил по две книги у каждого писателя с автографами для себя и для сына. Я видел невысокого, но плечистого кряжистого шахтера, который нес в руках однотомник Джамбула. С обложки смотрел на карагандинца мудрый старик, аксакал народной поэзии.

В однотомник этот включена недавно обнаруженная Институтом языка и литературы Академии Наук Казахстана и впервые опубликованная на русском языке песня Джамбула «Письмо карагандинцам». Песня сложена в дни Отечественной войны, когда Джамбул приезжал в Караганду.

В словах акына звучит гордость за племя шахтеров, за их доблестный труд, равный подвигу:

Герои из Караганды!
Фронтвики-богатыри!
Горжусь я вами в дни беды
И шлю привет теплой зари.

Бьет барабан труда. Увы!
Пробыть мне дольше здесь нельзя.
Столетнего Джамбула вы,
Не опозорите, друзья!

В земле казахов уголь есть.
А уголь есть — железо есть.
Железо есть — оружие есть —
Захватчикам — отпор и месть.

Нужны нам уголь и руда,
Забойщики! Скорей в забой!
Враг грабит наши города.
Простим ли мы ему разбой?

От канонады гром в ушах.
Идет гроза. Идут бои.
Дружней спускайтесь в недра шахт,
Шахтеры, дети вы мои.

Над вами угля пласт навис.
На фронте хуже: кровь, картечь...
Затем ли все мы родились,
Чтобы себя в труде беречь?

Когда, скажите, дети, враг.
Батыра мог за ворот взять?
Сил не шадя, ускорьте шаг,
Чтоб больше домнам угля дать.

Шахтеру брат солдат-стрелок,
И фронт от шахт неотделим.
Клокочет наших сил поток,
И мы врага испепелим.

Около трех тысяч книг было продано в тот день. Все это было лучшей наградой творческому труду, большой радостью для литераторов.

Каждый день месячника открывал нам все новые и новые стороны жизни рабочего класса Караганды.

... Предстоял спуск в шахты. Я решил побывать в шахте № 18. Почему именно там? Всю дорогу от Нового города до Старого и до шахты № 18 я внимательно и с волнением искал черты, которые напоминали бы мне о прежней Караганде, о знакомых местах. Но все было напрасно. Сплошные поселки, дома и улицы.

— Вот и наша шахта,— сказал нам председатель шахткома, выходя вместе с нами из машины. Сердце у меня дрогну-

ло. Я узнал деревянную эстакаду 18-й шахты. Только тогда на том конце ее кружился конь, погоняемый мальчишкой-кононом. Теперь эту работу выполняет двигатель. Я вспомнил, что к западу от эстакады, метрах в ста, стояли бараки, а дальше тянулась вереница юрт. К северу на возвышенном месте строилась ТЭЦ. Помню, мы, комсомольцы, проводили там субботники, рыли котлованы, выносили на носилках землю. Бульдозеров и экскаваторов еще не было. Сам директор Карагандинского треста Горбачев, всеми уважаемый донбассовец, был в тот день с нами, показывал что и как делать...

Мы зашли в нарядную шахты, куда собирался народ. На многих была шахтерская одежда. Ничего не говоря товарищам, я продолжал искать знакомых. Но как ни старался, не смог найти никого. Почти потеряв надежду, я обратился к председателю шахткома:

— Знаете что, я когда-то работал на этой шахте. Но не вижу никого из своих знакомых.

— Когда же вы работали у нас? — живо спросил наш собеседник.

— Давненько. С тех пор прошло двадцать девять лет.

— И вы были шахтером?

— Шахтером не шахтером, а десятником в шахте был. Правда, недолго, с месяц. Но зато пять месяцев проводил здесь культмассовую работу, организовал школу ликбеза и комсомольскую ячейку.

Двадцать девять лет! Тогда еще не было угольных комбайнов, Дворца горняков, не были еще написаны книги «Пробужденный край» Мусрепова и «Караганда» Мустафина, не были сложены новые шахтерские песни, и такой вот литературный месячник был немислим...

— Двадцать девять лет тому назад! Так вы должны знать Тулебая Турсунбекова. Он здесь с основания шахты.

Знакомая фамилия. Кто же он? — вспоминал я.

— А вот он сам,, товарищ Турсунбеков! — заговорил начальник шахты Нефедов.

В это время в кабинет входил мужчина средних лет. Плотный, коренастый. Глядя на его румяное, без морщин лицо, никак не подумаешь, что ему больше сорока, что он тридцать лет непрерывно проработал под землей. Я сразу узнал его: так хорошо сохранились знакомые мне черты лица. Мы крепко пожали друг другу руки, а в моей памяти, как кинокадры, замелькали лица и картины давно минувших дней. Вскоре подошел ко мне здоровый, плечистый горняк с большими жилистыми руками. Он назвал меня по имени и крепко обнял. Это был Каден Сакиев — тоже наш товарищ по комсомолу. И Каден и Тулебай были тогда молодыми шахтерами, недав-

ними кочевниками. Жили они с родителями еще в юртах, работали в шахте забойщиками, вагонетчиками, в свободное время посещали школу ликбеза, красный уголок, наши комсомольские собрания.

Изредка студенты-практиканты показывали в юрте концерты, ставили спектакли для рабочих. Так вступали молодые люди в новую жизнь, совсем не похожую на жизнь отцов и дедов.

Шахтеры рассказали мне о своей жизни за три минувшие десятилетия. Они прошли все шахтерские профессии, Тулебай был даже главным инженером, начальником шахты, Каден окончил Горный институт, ездил на семинар в Донбасс. Дети их учатся в институтах и техникумах.

— На войне были? — спросил я моих друзей.

— Нет. Но мы и здесь повоевали, — улыбнулся Каден.

После того как мы побывали в шахте и побеседовали с горняками, нас пригласил к себе домой мой друг Тулебай. Когда мы подошли к воротам большого белого особняка, крытого шифером, Тулебай спросил меня:

— А ты можешь припомнить, что было на том месте, где стоит сейчас мой дом?

— Убей, не могу. А что было?

— Здесь стояла юрта, в которой ваши студенты ставили «Енлик-Кебек» Ауэзова. Я помню, ты был суфлером.

Тулебай познакомил меня со своей женой, милой, приветливой женщиной, матерью шестерых детей, затем сказал:

— Ты отца моего помнишь, конечно? Правда, в твоей школе ликбеза он не учился. Давай сначала пойдем к нему. А то обидится старик. Ведь ему восемьдесят лет.

В боковой комнате, подобрав под себя ноги, сидел маленький человек в очках и читал книгу.

После знакомства старик вместе с нами прошел в просторную гостиную, застланную коврами. На середине ее стоял большой казахский круглый стол, крытый белой скатертью. В одном углу комнаты сверкал телевизор, в другом — этажерка с книгами. Узнав, что среди нас находится Таир Жароков, старик достал томик его стихов и бережно раскрыл страницу с портретом.

— Я, мой сын и мои внуки — все мы любим читать хорошие книги, — тихо сказал отец Тулебая, обводя всех нас чуть прищуренными добрыми глазами.

Он сел вместе с нами за круглый стол, но от рюмки отказался.

— Сел-то я, друзья, за стол для того, чтобы разделить с вами все, кроме вина, — пошутил он.

Поднимая первый тост за старейшего, я мысленно пред-

ставил себе счастливую судьбу этой семьи. Как бы она могла сложиться, если бы в этой степи, в Сары-Арке, все оставалось так, как было до 1917 года? Бесконечная нужда и нищета, тьма и несправие, болезнь и преждевременная смерть.

Но история приготовила народу другую долю. Социалистическая революция принесла освобождение, открыла перед ним широкую дорогу к новой жизни. И советская Караганда раскрыла свои объятия бедняку Турсунбеку. Теперь семья знатного шахтера живет зажиточной и культурной жизнью, уверенная в завтрашнем дне.

Почти так же сложилась судьба семьи Кадена Сакеева, одного из ветеранов 18-й шахты. Свои воспоминания о днях рождения шахты и рассказ о величии происшедших за тридцать лет преобразований Каден удивительно образно и глубоко заключил словами:

— То было в верблюжий век. А нынче век атома. Вообразите только, какое произошло чудо — какое великое расстояние мы проделали с быстротой космической ракеты.

Это говорил не поэт, не философ, а рабочий, бывший кочевник. Говорил проникновенно, от всего сердца.

Речь Кадена поразила меня. «А разве меньшее чудо, — подумал я, — что вчерашний забитый степняк вырос в сознательного человека нового общества, воспринявшего мудрые идеи времени».

И меня глубоко захватила жизнь этих замечательных людей, которых я знал когда-то, но потом совершенно потерял из виду. А сколько таких, которых мы еще не знаем, которые достойны нашей любви, гордости и прекрасных произведений.

Как много встречали мы людей в шахтах, на заводах, в школах и на строительстве, которые восхищали нас своим духовным богатством, благородством чувств и взглядов.

Мы едем в Темир-Тау, на Казахстанскую Магнитку. Автобус несется по прямому, ровному шоссе. Здесь мы ехали когда-то на повозке караванными тропами.

Я помню эту землю необжитой и пустынной. Широкие горизонты. Степь, переходящая в невысокие сопки. Серебряно-голубая Нура, в знойные летние месяцы становившаяся такой мелководной, что ее везде можно было перейти вброд.

Серо-зеленая полынь, пушистый, серебристый ковыль, жесткий караганник. Дикий свист сусликов да стрекотанье кузнечиков нарушали вековую тишину этих травяных пространств.

Но рядом с глухой степью уже стояла каменноугольная Караганда. Закладывались новые шахты. Уже не кайло и не обушок, а отбойный молот вгрызался в угольные пласты. Караганда властно требовала:

- Воды!
- Электроэнергии!

И вот приезжают из Ленинграда гидроискатели, разбирают палатки возле поселка Самарканд, берут пробы, записывают, вычисляют.

Выходило, что Нура с ее небольшими притоками не так бедна водой, как казалось на первый взгляд. Гулко ухает аммонал. Нура перегораживается плотиной. Чаша нового водохранилища вмещает 200 миллионов кубических метров воды, а площадь водного зеркала занимает семь с половиной тысяч гектаров.

На берегу нового озера-моря строится громадная ГРЭС.

Вырастает Казахский металлургический завод, завод синтетического каучука. Бывшая механическая мастерская электростанции разрослась в ремонтно-механический завод всесоюзного значения.

Механизмы управления, сделанные на этом заводе, идут в Китай, Вьетнам, в европейские страны народной демократии.

Но и это только предыстория. История начинается со строительства Казахской Магнитки — Карагандинского металлургического завода.

Уже пущена первая домна. Заложена вторая домна. В центре города Темир-Тау высится великолепный Дворец культуры металлургов. Строятся Дворцы культуры химиков, строителей. Уже ходят в новом городе трамваи, автобусы, такси. Уже зеленеют скверы, зелень окаймляет стадион. Встают многоэтажные дома, в которых — электричество, горячая вода, телевизоры.

И в облике города, и в ритме трудовых будней, и во взглядах людей властно господствует дух неистребимой энергии и энтузиазма. Это чувствовалось даже на концерте, который показали в честь приезда писателей молодые строители Магнитки — участники художественной самодеятельности. А сколько в нем было задора, сколько настоящего пафоса! Вместе с тем, какое это было яркое проявление дружбы, спаянности и интернационализма! Особенно потрясло нас выступление юного строителя, русского парня Игоря Янковского, который не хуже профессионального артиста виртуозно исполнил на домбре сложнейшие кюи Курмангазы.

Своеобразна и примечательна судьба этого молодого домбриста. Он — москвич, сын преподавательницы русского языка. В суровые дни Отечественной войны с матерью эвакуировался в Казахстан. Здесь он учился в казахской школе, рос и воспитывался среди сверстников — казахов. Он изучил казахский язык, казахскую поэзию, музыку, орнамент. И любовь

к Глинке и Чайковскому не мешает ему теперь любить и замечательного казахского композитора Курмангазы.

А вот и другой пример.

На карагандинской земле в ауле Сайтанды рос мальчик Нахимбет, сын казахского учителя Нурмухамеда. В 1928 году возле аула Сайтанды разбили палатки геологи. Нахимбет стал их частым гостем. Один из них заинтересовался рисунками маленького Нахимбета.

Когда геолог уезжал, он подарил Нахимбету альбом со своими рисунками и цветные карандаши:

— Рисуй, мальчуган! Учись!

Мальчик стал рисовать. После смерти отца его определили в Новосибирск в детский дом. Во время Отечественной войны Нахимбет был на фронте. Уже демобилизованным офицером поступил в Ленинградский художественный институт имени Репина.

Теперь он — известный казахский художник. Он также побывал на строительстве Казахской Магнитки и привез оттуда более семидесяти рисунков. Он рисовал крановщиц и шоферов, электросварщиков и бульдозеристов, инженеров и рабочих. Рисунки Нахимбета Нурмухамедова экспонировались на Московской выставке. Если Игоря Янковского научили играть на домбре казахи, то Нахимбета научили искусству кисти русские художники. Вот она, зримая взаимосвязь, взаимовлияние культур, ведущие к духовному богатству.

Великие дела совершаются нашим народом. Все богаче, многогранней и интересней становится жизнь советского человека — создателя коммунистического общества.

Литературный месячник в Караганде и Темир-Тау с очевидностью показал, что хорошие произведения о нашей эпохе можно создать лишь в том случае, если хорошо знаешь и чувствуешь жизнь людей, их думы и чаяния.

Айтпай ХАНГЕЛЬДИН

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Проходят дни. Разные бывают они: веселые и суровые, тяжелые и легкие. Одни из них запоминаются каким-либо радостным событием, волнуящим душу; другие врезаются в память неимоверными трудностями и лишениями. Долго-долго вспоминаем мы о них. Бывают и такие дни, которые ничем не отличаются друг от друга. Они, как нам иногда кажется, не оставляют следа. Но это только кажется. А на самом деле они вносят в жизнь что-то новое, отчего мы становимся богаче и лучше.

В тот день утро выдалось хмурое. Вот уже несколько суток подряд шел дождь вперемешку со снегом. Куда ни ступи — сплошная грязь. Дул холодный ветер, зло свистел в печных трубах. В такую погоду поневоле ищешь, где бы укрыться. Но кругом пустынно. Только к шахтам — их было семь или восемь — жались рабочие бараки. Словно созвездия, мерцали огни зарождавшейся советской Караганды.

Еще с вечера по шахтам и баракам разносился слух о прибытии гостей. Утро хмурилось, но настроение шахтеров было бодрое, приподнятое. Они не замечали ни холода, ни слякоти: горячее чувство радости переполняло души. В шахтах, на улицах, в домах не замолкали оживленные разговоры о предстоящей встрече дорогих гостей. В эти холодные сентябрьские дни шахтеры работали с необычайной энергией. Казалось, угольный бассейн вдруг приобрел какую-то гигантскую силу, она заставила бушевать это угольное подземное море. Черные гребни волн выплескивались на поверхность земли и, образуя лавины, текли по новому руслу, положенному недавно людьми к промышленным центрам страны. Караганда была охвачена трудовым энтузиазмом.

Незадолго перед ненастьем начал свое нелегкое путешествие по казахстанской земле коренастый, пожилой человек с внимательным взглядом улыбчивых глаз. Этот пытливый человек объездил Актюбинскую, Алма-Атинскую, Семипалатинскую, Восточно-Казахстанскую области и затем направился в Караганду.

Он ехал со своими спутниками мимо Каркаралинских гор. Сосны уже успели надеть белоснежные чалмы и покачивали отяжелевшими вершинами, встречая и провожая неугомонных путников. Вероятно, человек сравнивал этот живописный уголок со степными просторами, суровыми и неброскими. Он не отрывал взгляда от этих чудесных гор.

Человек велел остановить машину, взошел на высокий каменный выступ, снял шинель и фуражку, посмотрел вокруг. Во взгляде его засветились восторженные лучики. Человек был порывистый, равнодушным его никогда не видели.

— Подумать только, — обратился он к своим товарищам, — какие богатые земли! Какие просторы! От Каспийского моря до китайских границ! Сколько богатства!

В его голосе звучало неподдельное восхищение.

— Вы увидели казахстанскую землю такой, какова она есть на самом деле, без прикрас, — сказал один из спутников, работник Краевого комитета партии Казахстана. И, чуть подумав, добавил: — Впрочем, вряд ли эти просторы нуждаются в приукрашивании. Они говорят сами за себя достаточно красноречиво.

Дающие живительную воду Каспий и Арал, мощный Иртыш и полноводная Сыр-Дарья с тучными берегами, золотосносный Алтай и Балхаш со своей медью, угольная Караганда, богатые пастбища и цветущие степи, способные давать большие урожаи сельскохозяйственных культур — все это, конечно, не могло не восхищать.

После долгого пути неутомимый человек приехал в Караганду. Это был Сергей Миронович Киров. Сразу после приезда он начал подробно интересоваться положением дел. А в последующие дни его видели то в шахтах, то в рабочей столовой, то на Центральной электростанции. От его зоркого глаза не ускользали даже мельчайшие неполадки. Он советовал, как избавиться от них. Он открывал перед своими многочисленными собеседниками — шахтерами светлую перспективу Караганды. Неисчерпаемый оптимизм, его вера в будущее увлекали и звали людей на трудовые подвиги. Стране нужна была своя тяжелая промышленность. Страна нуждалась в угле. Возникла острая необходимость увеличить его добычу. А годовой план Карагандинского бассейна едва превышал 163

тысячи тонн. К тому же и это задание было под угрозой срыва. Значительная часть работ велась вручную.

Сергей Миронович Киров указывал, что трудности карагандинских шахтеров — явление временное. Большое будущее ждет этот богатый край. Караганда станет третьей угольной кочегаркой страны. Она будет оснащена новейшей техникой. И поэтому уже сейчас, говорил Сергей Миронович, шахтеры должны повышать организацию труда, увеличивать добычу угля.

Будущий город только-только намечался. Он был еще в планах и проектах, в немногочисленных строительных площадках. А пока на берегу речушки ютились невзрачные домики. Сергей Миронович медленным взглядом обвел землянки шахтеров, сказал:

— Да, сейчас нам трудно. Но придет время — наши новые города будут самыми красивыми в мире. Вместо этих вот землянок вырастут светлые, просторные дома, школы, клубы, дворцы. Здесь будет новый, социалистический город!

— А почему строительные площадки так захламлены? — спросил Сергей Миронович у сопровождавшего его работника, ведающего делами строительства, и, получив ответ, продолжал: — Строительство домов идет замедленным темпом из-за того, что нерационально, незаконно расходуются стройматериалы. А какова архитектура этих домов? Надо особенно следить за планированием жилья. Люди на стройке, по всему виду, энергичные. Сумейте правильно организовать их труд, учите их. Пусть передовики поделятся своим опытом.

Ознакомившись подробнее с состоянием строительных работ, он еще раз подчеркнул, что никогда не нужно забывать о человеке, его нуждах, что необходимо усилить темпы стройки и вместе с тем не упускать из виду внешний облик растущего города. Вдоль улиц не было ни одного деревца. Сергей Миронович заметил, что посадку деревьев можно производить параллельно со строительными работами.

И надо было видеть его огорчение, когда речь заходила о благоустройстве города: ни тротуаров, ни мало-мальски пригодных дорог — всюду грязь в ненастье, пыль, кочки в сухую погоду. Он говорил:

— По таким улицам только портить транспорт. И его ремонт обойдется намного дороже, чем ремонт дорог. Пожалуй, нигде у нас в стране не найдешь такого запущенного городского коммунального хозяйства. Надо во что бы то ни стало наладить это дело.

Много внимания уделил он работе Центральной электростанции. Говорил с каждым рабочим, вникал в мелочи. Отвечал на вопросы и сам задавал, стремясь наиболее полно пред-

ставить себе жизнь этого коллектива. В машинном отделении Сергей Миронович оживленно беседовал с рабочими, по-дружески угощая их папиросами. Разговор шел о выработке электроэнергии и освоении новой техники, об организации труда и повышении производительности.

— Нужна более мощная электростанция, — сказал он. — Электростанция — это сердце бассейна. — И тут же пообещал прислать из центра мощную турбину и необходимое оборудование.

Будучи на шахте № 3-26, Сергей Миронович посетил квартиры рабочих, пообедал в общей столовой, проверил блюда. Питание оказалось плохим. Он сделал строгое внушение начальнику снабжения.

— Ведь от вас многое зависит, вы обязаны улучшить питание, — заключил он. И снова заговорил о внимании к рабочему человеку. О нем он никогда не забывал.

После ознакомления с жизнью угольного бассейна Сергей Миронович решил созвать заседание областного комитета партии, чтобы обсудить положение дел и наметить мероприятия по увеличению добычи угля. Областной центр находился в Петропавловске. 22 сентября Сергей Миронович выехал из Караганды.

С. М. Киров пробыл в городе два дня. Но они оставили в памяти шахтеров неизгладимое впечатление. Его вдумчивые советы, указания открывали перед рабочими ясную перспективу, вдохновляя их, зажигали сердца решимостью бороться за претворение в жизнь решений партии. Его пламенные речи воспринимались как призывы, они освещали путь в будущее. Во всем Карагандинском бассейне началось движение за высокую выработку.

Выступая на митингах и собраниях, шахтеры, рабочие предлагали присваивать передовым бригадам и участкам имя С. М. Кирова. У каждого на устах было это зовущее вперед имя-лозунг: работать по-кировски, устранять недостатки по-кировски, бороться с трудностями по-кировски, организовать труд по-кировски. На шахтах возросла добыча угля. Парторг шахты № 2 Уранов, начальник второго участка Турмысов, бригадир Датырбеков в эти дни заявили с трибуны, что они ликвидировали задолженность прошлых месяцев, выполнили план добычи угля и дали обещание досрочно выполнить годовое задание по выработке «черного золота». Выражая волю рабочих, они призвали коллектив бассейна регулярно устраивать воскресники по уборке пришахтных площадок, посадке деревьев, строительству овощехранилищ; выступающие вызвали на соревнование своих товарищей. Бригадир комсомольской бригады шахты № 31 Киргизбаев

стал соревноваться за присвоение коллективу имени С. М. Кирова с передовой бригадой Билялова. Ни одна шахта не осталась в стороне от этого движения. Жены рабочих и инженеров, все домохозяйки взялись за озеленение, наведение чистоты и порядка в шахтерских поселках. Им активно помогали комсомолцы и пионеры.

... Бывает, зимней ночью медленно едут путники, промерзшие и утомленные длинной дорогой, и вдруг увидят впереди огонек: сразу же откуда-то появляется сила и бодрость. Путники устремляются к огоньку. Так и эти два дня и две ночи, проведенные Сергеем Мироновичем Кировым в Караганде, были светлым огоньком, придавшим рабочему коллективу энергию и уверенность в своих силах, осветившим путь вперед. Этот огонек явился предвестником весны. Минуло еще немного времени, и лед тронулся. Более мощные угольные потоки стали питать промышленность страны.

Шахтеры Караганды и сейчас с любовью вспоминают эти дни, и светлый образ человека-борца встает перед ними.

С тех пор прошло два с лишним десятка лет. На месте старых шахт возникли десятки новых. Теперь в Карагандинском бассейне нет ни одной шахты, где бы труд не был механизирован. Неизмеримо выросла добыча угля. Караганда из старого поселка превратилась в огромный культурный город с многоэтажными домами и дворцами, вузами и школами, театрами и клубами, детскими садами и яслями, с асфальтированными улицами, окаймленными зеленой зеленью деревьев.

Пророческими оказались слова Сергея Мироновича Кирова: «... много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры для того, чтобы, опираясь на нее, перевернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, она создана нашими руками. Не пройдет много лет, как мы с вами, опираясь на завоевания социализма в нашей Советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма». Слова трибуна, неутомимого борца неслышимой воли.

Ким СЕГЛИН

ДЕЛА И МЕЧТЫ ИВАНА ЛОПАТЮКА

Солнце вышло из-за горизонта точно по календарю. Таял утренний туман, обнажая многокилометровую площадку Казахстанской Магнитки. Туман исчезал медленно, цепляясь за трубы коксовых батарей, смешиваясь с дымом теплоэлектроцентрали.

От поселка мчались автобусы, вызванивали трамваи. У складов оборудования пронзительно, петухом, прокричал тепловоз. Начинался обычный трудовой день.

Двадцать пять тысяч человек — каменщики и плотники, бетонщики и штукатуры, арматурщики и маляры, мотористы и машинисты подъемных кранов, экскаваторщики и шоферы, огнеупорщики и монтажники, рабочие и бригадиры, техники и инженеры — продолжали строить металлургический гигант. И вместе со всеми вышел на работу бригадир управления Доменстроя Иван Ефимович Лопатюк.

Его бригада плотников работала на второй доменной печи. Бригадиру незачем было поторапливать ребят, все помнили о торжественном обязательстве дать в мае первый казахстанский чугун, а в декабре задуть вторую домну. Сегодня предстояло выставить опалубку для бетонирования фундаментных стаканов под железобетонные колонны поддоменника. Расставляя людей, Иван Ефимович учитывал опыт, сноровку и даже характер каждого. Потом проверил, выдерживаются ли указанные в чертежах размеры. Кого-то пожурил, взял из рук топор и показал, как работать.

Доски для щитов опалубки были на исходе, а новые почему-то не везли. Лопатюк поругался со снабженцами, с прорабом, сел в машину и сам привез доски. Затем пришлось доставать проволоку, потом снимать леса (маляры закончили покраску) в машинном зале первой домны.

Часа за три до смены выяснилось, что бетон для фундаментных стаканов дадут завтра. Следовало срочно изготовить желоба для бетона. Лопатюк впервые за день поторопил ребят:

— Надо нажать, надо заделать сегодня.

«Заделать» — это его любимое слово, и означает оно, что задание надо во что бы то ни стало выполнить.

Вечером на доске показателей против фамилии Лопатюка появилась цифра—180. Она никого не удивила — привыкли.

Получив у начальника участка задание на следующий день, Иван Ефимович поспешил на заседание партбюро. Он — заместитель секретаря парторганизации Доменстроя. Вернулся домой поздно.

Так закончился еще один день в жизни Ивана Ефимовича Лопатюка. Может быть, истинное подвижничество в том и состоит, чтобы изо дня в день, из месяца в месяц трудиться упорно, самозабвенно.

Часто о нем пишут в газетах. Без Лопатюка не обходится ни одно хорошее начинание. Выступила, например, Валентина Гаганова с чудесной инициативой, и Лопатюк стал одним из первых ее последователей. Родилась на стройке идея выполнить семилетку по росту производительности труда в четыре года, и опять впереди бригада Лопатюка.

Почему волновался начальник участка

На металлургическом заводе в Сталино шло строительство прокатного стана «250». Начальник участка Тихон Сергеевич Третьяков волновался. Подписывая требование на материалы, он смотрел вверх, спорил с монтажниками и опять смотрел вверх, давал задание бригадирам и все поглядывал, задирая голову. Там, на тридцатиметровой высоте, работали люди.

Масла в огонь подлил главный инженер Иван Сергеевич Ероян.

— У тебя кто там работает?

— Бригада Лопатюка.

— Что еще за бригада?

— Фезеушники, Иван Сергеевич.

— Фезеушники? Да ты понимаешь, что делаешь?!

Третьяков прекрасно знал, какую ответственность он взял на себя. Но что было делать?

Донбасс залечивал раны, нанесенные войной. Рабочих не хватало. Тысячи комсомольцев шли в школы ФЗУ, чтобы в

короткий срок овладеть профессией строителя, металлурга, шахтера. В одной из таких школ получил специальность столяра-плотника и Иван Лопатюк. Его направили в трест Сталинметаллургстрой, а там — на участок Третьякова.

Третьяков был бы рад послать на высоту бригаду из более взрослых и опытных людей, но выбора не было. Теперь он с минуты на минуту ждал какой-нибудь неприятности. Могут сорваться или уронить доску, инструмент на головы других рабочих. Но первый день прошел без происшествий, второй тоже. Третьякову начинал нравиться отважный и смелый юноша. Он убеждался, что назначение Лопатюка бригадиром не так уж случайно, как могло показаться на первый взгляд. Тихон Сергеевич подолгу инструктировал его, помогал разбираться в чертежах.

Первое задание бригада Лопатюка выполнила отлично.

Цветы Индиры Ганди

В семейном альбоме Ивана Ефимовича хранится любопытная фотография. В центре группы рабочих и инженеров — Джавахарлал Неру. Чуть ниже стоит его дочь Индира Ганди. За спиной Неру возвышается лобастая, стриженная под ежик голова Лопатюка. История этой фотографии такова.

В 1953 году молодого коммуниста и к тому времени уже довольно опытного бригадира Ивана Лопатюка направили в Варшаву на строительство Дворца культуры и науки. Он монтировал керамические блоки фасада Дворца, плотничал, был инструктором в учебном комбинате. Однажды потребовались паркетчики. Их на стройке не оказалось. Попросили взяться за работу Лопатюка. Через пару недель он освоил новое дело. Ему была поручена отделка кабинетов президента и вице-президента Польской Академии наук. Три почетных грамоты и орден «Серебряный крест» — таковы варшавские «трофеи» паренка с Житомирщины.

Строительство Дворца в 1955 году посетил Неру. В зимнем саду Иван Лопатюк преподнес дочери премьер-министра огромный букет цветов. Тогда-то они и сфотографировались.

Семейный архив — это своего рода музей, который разрешается осматривать только друзьям и, иногда, нашему брату — газетчику. Среди фотографий и почетных грамот хранится пожелтевший номер газеты «Социалистический Донбасс» от 17 сентября 1957 года. На первой его странице опубликовано приветственное письмо ЦК Компартии и Совета Министров Украины домностроителям в связи с досроч-

ным пуском доменной печи. Среди адресатов— фамилия Лопатюка. После возвращения из Варшавы он был бригадиром плотников и секретарем партийной организации управления Доменстрой в Сталино. В письме шла речь о той самой доменной печи, которая впервые была построена за шесть месяцев.

Сдана в архив и скромная канцелярская папка с надписью: «Выездное дело». По своему содержанию она мало чем отличается от сотен папок, которые лежат в отделах кадров различных учреждений. Обращает на себя внимание лишь один документ: краткая характеристика. В ней говорится, что Иван Ефимович принимал участие в строительстве доменных и мартеновских печей, прокатных станков и коксовых батарей. Характеристика кончается следующими словами: «Рекомендуется в качестве бригадира такелажных работ на строительстве металлургического завода в Индии».

Папка эта осталась в семейном архиве потому, что в последний момент бывший начальник управления Доменстрой в Сталино Петр Антонович Снегирев уговорил Лопатюка изменить маршрут и поехать на Казахстанскую Магнитку.

Тесен мир

Лопатюк спустился с лесов поддоменника, где трудились его ребята, и вдруг увидел перед собой знакомую плечистую фигуру.

— Николай Сидорович!

— Ваня!

Они обнялись. Почти четыре года они ничего не знали друг о друге, хотя работали почти рядом. Расстались в Варшаве, где Николай Сидорович Халявка был старшим производителем работ, а Лопатюк у него инструктором-паркетчиком. После возвращения из Польши один прокладывал канал Северный Донец — Донбасс, а другой строил доменные печи в Сталино.

— Ты давно здесь?

— Вторые сутки.

— А ты?

— Считаю год.

— Ого, старожил. А я вот осматриваю, шо це таке Казахстанская Магнитка.

— За день не справишься,— улыбнулся Лопатюк.

Ему было хорошо знакомо чувство новосела. В мае 1958 года он так же ходил по площадке и присматривался. Все было непривычным: и бескрайняя степь с невысокими сопками,

и неласковая каменистая земля с жесткой кустистой травой, и синеватая гладь огромного водохранилища.

Очертания завода только еще намечались. Лопатюк уже знал, что завод будет одним из крупнейших в стране, самым механизированным и высокопроизводительным в мире. Но как все это будет выглядеть в натуре?

За год строительная площадка выросла. Над землей поднялись десятки различных сооружений. Теперь, чтобы увидеть степь, надо забираться на семидесятиметровой высоты первую домну. Отсюда стройка видна как на ладони. Уходит вдаль почти терхкилометровый котлован тракта, по которому на домну пойдет руда. Массивными коробками стоят тепляки коксовых батарей. К ним на колоннах тянутся транспортные мосты, по которым будет подаваться коксующийся уголь. Сороканожками ползут по площадке воздушные трубопроводы. И повсюду краны, грузовики, экскаваторы.

Все это давно стало родным и близким Лопатюку. Он гордился стройкой и заранее предвкушал, как будет восторгаться увиденным его старый друг.

По старой дружбе

Недели через две-три Николай Сидорович Халявка пришел к Лопатюку за советом.

— Назначили меня начальником участка в Химстрое. Народ там молодой, зеленый. Бетонные работы и каменную кладку вести могут,— рассказывал Халявка.— А вот плотницкие, опалубочные, ну ни в зуб ногой! Не могу же я стоять над каждым и все время показывать. Их же не один и не два, а несколько бригад. Начали строить машинонасосную станцию. Фундаменты под газодувки большие, ответственные, высота семь метров. Опалубка, сам понимаешь, очень сложная. В общем, дело дрянь,— Халявка безнадежно махнул рукой.

— Хочешь, чтобы я к тебе перешел?

— А что? Давай.

— Снегирев, начальник управления, не отпустит. А помочь можно. Переводи своих плотников во вторую смену, а я после работы буду к тебе заглядывать.

— Договорились. Насчет заработка не обижу.

— Это ты брось. Я не из-за рубля тебе собираюсь помочь.

— Ладно, по рукам.

Почти месяц после своей смены Иван Ефимович отправлялся на Химстрой. Вскоре на участке Николая Сидоровича уже появились свои мастера по опалубке, и фундаменты под газодувки были сделаны вовремя.

Лопатюк покидает бригаду

И все же Иван Ефимович расстался со своей бригадой. Больше года он ее пестовал, учил, воспитывал. Многие за это время стали опытными мастерами, некоторые выдвинулись в бригадиры.

Как-то раз на оперативном совещании у начальника управления Доменстрой Петра Антоновича Снегирева зашла речь о тяжелом положении на строительстве бункерной эстакады. Мог затормозиться пуск доменной печи. Бригада плотников Виктора Замураева явно не справлялась с заданием, за что бригадиру крепко всыпали на оперативке.

Совещание кончилось, все начали расходиться, а Лопатюк подсел ближе к Снегиреву.

— Зря вы так, Петр Антонович, на Замураева. Молод он.

— Ты сам понимаешь, что домна должна быть сдана в срок.

— Это, конечно.

— Тебя бы туда,— задумчиво проговорил Снегирев. А вот газоочистку оголять нельзя.

— Герасимов вполне потянет на газоочистке.

— Морячок?

— Да.

Алексей Герасимов когда-то служил на флоте и до сих пор носил выцветшую мичманку. Он строил комсомольские шахты в Донбассе. Алексей учился в вечернем техникуме и был правой рукой Лопатюка. Недавно его приняли кандидатом в члены партии.

— Ты что же, хочешь оставить бригаду?

— Да. Чем я хуже Гагановой? Сами же видите, что Замураев не тянет.

— А ведь это действительно идея! — обрадовался начальник управления.— Но ты все обдумал? Учти, что заработки первое время будут хуже. А у тебя трое малышей, Татьяна не работает.

— Обдумал.

— Бригаду придется пополнить людьми из двух слабых бригад. Больше брать неоткуда.

— Ладно. Только я из своей тоже двух ребят возьму, чтобы было на кого опереться.

— Хорошо, бери.

— Материалами поможете?

— Поможем.

На следующий день в многотиражной газете появилось сообщение, что Иван Лопатюк одним из первых на Казахстанской Магнитке последовал благородному примеру Валентины Гагановой.

Студент

— Иван, разреши мне.

— Нет.

— Почему?

— Опасно. Разбирать леса труднее, чем ставить новые.

— Я высоты не боюсь, служил в авиации.

Лопатюк окинул взглядом до черноты загорелое лицо Сапара Бейсатова, его ладную ловкую фигуру. Это был период, когда Иван Ефимович присматривался к своей новой бригаде. Он знал, что Сапар прежде работал на строительстве жилых домов из крупных блоков. Потом попросился на промышленную площадку, чтобы самому строить первую казахстанскую домну.

Лопатюку нравилось, что Бейсатов трудолюбив, неутомим, исполнительен. По вечерам Сапар ходил на занятия в техникум. Иван Ефимович и сам не раз собирался поступить учиться, но так и не собрался. Он старался не назначать Сапара во вторую смену.

Сейчас предстояло решать, кому поручить ответственную работу. Тем более, что самому Лопатюку надо было присутствовать на конференции в тресте.

— Ну смотри,— коротко напутствовал он Бейсатова.

— Есть посмотреть! — И Сапар шутливо пришелкнул каблучками.

Перед сменой Иван Ефимович снова заехал на площадку. Он долго стоял и наблюдал, как разбирали на большой высоте леса. Ловко, красиво работал Сапар.

— Молодец, студент. Хороший строитель будет,— проговорил Лопатюк задумчиво.

Тетка

Однажды Лопатюка вызвали в управление.

— Завтра к тебе паренек придет,— проговорил Снегирев,— Прими его.

— Откуда?

— Беглый.

— Как беглый?

— У нас работал. Потом сбежал, решил легкий хлеб поискать. Сейчас кается,— объяснял Снегирев.— В общем, дурь мальчишке в голову ударила. Не принять — по наклонной покатится. Короче, посылаем к тебе на исправление.

— Ну что ж, давайте.

— Некоторые возражали: говорят, нельзя тебе всех под-

ряд посылать, ты и так отстающую бригаду взял. А как думаешь сам?

— Пусть приходит.

На следующее утро перед Иваном Ефимовичем стоял невысокий паренек в синем комбинезоне, в сапогах и туго натянутой на голову кепочке. Большие серые глаза смотрели доверчиво, круглое лицо было усеяно свежими веснушками. Даже пушок на подбородке казался каким-то весенним.

— Звать как?

— Иваном.

— Значит, тезка. Откуда?

— Из Николаевской области.

— Отец где?

— На войне убили.

— А мать?

— Дома, в колхозе.

— Работать хочешь?

— Хочу.

— А почему сбежал?

— Заработки плохие были. Один раз сорок пять рублей получил. А есть-то нужно. Бригадир попался такой, никто его в бригаде не слушал. Хлопцы говорят: «Поехали в совхоз, сейчас самый сезон, заработать можно».

— Ну и что же?

— Не понравилось мне там. Зарабатывали, правда, ничего... Ехал Казахстанскую Магнитку строить, а стал...

— Халтурщиком?

— Вроде бы. Я строителем хочу быть. Вот и вернулся.

— Комсомолец?

— Угу.

— Да, неладно у тебя, хлопец, получилось. А топор умеешь в руках держать?

— Могу, училище в Николаеве закончил.

— Значит, будем Магнитку строить?

— Будем,— и на лице паренька появилась широкая доверчивая улыбка.

Обычно Иван Ефимович старался посылать его на работу в паре с опытными мастерами, чтобы было у кого поучиться. В первый же месяц парень заработал 1 300 рублей. Лопатюка порадовалось, что он не растранил деньги, а купил себе хорошие туфли, свитер. Чувствовалось, что человек набирает силу. Вскоре он поступил в вечернюю школу.

В отпуск они уехали почти одновременно. И вот тогда в первый раз у Ивана Ефимовича мелькнула мысль: вернется ли? Он вспомнил свой первый отпуск. Мать не пускала обратно. Помог отец. «Не слушай, сынок, баб,— говорил он.— Ко-

гда в сорок первом отступали, мне тоже кое-кто говорил — останься, мол, немец все равно Россию займет. А я не остался. И немца разбили, и назад вернулся, и совесть у меня чиста и перед собой и перед народом. Никогда не марай свою совесть, сынок». Немало с тех пор прошло времени, а Лопатюк до сих пор помнит слова отца.

... Лопатюк был искренне рад, когда его юный тезка через месяц вернулся на стройку.

Мечта

Поздний вечер. Иван Ефимович стоит у окна. В квартире тихо. Спят близнецы, спит старший сынишка, прилегла жена. За окном огни нового города. Когда Лопатюк приехал сюда, проспект Строителей не был еще застроен. Там, где его трасса пролегла через пустырь, горели на столбах огни, утверждая будущее.

Иван Ефимович вернулся к столу и принялся за чтение писем. С тех пор как в «Правде» было опубликовано его письмо к демобилизующимся воинам, почтальон стал частым гостем в квартире Лопатюка.

Газету с докладом Никиты Сергеевича Хрущева о разоружении читали всей бригадой. Тотчас же решено было написать письмо в «Правду», выразить свое одобрение решений сессии Верховного Совета и пригласить на стройку воинов, которые будут скоро демобилизованы.

Когда стали поступать письма с солдатским треугольным штампом, Лопатюк подумал: «А что если просто взять в бригаду несколько демобилизованных? Или создать из них отдельную бригаду? И возглавить эту бригаду самому?..»

Ему понравились лаконичные письма сержантов Серебрякова, Цыплакова, Петрова: «Готовы ехать к вам на стройку». Видимо, стоящий народ. «Мы решили поехать к вам и общими силами возводить новые предприятия и осваивать природные богатства Казахстана»,— говорил от имени своих товарищей солдат Николай Палий...

Лопатюк поднялся и снова подошел к окну. Он думал. О чем? Может быть, о том, каким прекрасным городом станет через несколько лет Темир-Тау. Или о том, какую дружную бригаду он создаст из бывших воинов. А может быть, он вспомнил детство, войну и пожелал своим детям, чтобы они никогда не испытали ничего подобного...

Лопатюк мечтал.

Аманжол ШАМКЕНОВ

СПУСТИЛСЯ В ШАХТУ Я ВЧЕРА

Мне дали лампочку друзья.
В костюме рабочего одетый,
Спустился в шахту я вчера.
Тому свидетель песня эта.
Захватывало дух в груди,
В паденье сердце билось еле.
И заливало впереди,
Как солнцем,
Бездну подземелья.
Такое множество огней! —
Труд вдохновенный друга славлю.
Я здесь светящихся людей
Увидел,
Рокотом подавлен.
Знаю, за слово не вини.
«Светящийся» — оно вне спора.
Сюда спустившись,
Ты взгляни .
В глаза лукавые шахтерам.
Пусть лица серые у них,
Но в каждом пламень яркий дышит.
Проникни в глубь пластов земных —
Труда мелодию услышишь!
Ее напев высок, бурлив,
И волен, словно ветер свежий.
Здесь,
Силу сотен рук сплотив,
Как хлеб,
Комбайны уголь режут.
Я,

В сердце гордость заронив,
Припал к истокам вдохновенья.
Безмолвны люди,
Но они
Полны могучего движенья.
Гудит натужно транспортер,
Неся огромными кусками
Земли сокровища.
Шахтер,
Не уроню твое я знамя!
Мне дали лампочку друзья.
В костюме рабочего одетый,
Спустился в шахту я вчера.
Тому свидетель песня эта.

СЕСТРЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

*Посвящая первому секретарю
Саранского горкома КП Казахстана
Елизавете Петровне Зиминной.*

Быть нелегко за многое в ответе.—
День в хлопотных заботах уплывет.
Кусочек солнца в Вашем сердце светит
И, как костер,
Людей к себе зовет.
Вам жить да жить
На полное дыханье,
На зов друзей порывисто спеша.
Сокровищам несчитанным Сарани
Подобна Ваша светлая душа.
Связуют судьбы крепнущие нити,
С людьми по-братски дружбу завязав,
В большом
Лишь могут
Малое увидеть
Глаза хозяйки,
Матери глаза!
Идете Вы дорогою крутою,
Вас тянет Ваш характер в вышину.
Я по-казахски Вас зову
сестрою,
Для новой песни силы почерпнув.

Стоит в степи гигант огромный.
Железа грохот день-деньской.
Здесь, на опорах мощных домны,
Мне повстречался мой герой.
Деля с бригадой ровно славу,
В работе,
Что потяжелей,
С открытым взглядом, худошавый,
Он за собой ведет друзей.
Я на него смотрю влюбленно
Запевом новой песни полн:
Он на Магнитку нашу с Дона
По зову партии пришел.
«Из стали родины отлитый,
Вращенный нами на руках,
Стоять здесь будет,— говорит он,—
Могучий памятник в веках...»
Лучится свет, в душе зажженный,
Из-под густых его бровей.
На монолите из бетона
Стоит герой мой Алексей.

ГОРОД ЮНОСТИ

Про Темир-Тау сколько раз
Читал и слушал я с охотой.
И вот воочью он сейчас
Открыл широкие ворота.
Кто говорит, что нет чудес? —
Я долго-долго помнить буду
Тебя, красавица КАРГЭС —
Земное, правдашнее чудо.
Какой простор, друзья!
С дворцом
Его сравнить, пожалуй, мало...
Ласкает ветерок лицо
Рукой горячей и усталой.
Здесь с механизмом разум слит,
Чтоб всей степи сиять и греться.
Стучит,
О нет!
Вовсю гремит
Железных агрегатов сердце.

Нагрузку полную беря,
Котлы могучей грудью дышат.
Не оттого ли как заря
Здесь отсвет пламени над крышей.
Но, славя эти чудеса,
Я не забыл о том, кто рядом.
Спокойный,
Умные глаза,—
Он всем командует парадом.
Ему не много с виду лет,
Вчера пришел из института.
Спасибо за тепло и свет,
Стоящий у электропульта!

* * *

Растет он ввысь,
Растет он вширь
В степи моей, недавно голой,
Наш новый город-богатырь,
Такой просторный и веселый.
Огнями окон осветив
Необозримое раздолье,
Он стал заслоном на пути
Ветров и перекасти-поля.
К стене стена,
К стене стена —
И вот опять разбег квартала.
Степь неспроста удивлена,
Она такого не видала.
Что ж, и сама еще такой
Ты не была, какою стала.
Сливаясь с хлебной рекой,
Здесь забурлит река металла.
Недаром люди вознесли
По тропам солнце в поднебесье.
Не отрываясь от земли,
Звучит под облаками песня.
Итак, что ж я стою внизу?
Да, высота!
Мутится разум.
С трудом осилив страх, несу
Я радость сердца верхолазам.
Как на подбор ребята здесь.
Любуясь делом рук умелых.
Я встрече рад.

Какая честь
Писать о смелых, крепкотелых.
Здесь все друзья мои.
И я
От них желания не скрою:
Пусть песня новая моя
Роднится с этой высотой.

* * *

Обычай правильный храня,
В горком несем мы наши планы,
Чтоб с вышки нынешнего дня
Увидеть завтра Казахстана.
Нас много нынче собралось,
Мы не спешим уйти обратно.
Большой ученый здесь не гость,
И сам он прост,
И речь понятна.
Не пропустив ни слова,
Мы
На карту смотрим то и дело.
От белых пятен и от тьмы
Избавясь, степь помолодела.
В ней места прежней нет тоске,
Она безлюдной не зовется.
Ведь город солнечный в Арке
В плечах все больше раздается.
И парк и садик молодой
На ароматы не скупятся.
И новостройки с высотой
В соседстве близком жить стремятся.
Здесь шорох шин и стройки гул,
И рокот радостный моторов...
Друг-путник,
Это — не аул,
Весь город обойдешь не скоро.
Остановись на пять минут,
Мы полюбуемся с тобою,
Как города в степи растут,
Став нашей песней и судьбою!

Залман ТАНХИМОВИЧ

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

... Поезд, в котором писатели Алма-Аты уезжали в Караганду, отошел от перрона. И не успели еще скрыться из виду станционные постройки, еще махали, словно расставаясь на долгие годы, провожающие, а диктор голосом металлического оттенка уже предупреждал пассажиров всех, независимо от возраста, склонностей и поведения о штрафах за курение, за сквернословие и прочие нарушения установленного порядка.

«Вплоть до выселения с вагона», — неумолимо грозил он.

И это было не столько смешно, сколько грустно, потому что замечательное средство общения — радио попало в руки человека, хоть и занимающего пост начальника поезда, но, видимо, привыкшего усердствовать вопреки рассудку.

Между тем паровоз словно накручивал на колеса морозный простор, и в вагоне все больше холодало. Кое-кто из нас уже начал с опаской поглядывать на свои ботинки и понемногу завидовать захватившим валенки поэтам Рябухе и Скворцову.

Всего лишь сутки в дороге... и все же некоторые из нетерпеливых сетовали: «Долго, надо бы лететь... четыре часа — и на месте».

Никто в тот момент не вспомнил, что первый пассажирский состав от Алма-Аты до Караганды шел больше недели. И паровозный свисток означал тогда, что состав располагается на ночлег, что можно, чертыхнувшись по адресу строителей, слезать с платформ, выбираться из «классных» вагонов, разводить костры, ужинать и устраиваться спать прямо на траве.

Казалось бы, зачем вспоминать, как тридцать лет тому назад начинали строиться медеплавильный завод возле бухты Бертыс, предприятия Джезказгана, шахты Караганды, Сарани и все, что преобразило Сары-Арку, сделало ее индустриальным краем.

И все же вспоминать прошлое подчас необходимо, оно помогает лучше уяснить настоящее, отчетливее представить будущее.

Первые шахты Сарани—101-я, 104-я, 106-я начали строиться уже после войны. Проходчиков к месту работ возили на танках — ни автомашин, ни автодорог, по которым они могли бы двигаться, в ту пору не было. А танки были, они вернулись с войны. И вот сейчас Сарань, Тентек и Шахан — города с большими уютными домами, удобными квартирами, широкими магистралями, театрами, школами, техникумами.

Через сутки, как выразился потом один из наших поэтов в своих стихах, мы въехали в огни Караганды. Город встретил нас необычной для тех мест теплой погодой, даже с капелью.

Здесь, пожалуй, уместно пояснить: кое-кто из нелитературного мира, узнав про литературный месячник, считал, будто писатели отправились в Центральный Казахстан знакомиться с жизнью. Это и неверно в корне, и принижает писателей. Ибо без знания жизни никто из нас не стал бы писателем вообще.

А вот понять конкретные пути, по каким идет развитие этого богатейшего края, узнать, что волнует сегодня людей, найти среди них будущих героев, увидеть их в шахте, у печей, на строительных лесах, отыскать присущие только им черты характера, понять их мысли, тревоги, пожить теми радостями, которыми живут они, погорчать вместе с ними — вот что нужно было писателям.

Итак о встречах. Любая из них — это пища для хороших, глубоких раздумий о светлых судьбах людей в наше время в нашей стране.

Бывший командир полка прославленной Панфиловской дивизии, теперь писатель и полковник в отставке Баурджан Момыш-Улы, встретился со своим пулеметчиком Алексеем Ивановичем Блохой.

Высокий, широкоплечий и сильный Блоха сидел в президиуме рядом со своим командиром. Его тяжелые руки, руки кузнеца, с волнением перебирали скатерть. Пулеметчик прошел славный жизненный путь. Он до сих пор не расстается с молотом — знатный кузнец славной Караганды.

И когда Баурджан в память о встрече преподнес в подарок пулеметчику большие настольные часы с боем, и они, пока

шло собрание, мелодично здесь же на столе пробили дважды,— это как бы явилось олицетворением прошедшего времени и наступления новой, еще более знаменательной поры для советских людей.

И главное, пожалуй, не в самих встречах с людьми, а в тех хороших раздумьях, которыми они сопровождались.

Когда в институте Карагандагипрошахт ко мне, тяжело опираясь на протез, подошел слегка убеленный сединой человек, я не думал, что нам через минуту придется вместе вспоминать детство. Оказывается, когда-то мы бегали в одну школу, сидели за одной партой. Это было более сорока лет назад в маленьком забайкальском городке Сретенске, даже не городке, а казачьей станице, служившей до революции пересыльным пунктом для политических ссыльных и для всех, кому делом жизни была каторга. Недаром даже села и места возле Сретенска носили мрачные названия: Кара, Усть-Кара, Семь грехов, Гиблое.

И с этим пожилым сейчас человеком, потерявшим ногу на Халхинголе, в боях с японскими самураями, мы когда-то купались в бурной Шилке, с мальчишеским, не знавшим страха любопытством подбирали еще горячие патронные гильзы, оставшиеся после перестрелки между партизанами и карателями атамана Семенова.

И кто знает, если бы не пронеслась над Россией очистительная Октябрьская гроза, не прошумели все последующие события, возможно, идти бы моему однокашнику дорогой своего отца местечкового попрошайки, а мне испытать еще худшую долю, если бы встать на дедовскую стезю — долю забайкальского варнака-конокрада, закончившего свой век в проруби подо льдом Шилки с пудовой гирей на шее... По таким жизненным путям мы могли бы пойти, но не пошли. Передо мной стоял человек, овладевший самой замечательной профессией на свете,— профессией строителя. Четверть века он проектирует и возводит шахты в Караганде.

Когда началась война, и Караганда осталась единственной кочегаркой для Урала, мой сверстник из Забайкалья, опираясь на протез, сутками не отходил от чертежного стола. Здесь был его фронт, здесь тоже шла битва за большой уголь. Нужно было реконструировать шахты, проектировать и строить новые. И их строили. Это были шахты Сарани 104-я, 106-я, 101-я и другие новые шахты Караганды.

А потом, когда кончилась война, настала пора браться за строительство города. Там, где сейчас многоэтажные громадины гордо стоят вдоль солнечных проспектов, темнели неказистые бараки Михайловки, зияли бескрайние пустыри...

Вот, кажется, и все, что следовало сказать и об этой памятной встрече со сверстником, которого когда-то звали Исайкой Глозманом, встрече, оставляющей после себя радость движения жизни.

Небольшое время провели мы в Караганде, но впечатлений от встреч со строителями, шахтерами, металлургами, химиками осталось немало. Главное, мы нашли среди этих замечательных людей героев своих будущих произведений.

Сергей МАРТЬЯНОВ

МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО И ЕСТЬ ГЕРОЙ?

Несколько дней подряд ездил я на шахту в поисках героя. Героя в жизни, который мог бы стать героем литературы. Беседую с начальником шахты, с главным инженером, знакомлюсь с начальником передового участка, наблюдаю, как он проводит «наряд», вместе с ним спускаюсь в лаву... Интересного так много, что разбегаются мысли, пока еще не знаешь, о чем и о ком писать.

И вот — еще одна встреча. В клубе шахты имени Калинина заканчивался литературный вечер. Старшим из наших поэтов, Гали Орманову и Федору Моргуну, горняки преподнесли лампу, самоспасатель и по шахтерской каске. А в заключение вожак бригады коммунистического труда Умертай Сыздыков, немного смущаясь, пригласил писателей к себе в гости. Мы всей компанией направляемся к нему в дом и тоже слегка смущаемся: уж больно много нас нагрянет к нему за семейный стол.

В небольшом уютном доме, стоящем на отлете от поселка, несколько комнат, и в одной из них — накрытый, ожидающий нас стол.

Вскоре от смущения хозяев и гостей не осталось и следа. Уже провозглашаются первые тосты, уже поет по всеобщей просьбе песню Касыма Аманжолова «Дарига» поэт Гафу Каирбеков, уже самый молодой из нас литератор Совхозбек Тогисбаев соревнуется с кем-то на лучшее исполнение русских и украинских песен. Ведутся душевные беседы, звучат пожелания взаимных успехов: писателям — творческих, хозяевам — в их славном шахтерском труде.

А хозяйка — это не только Умертай Сыздыков, но и его друзья по родной шахте. И среди них мое внимание привлек один человек, моложавый на вид, коренастый и плечистый, со

спокойным, задумчивым лицом. Он скромно стоял у дверей и увлеченно прислушивался к разговорам. Во всем его облике чувствовалось что-то необычное, привлекательное, что заставило меня спросить главного инженера шахты Кенеса Сергазина:

— Кто это?

— Шияп Атикенов, посадчик лавы,— ответил он.

Я никогда раньше не слышал об этой горняцкой профессии, и то, что узнал в этот вечер, поразило меня. Не многим читателям известно, что скрывается под этими словами: «посадчик лавы».

В каждой лаве с одной стороны длинного узкого хода идет выработка угля, а с другой — забутовка породой или посадка, смотря по характеру залегания и структуре пласта в горизонте. Это делается для того, чтобы не обрушилась кровля и не произошло катастрофы. На шахте имени Калинина применяется именно посадка, требующая самой опасной, самой смелой профессии — посадчика лавы. Получается как бы отступление комбайнеров и их помощников от пустого выработанного пространства, грозящего обвалом, и прикрытие этого отступления посадчиками, которые сами, не дожидаясь бедствия и подчас рискуя собственной жизнью, «осаживают», т. е. рушат кровлю.

И я представил, себе, как Шияп Атикенов и его друзья по бригаде делают это... Темная, опустевшая лава. Над головой — тысячетонные пласты породы. Единственная надежда — на деревянные крепления (в этой шахте не применяются металлические стойки). Они уже подозрительно потрескивают, уже вот-вот рассыпятся в щепки под неимоверной тяжестью. А ты должен подойти к одному, второму, третьему столбу и срубить их топором под корень, срубить с величайшей осторожностью и тонким расчетом, чтобы «посадить» кровлю и не угодить под увесистую глыбу породы, а то и, упаси бог, под неумолимый обвал. Здесь нужны смелость, крепкие нервы, точный глазомер и особое чутье горняка. Здесь может выдержать только отважное сердце.

Такое сердце — в груди у Шияпа Атикенова, скромного, незаметного на людях человека; но ведь истинное мужество всегда незаметно, не кричит о себе.

— Работаем помаленьку...— говорит он, очевидно, не понимая, почему я привязался к нему со своими расспросами.

— И сколько лет работаете?

— Шестнадцать.

— А были с вами несчастные случаи? — спрашиваю я и тут же понимаю всю наивность моего вопроса.

— Этого не было.

— За все шестнадцать лет?

— Хак,— кивает он и поясняет: — осторожно работаем, смотрим хорошо.

Вот и все. Никаких происшествий. Но именно в этом и состоит искусство посадчика лавы: работать осторожно, смотреть хорошо. И еще я думаю о том, что труд этого человека напоминает подвиг пулеметчика, прикрывающего огнем отступление своих товарищей, или подвиг сапера, взрывающего при отходе частей мост под самым носом противника.

И когда мы уходили из гостей, все крепко пожали твердую верную руку Шияпа — посадчика лавы. Мы шли оживленной толпой на дорогу, где нас ожидал автобус; была уже ночь, и Гали Орманов освещал нам путь ярким лучом шахтерской лампы. И так же ярко горела на копре шахты красная звезда, не потухающая много лет в знак того, что шахта держит первенство по добыче угля. Я смотрел на эту звезду и думал: да, горит она огнем таких же сердец, что и в груди Шияпа. И как же мало, до обидного мало узнал я об этом человеке! Может быть, он и есть настоящий герой моей будущей книжки?

Наш приезд к шахтерам — лишь разведка. Нужно еще приехать, пожить с ними, подышать вместе подземным ветерком вентиляции, почувствовать потрескивание кровли и ощутить ритм их труда.

До свидания, Шияп!

Хамид ЕРГАЛИЕВ

ВОЗВРАТИВШЕМУСЯ ИЗ СТРОЯ

У казаха — ты знаешь, Тлес,—
Есть такая черта одна:
Встретив друга, к нему интерес
Он проявит во всем сполна.

Щедро он его угостит,
О здоровье спросит не раз,
Что печалит того, томит —
Выяснить будет целый час.

Если прибыл издалека,—
Для расспросов и ночь мала.
Знать, черту эту на века
Кочевая нам жизнь дала.

Но и гость не должен молчать!
На любой вопрос дай ответ...
Снова налит в пиалы чай,
Незаметно пришел рассвет...

Вот и ты ко мне заглянул,
Словно к старшему младший брат.
Пыль дорожную с плеч стряхнул,
Сразу видно — былой солдат.

Возвратился теперь домой.
Что ж! Люблю друзей привечать.
Так готовься, товарищ мой,
На вопросы мне отвечать!

Значит, в армии побывал?
Как, сильна она, друг-солдат?
Ты, наверное, лишь слышал,
Что на свете есть медсанбат...

А не снилось тебе порой:
Твой товарищ убит. А ты
Укрываешь его травой,
Ставшей розовой, как цветы?

А не снилось тебе еще:
Грохот вражеских батарей,
Синь холодная детских щек,
Слезы горькие матерей?..

Милый Тлес! Хорош твой удел.
Счастье мирное — доля твоя.
Вот в глаза ты мне поглядел,
Ясной радости не тая.

Я слезу с ресницы смахнул.
Но беседе не видно конца.
Слышишь — дней наших ширится гул,
На работу зовущий бойца.

Что сказал ты своим друзьям,
Собираясь в дорогу, домой?
Звал сюда за собой их, к нам?
Описал Казахстан родной?

Там, на Волге иль на Дону,
Ты в большой расставанья час
Тронул ли, как акын, струну,
Начиная певучий рассказ?

К Казахстанской Магнитке ты
Их сердца умело привлек?
О целинных просторах ты
Рассказал им все то, что мог?

А сказал ли, что есть у нас
Много девушек, да таких,

Что одним лишь сияньем глаз
Вздуроражат парней любых?

Видишь, сколько вопросов я
Задал. Друг, головой не качай.
Прибыл ты в родные края,
Так давай же мне отвечай!

Владимир УКЛЕИН,

доктор технических наук, главный архитектор г. Темир-Тау

РАЗМАХА ШАГИ САЖЕНЫ!

Новгороду, или, как его встарь величали, «Господину Великому Новгороду», столице древнейшего княжества старой Руси, исполнилось недавно тысяча сто лет. Молодой город Темир-Тау только в прошлом году отпраздновал свою пятнадцатую годовщину. Но, вопреки одиннадцативековой разнице в возрасте обоих городов, Темир-Тау за полтора десятка лет перегнал по количеству жителей Великий Новгород и стал одним из крупных промышленных городов Казахстана.

Этот исключительно быстрый рост является характерной особенностью советской экономики и в то же время, пожалуй, самой типичной чертой молодого Темир-Тау. Каждый, кто проживет в нем каких-нибудь два-три года, чувствует себя маститым старожилом и может рассказывать о больших переменах в облике города, свидетелем которых он был за это короткое время.

Канун 1945 года был знаменательной датой в истории Казахстана. В этот день в небольшом степном поселке Самарканде, из которого впоследствии вырос город Темир-Тау, мартеновская печь нового металлургического завода дала первые тонны казахстанской стали. И вот на долю молодого города снова выпала высокая честь — задуть в мае 1960 года первую в республике домну Карагандинского металлургического завода и дать стране первый казахстанский чугун.

В этом большом для Родины значении Темир-Тау кроется иносказательный смысл и самого названия города. Темир-Тау — по-казахски «Железная гора»; так образно назвал народ неисчерпаемый источник металла, вырабатываемого здесь казахскими металлургами.

Когда впервые проезжаешь степными малообжитыми просторами, среди которых лежит Темир-Тау, невольно задаешь себе вопрос: почему именно здесь, в уголке, как будто бы не

отличающемся от тысячи иных мест Казахстана, возник и быстро вырос один из крупнейших промышленных городов республики?

Становление этого города тесно связано с освоением Карагандинского угольного бассейна. Зарождавшаяся в годы первых пятилеток карагандинская кочегарка нуждалась в электроэнергии. Выбор места для строительства электростанции зависел от расположения водохранилища — резервуара воды, необходимой для охлаждения турбин электростанции.

Самым выгодным местом для сооружения искусственного водоема оказалась долина реки Нуры в пятидесяти километрах к северо-западу от Караганды, вблизи степного поселка Самарканда. В то время здесь насчитывалось всего двести жителей. Весной 1939 года воды Нуры, прегражденные плотиной, вышли из берегов и создали водохранилище объемом 200 миллионов кубических метров воды и с водным зеркалом в 7500 гектаров.

Начало было положено. Степь преобразилась. К возникшему водоему потянулись одно за другим промышленные предприятия. В 1945 году на карте Советского Союза появился новый кружок, знаменующий рождение еще одного советского города — Темир-Тау.

.. .

Городу пятнадцать лет. Дети, родившиеся в год переименования поселка Самарканда в город Темир-Тау, ходят еще в школу и делают ошибки в диктантах. Неудивительно, что некоторые «детские болезни» — не что иное, как нормальные явления роста, еще присущи молодому городу. Многие улицы, быть может, не так красивые, не так благоустроены, как нам хотелось бы. Но и сегодняшний Темир-Тау — это уже оживленный культурный город с асфальтированными улицами и площадями, с трамваями и автобусами, с многочисленными кварталами четырех-пятиэтажных домов, с дворцами культуры и клубами, двумя высшими учебными заведениями, несколькими техникумами, десятками общеобразовательных и специальных школ, детских учреждений, больниц, столовых, с домами отдыха и стадионами. С каждым месяцем повышается уровень городского благоустройства. Если в царской России только пятнадцать крупнейших городов имело канализацию, а мощные улицы оставались привилегией центральной части столиц и губернских центров, то в Темир-Тау вот уже пятый год ни один выстроенный дом не принимается в эксплуатацию без водопровода, канализации, центрального отопления и электроснабжения.

По численности населения Темир-Тау находится на грани между средним и большим городом. Пульс городской жизни с каждым месяцем крепнет, становится напряженнее — город явно мужает. И каждый посетивший Темир-Тау чувствует его многообещающее и интересное завтра. Недаром Темир-Тау приобрел всесоюзную известность как город, в котором скоро войдет в строй одна из важнейших строек семилетки, гигант черной металлургии — Казахская Магнитка.

Вместе с заводом все быстрее будет расти город. Достаточно сказать, что за годы семилетки здесь почти удвоится число жителей, будет построено жилья в полтора раза больше, чем сейчас. В наши дни Темир-Тау еще разделен на две части с промежутками в пять километров. Через пять лет обе части сольются — что ни год, то километр застроенного пространства! Ну прямо по Маяковскому:

Я планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.

Каждый год строители будут сдавать более ста тысяч квадратных метров жилой площади. Одновременно, и это, пожалуй, особенно важно, будет повышаться качество жилья. Уже сегодня в Темир-Тау все жилые дома строятся по новым улучшенным проектам. Каждой семье отводится отдельная квартира со всеми видами коммунальных услуг: центральным отоплением, водопроводом, канализацией, электричеством, а через год-два и с газом. Уже в 1960 году началась застройка показательного жилого микрорайона — большого квартала, изолированного от шума и пыли городских улиц. В микрорайоне размещены все здания, необходимые для обслуживания жителей: школы, детские сады и ясли, домовые кухни, магазины, спортплощадки и тихие озелененные места для отдыха.

В понятие «жилье» входят не только квартиры, но и различные общественные здания. Достаточно сказать, что за семилетку будет построено двадцать шесть общеобразовательных школ и около ста детских учреждений. Разнообразна программа строительства объектов культуры и спорта: здесь и большой Дворец культуры металлургов, и Дворец пионеров, Дом техники, общегородской стадион, водная станция, дома отдыха, пионерские лагеря, — всего не перечислишь.

Говоря о городе, нельзя умолчать о его строителях. Велики их задачи, почетен их труд. Они внедряют в практику передовые индустриальные методы. Здания уже не строятся, они — монтируются из изделий, заранее изготовленных на домо-

строительных заводах. Вместо отживающего свой век кирпича на стройку приходят сборный железобетон и крупные стеновые блоки. Лестницы, складывавшиеся ранее из отдельных ступеней, заменяются целыми лестничными маршами, заранее изготовленными на заводах.

Применение прогрессивных конструкций сразу же сказалось на сокращении сроков строительства. Если трехэтажные кирпичные дома в прошлые годы возводились в течение года — полутора лет, то теперь четырехэтажный дом монтируется за месяц. Включая отделочные работы, такие дома полностью заканчиваются за четыре месяца. Если на кирпичных домах трудовые затраты на один кубометр здания составляли 1,8 человеко-дня, то на крупноблочном строительстве они уменьшаются ровно вдвое. А это означает, что при том же количестве рабочих и в те же сроки можно построить два дома вместо одного.

У молодого города большое будущее. Пройдет немного времени, и Темир-Тау будет так же известен в стране, как Магнитогорск и Кузнецк. Город чугуна, город стали, город химии, а самое главное — город хороших советских людей.

Гали ОРМАНОВ

ЧУГУННЫЙ ПИК

Близ облачного покрова,
Едва различает глаз,
На беркута молодого
Похож Нуркен-верхолаз.
Работает без опаски,
Как будто взлетел туда.
И нет на земле казахской
Такого еще гнезда,
Такого стального чуда,
Поставленного на бетон.
Не юрта, не горб верблюда.
Знакомую степь оттуда
По-новому видит он.
Достиг высоты огромной,
Иным — по спине мороз,
А он... он ведь вместе с домной,
Ее поднимая, рос.
Республику преобразая,
Умение и мечту
Товарищам передавая,
Зовет нас на высоту!
И я, в молодежь влюбленный,
В Нуркена, в друзей его,
Наш край, трудом обновленный,
Слаблю от сердца всего.

КАРАГАНДЕ

Я приехал тебя посмотреть,
Я, влекомый давней любовью.

Знаю, память моя, словно клеть,
Перегружена будет новью.

Сколько света в шахтерской судьбе!
Что ни день — вдвойне интересней.
Неспроста я мечтаю тебе
Пригодиться хотя бы песней.

Оттого, что в степной стороне
Раньше только снились дороги,
Облик твой очень дорог мне —
Крупный, прочный, красивый и строгий.

Гордо поднятая голова
Или дом, растущий под небо,—
Каждый скажет: «Похоже — Москва!»
Даже если он в ней и не был.

Ты оценку всему можешь дать —
Углю, судьбам, стихотворенью.
На твою богатырскую статью
Вся эпоха держит равнение.

СПАСИБО, КАЗАХСТАН

В степи, где лишь ковыльные султаны
Шептались с пожелтевшею травой,
Взметнулись в небо башенные краны
И вырос город новый, молодой.
А рядом с ним, характером упорна,
Как наша побеждающая жизнь,
Раздвинув облака, стальная домна
В полете гордом устремилась ввысь.
Ночами звезды говорили с нею,
Стыдливый месяц в гости приходил.
И вот сегодня пламя Прометея
Горит в ее встревоженной груди.
Край нищеты и злых воспоминаний,
Где о нужде казах лишь мог пропеть,
Твои просторы бороздят комбайны,
А города преобразуют степь.
Да, было все и тяжело и трудно,
Но наш народ на подвиги готов:

На картах появился город Рудный,
Кентау, город солнца и садов.
Стихи мои, такой размах и мне бы.
Прошедший день на новый не похож.
Спасибо, Казахстан, что кроме хлеба
Теперь ты свой чугун стране даешь!

Дмитрий РЯБУХА

СТРОИТЕЛЬ

Нет, друзья!
Вы только посмотрите
В наш
Гудящий городами век:
На земле
Потомственный строитель —
Самый
Бесквартирный человек!
Как диктует старая привычка,—
Или в полночь,
Или поутру,
Где-нибудь
У черта на куличках
Ставит он палатку на ветру.
И в краю,
Где испокон доселе
Глушь струила дрему в небеса,
Трудолюб справляет новоселье
На крутых
Строительных лесах.
Он возводит этажи и трубы,
Вяжет бревна в крепкие венцы —
И встают над площадями клубы,
Смотрят в мир веселые дворцы.
И, кажись,
Не хуже, чем в столице,

Тут ему бы жить да поживать,
Но летит он перелетной птицей
Новые широты обживать.

Потому,
Что каждая квартира
Позади, уже заселена —
Там живут каменотесы мира,
Кем рука строителя сильна!

А ему —
Упорнее и злее
Этажи на холоде вершить,
Потому
Что каждому
Теплее
И уютней
Хочется пожить.

Вот зачем
В метельной переключке
У безлюдных сопот
Или рек
Обживает
Чертовы кулички
Этот
Бесквартирный человек.

ДОРОГОЙ НОВОСТРОЕК

Шофер у людной остановки бойко
Стремительный автобус осадил.
Кондуктор объявила:
— «Новостройка»!
Кому сходить —
Пожалуйста,
Сходи!

Дремучий дед щетинится:
— Постой-ка!
Ты что-то, дочь,
Командуешь не так:
Ведь мне нужна
Восьмая «Новостройка»,
А тут уже —
Десятая, никак!

Кругом смеются:
— Ничего, папаша,
Промашка вышла?
Что ж,
Не унывай!
Пушкой десятая,
Но все равно ведь —
Наша,
А если наша —
Смело вылезай!
Старик ворчит,
А мне отрадно вдвое,
Что нас все дальше улица ведет,
И что все больше
Наших «Новостроек»
В моем
Рабочем городе растет!

ВПЕРВЫЕ

Клеть по стволу,
Где тьма черным-черна,
Почти на триста метров опустилась.
Душа зашлась! —
Такая глубина
Мне от рожденья
Даже и не снилась!

Я под землю не был никогда.
Стою,
Смотрю
И слушаю тревожно.
Здесь дождик свой
И ветер —
Ну, тогда
Еще и глубже
Опускаться можно!

А если так,
То страхи все пусты:
Махнув на них отчаянно рукою,
Пешком до лавы
Целых три версты
Я отсчитал по шпалам
Под землю.

И вот он,
Черный угольный забой,
Где от натуги греются моторы,
Где горняки,
Врубаясь в шар земной,
Подземным солнцем
Грузят транспортеры.

Нет,
Я спустился неспроста в забой —
Меня мечта по штрекам провожала,
Чтоб солнце это
Силою земной
В моих стихах
Лучисто засияло!

ЗЕМЛЯКУ

*Посвящается каменщику домен-
строй Казахской Магнитки Ивану
Афанасьевичу Кожухарю.*

Какой ты парень?
Скажем прямо:
Свой! —
Не самый лучший
И не худший самый, —
С хохлацкою лукавой хитрецей
И по-хохлацки стойкий
И упрямый.
Про стойкость эту
Знаю я одно:
Ее не гнут ни выюги,
Ни бураны,
А про упрямство —
Что ж,
Давным-давно
Известно,
Что хохлы ведь
Все упрямы.

За шутку эту, друг, меня прости,
Ты обживал пустынные пространства,
Тебе упрямство помогло в пути,
Так это же
Завидное упрямство!

Ему пласты
Железные нужны,
Чтоб сила силу
Громом всколыхнула!
Вот почему
С донбасской стороны
Тебя
Магнитка наша притянула.

И ты,
В труде по-юношески прост,
Кирпич за кирпичом
Укладываешь в стены,
Чтоб домны
В полный вымахали рост
И дали сталь
Могучие мартены.

Желаю я,
Земляк мой дорогой,
Чтоб в деле был ты
Не последним самым,
Чтоб мужеством
И силой молодой
Был до конца
И стойким
И упрямым!

КАРАГАНДИНСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Лицом чумаз,
Делами скор,
В одежде грубого покроя —
Весь этот город,
Как шахтер,
Что только вышел из забоя.
Ему уже немало лет,
Но он в своем труде бессонен.
Хранят нелегкой жизни след
Его шершавые ладони.
Своей рабочей рукой
Стране он добывает уголь
И строит город молодой
В просторах

На ветру упругом.
Ему тот город не чета:
В нем отражаются зарницы!
Встает он яркий,
Как мечта,—
Громадный,
Звонкий,
Светлолицый!
А старый после
В быль уйдет
И скажет с чувством гражданина:
— Я отработал свой черед,
Но дал взамен
Красавца-сына!

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Ее я видел нынешней зимой.
Поземка снегом стройку заметала,
А домна поднималась над землей
Ажурною громадой из металла.

Кружилась с непривычки голова,
Но я по гулким
Скользким переходам,
От стужи сунув руки в рукава,
На высоту взбирался самоходом.

— Куда ты?! —
Крикнул встречный верхолаз.
— Туда,— кивнул я,—
К вам,
На верхотуру!
— Нельзя, браток,
А то еще как раз
На землю опоздаешь к перекуру.

— Да брось болтать,
Не опоздаю,
Нет!
Но парень стал на лестнице преградой:
— Ты кто такой?..
— Я, видишь ли, поэт.

Мне все увидеть
И пощупать надо.
— Как так!
Живой,
Всамделишный поэт?!
Тем более — слезай отсюда,
Слышишь!
Здесь лед кругом,
Сорвешься —
И привет,
И ничего ты больше не напишешь.

Он свел меня
И радостно вздохнул,
Что спас живьем от гибели поэта,
— Прощай, браток,
Ты б лучше заглянул
Сюда весной,
Или в начале лета.

И вот я нынче на Магнитке снова.
Пуск первой домны.
Море лиц и глаз.
— Ага, поэт,
И ты здесь!
Ну, здорово.
Смотрю —
Стоит знакомый верхолаз.

Он подошел
И улыбнулся скупю,
Пожала руку крепкая рука:
— Глядишь, браток?
Гляди
И даже щупай —
Сработали на совесть,
На века!
Все — честь по чести,
По советским планам.
Вручили труд свой,
Как ладонь в ладонь,
Чтобы в железном сердце Казахстана
Сегодня вспыхнул
Молодой огонь.

Бери, поэт, в натуре эту тему,
Чини скорей свои карандаши —

И нам стихи,
Да что стихи —
Поэму.
Об этом жарком сердце напиши!

Абильмажит ЖУМАБАЕВ

РАХИМА УЗНАЕТ ЖИЗНЬ

I

Нахмутив брови, заложив руки за спину, Ажибай медленно шел по улице родного колхоза. Встречные здоровались со всеми уважаемым трактористом, но Ажибай лишь еле заметным кивком головы отвечал на приветствие. И остановился бы, и поговорил бы со знакомым, как делал всегда, но сегодня — не мог. В каждом взгляде со стороны ему виделся укор: «Как же это ты за дочью не уследил, что случилось?» А вот и случилось, что Рахима исчезла, и даже дома не знают, куда она делась.

В первый день в семье тракториста никто не беспокоился. Мало ли где может задержаться Рахима? Девушка она взрослая, среднюю школу уже окончила. Но на следующее утро Ажибай все-таки послал младшего сынишку Мурата к подруге Рахимы. Мурат вернулся быстро. С испугом глядя на отца, сообщил, что не только подруга, но и никто в ауле с позавчерашнего дня не видел Рахимы. А уже на третий день поползли слухи. Ведь сплетницам только дай поговорить!

Сейчас Ажибай тоже слышит разговор соседок.

— Господи, да куда может деться взрослая девушка на выданье? Уехала с кем-нибудь. Она же последнее время очень уж в город тянулась.

— И, смотри, какая хитрая, скрытная девчонка. Ведь никто ничего такого за ней не замечал.

— А может быть, мачеха сама ее свела с кем-нибудь?

— Отец-то днем и ночью работает, замотался. А эта негодница и отца родного не пожалела.

Очень-очень хотелось крикнуть этим болтуням что-нибудь резкое, но Ажибай сдержался. Рывком открыл дверь в дом, сразу прошел в комнату, где стояла кровать Рахимы. Присел рядом на стул и, взяв к себе на колени подбежавшего Мурата,

задумался. Он попытался вспомнить поведение Рахимы за последнее время.

Месяца полтора назад дочь ездила в Алма-Ату сдавать вступительные экзамены в медицинский институт. Что ж, не всегда сразу удается то, чего сильно желаешь. Рахима не прошла по конкурсу и вернулась домой. Вся семья была огорчена этим. Но больше всех, конечно, переживала Рахима. Однажды она поделилась своими мыслями с отцом.

— Ну что я буду дома торчать? Лучше я поеду куда-нибудь на стройку, хочу жизнь узнать. Отпусти меня.

Ажибай от слова до слова помнит, как он ответил дочери.

— Не будь глупой, дочка. Путь девушки узок. Для твоих рук и у нас работа найдется. Если хочешь трудиться, иди в колхоз. И больше чтоб я не слышал, что ты собираешься уехать в другие края.

Рахима никогда не перечила отцу. Она промолчала. Но отцу ли не знать, что его дочь упряма, как и он сам? И что бы ни говорили болтливые кумушки, отцовское сердце чувствует — не ради баловства ушла Рахима. Но где же она сейчас?

Ажибай, конечно, не мог и предположить, что его Рахима мчалась в поезде, следующем на Казахстанскую Магнитку. Маленький баул — вот и все ее вещи. А в бауле, аккуратно завернутые в целлофан, лежали самые дорогие для девушки документы, — аттестат зрелости об окончании средней школы и направление райкома комсомола на стройку. Рахима впервые отправилась так далеко, до сих пор она никуда, не выезжала дальше Алма-Аты. Ей никогда не приходилось сталкиваться с трудной физической работой, у нее не было никакой специальности. Но было у Рахимы самое главное — неумное и страстное желание посвятить свою молодость такой работе, о которой всю жизнь будешь вспоминать с радостью. Потому она и отправилась глубокой осенью 1956 года на далекую стройку...

Тысячи юношей и девушек, приехавшие с разных концов страны закладывать город в казахской степи, приступили к работе. Среди них много было таких, как Рахима, неприиспособленных к жизни, ничего, по существу, не умеющих делать. Но у них были молодые горячие сердца, одна цель впереди. Нужно таскать кирпичи, рыть землю, разбивать валуны? Пожалуйста! И здесь уже ничто не останавливало молодежь; ни холод, ни дождь, ни ветер.

Ох, как трудно было Рахиме поначалу. Даже сильные парни порой вконец выматывались, долбя кирками и ломом промерзшую, точно железную землю. А что уж говорить о девушке? Руки Рахимы от холода потрескались и почернели, огрубели, покрылись мозолями. Да, очень трудно, было. Но

Рахима и вида не подавала. Иначе нельзя. Ведь никто не заставлял. Значит, нужно все вынести, всему научиться, ко всему привыкнуть...

В середине зимы девушку перевели в бригаду штукатуров. Здесь Рахима приглянулась Лидии Дудиковой — девушке крупного телосложения, с отчаянным характером. А когда узнала, что робкая и скромная Рахима — из Семиречья, то и вовсе привязалась к ней.

— Ты из Семиречья, я тоже оттуда — не один год в Талды-Кургане штукатуром и маляром работала. Значит, теперь ты мне младшей сестрой будешь. Я из тебя штукатурщицу сделаю — во! — и показала поднятый кверху большой палец.

Спустя немного времени, не без громкого спора с комендантом общежития, Лидия перетянула Рахиму жить в свою комнату. С тех пор они не разлучались не только на работе, но и после.

Лидия оказалась толковым учителем. Рахима с каждым днем все лучше узнавала нелегкую профессию строителя. Вначале девушка была очень неуклюжа, раствор толком положить не умела. А потом пришла настоящая сноровка. Теперь после обработки Рахимы дом казался игрушкой. Девчата вместе оштукатурили и покрасили школу, кинотеатр «Восток», многие общежития. Незаметно, казалось бы, Рахима стала одной из лучших работниц. С удивлением друзья и подруги увидели, как из робкой и застенчивой Рахима стала бойкой, напористой и решительной работницей. И они радовались перемене в полюбившейся всем девушке. А Рахиме уже мало было того, чего она достигла. Больше хочется знать, больше уметь. И она уговорила своих самых близких подруг Лидию Дудикову и Любовь Молчанову, приехавшую на стройку из Краснодарского края, поступить на курсы крановщиков...

Высокий преподаватель набрасывает мелом на доске чертеж, попутно рассказывает о частях машины. Некоторые слушатели, попав после холода в теплую комнату, против воли начинают подремывать. Рахима крепится. Но в конце концов усталость и тепло берут свое: комната начинает тихонько покачиваться перед глазами, чертеж постепенно увеличивается и вдруг превращается в огромную стрелу башенного крана. Вот она уже подцепила большой железобетонный блок и плавно понесла его над толпой народа, находящейся далеко внизу.

— Рая, Раечка, — шепчут подруги. — Слушай же!

Рахима встрепенулась, с виноватой поспешностью стала записывать лекцию...

И так бывало часто. Но ни усталость, ни нехватка времени не могли помешать девушкам рыться в технической литерату-

ре, каждую свободную минуту знакомиться с работой крановщиков. А через четыре месяца они уже сами добились права управлять кранами. Еще на одну ступеньку вверх поднялась Рахима. И часто в кабине крана, заставляя работать громоздкую махину, она вспоминала последний серьезный разговор с отцом. Нет, пути у девушек не узкие, а широкие, просторные! Стоит только захотеть.

//

У строящейся первой домны — сердца Магнитки — смонтировали новый башенный кран. Кого послать на него машинистом? Работа здесь трудная, очень ответственная. Управлять краном должен человек с твердой мастерской рукой и наметанным глазом. Ведь придется поднимать крупные стальные детали весом в несколько тонн на высоту тридцать, сорок и даже семьдесят метров, затем опускать их в строго определенное место. И начальство решило послать сюда Рахиму Ажибаеву.

... Рахима в своей кабине. Она осторожно двигает рычагами управления крана, не отрывает глаз от рук бригадира монтажников, знаменитого Григория Болтенко. Молодая крановщица знает, что Болтенко всю жизнь провел на сооружении доменных печей, еще пятнадцатилетним пареньком участвовал в строительстве Магнитогорска. И вот сейчас с его помощью она должна поднять на высоту в тридцать метров пятнадцатитонный ригель, доставить груз на эстакаду бункера. Раздается команда: «Вира!» Большой ригель плавно поднялся и, повернувшись, повис над головами рабочих, находящихся на эстакаде. Потом ригель стал тихо опускаться. Одно неосторожное движение — и можно сбить людей. Но нет, глазомер у крановщицы точен, рука тверда. Груз она поставила точно на место. Бригадир, стоящий далеко внизу, доволен ею, одобрительно машет рукой: «Молодец, дочка»

Домна имени Сорокалетия комсомола поднималась все выше и выше. В честь Первомайского праздника в прошлом году монтажники укрепили на семидесятиметровой высоте красное знамя. Рахима тоже поднялась на самую верхнюю точку домны, где билось по ветру алое полотнище. Да разве могла она не сделать этого? Ведь вся домна построена из конструкций, которые она поднимала своим краном. Чудесный вид открылся ей сверху. Новый рабочий поселок Магнитки, Темир-Тау со своими прямыми улицами, дымящие трубы заводов... И еще раз испытала Рахима радость строителя, радость человека, украшающего землю.

А внизу Рахиму ждала круглолицая рыжеволосая девушка.

— Рая, наша домна скоро даст металл?

— Скоро, Римма, скоро,— и крановщица ласково потрепала девушку по плечу.

Рахима тепло смотрит на Римму. Ее ученица начинает почти так же, как начинала когда-то сама Ажибаева. Сейчас, правда, полегче, чем было раньше, но путь к труду у них почти одинаков. Все успела рассказать Рахиме ее помощница.

В Автономной Удмуртской республике есть небольшой город Глазгов. Там Римма Крылова закончила восемь классов. Она часто получала письма от своей сестры и зятя, которые с самого начала работали на Магнитке. И Римме самой захотелось поработать в степи, пахнувшей полынью, своими глазами увидеть, как на берегу живописного озера рождается завод-гигант. Мать не хотела отпускать ее, боялась, что дочь не сможет жить одна, без присмотра. Но Римма уехала.

И вот теперь Крылова стала помощницей Ажибаевой. И хотя Рахима недалеко по возрасту ушла от Риммы, она стала ей и матерью и наставницей. Все, что знает сама, она передает ученице. Даже старые конспекты, которые вела на курсах крановщиков, не поленилась отыскать и отдала своей новой подруге. А та с глубокой благодарностью внимала каждому слову Рахимы, во всем старалась быть похожей на нее.

Однажды, вернувшись с работы, Ажибаева увидела на своей тумбочке маленькое письмо-треугольничек. Она открыла его и прочла: «Дорогая дочка! Письмо тебе пишет и большой привет посылает Устинья — мать Риммы. Как ты поживаешь, здорова ли, как работа? Я желаю тебе всего самого лучшего. Наша Римма работает у тебя ученицей. Она росла балованной девочкой, руки ее не видели тяжелой работы. Присматривай за ней, помоги выйти в люди, ругай, когда не будет слушаться, но и ласковых слов иногда жалеть не надо. Мы здесь знаем, что ты много своего тепла и знаний отдаешь Римме. Большое спасибо. Говорят в народе: «От хорошего человека — добро повсюду». Это и о тебе сказано. С пожеланием тебе долгой и счастливой жизни. Ваша мать Устинья».

С волнением читала Рахима эти строки. Вот уже и благодарят ее за то, что «в люди выводит» человека. Что может быть выше этой благодарности? И Рахима села писать ответ. Когда уже кончила его, особенно остро вспомнилась своя родина, свой колхоз. Она как бы снова очутилась среди цветущих яблоневых садов, ее опять ласкал упругий горный ветерок. Увидела отца, который уже давно гордится своей дочерью, младшего брата... Потом она представила себя студенткой-медичкой в белоснежном халате, врачом, стоящим возле операционного стола. Перед ней больной, жизнь его в ее руках...

— Рая пойдешь в библиотеку?

Рахима уходит со своей ученицей...

В читальном зале библиотеки, находящейся на восемьдесят первом квартале Комсомольского городка ежедневно можно встретить известную крановщицу Казахстанской Магнитки Рахиму Ажибаеву. Но перед ней уже не техническая литература. Учебники средней школы, книги по медицине — вот что ее интересует. И это понятно: ни на минуту Рахима не забывала о своем желании стать врачом. Она готовится к поступлению в медицинский институт. И разве можно сомневаться, что ее желание обязательно сбудется? Ведь все сбывается у людей трудолюбивых и настойчивых.

Широкого и прямого пути тебе, Рахима!

Михаил БАЛЫКИН

ТЕБЕ ДОВЕРЯЕТ СТРАНА

*Посвящается Марии Осауленко,
знатной строительнице Казахстан-
ской Магнитки.*

Идешь ты в спецовке рабочей,
А в светлое небо трубя,
Родная Магнитка грохочет,
Как друга встречая тебя.
Здесь помнят Марию кварталы,
Знаком ей здесь каждый этаж;
Ты к вечеру будешь усталой,
Но темпов на стройке не сдашь.
Здесь видят окрестные дали,
Где руки Марии пройдут,
Кварталы из солнца и стали
Навстречу счастливым встают.
Веселая дочь Украины,
Живешь ты в казахском краю;
И зрелость иные мужчины
Равняют на юность твою.
Сильна ты друзьями своими,
Руками и сердцем сильна.
Мария (хорошее имя),
Тебе доверяет страна.
Идешь ты в спецовке рабочей,
А в светлое небо трубя,
Родная Магнитка грохочет,
Как друга встречая тебя.

РЕКОРДНЫЕ ЛАВЫ

*Посвящается начальнику перво-
го эксплуатационного участка Кара-
гандинской шахты № 37 Василию
Ивановичу Мершавко.*

Василий Иваныч!
Ты помнишь тот миг
(Шахтеры шли чуточку гордо) —
Цветы
И фанфары,
Газеты
И стих
Рванулись навстречу рекорду.
Вы выдали столько тогда на-гора,
Что слава на полном галопе
Катилась по землям
С горняцким «ура»
До самой до дальней Европы.
Задумались где-то
Коллеги твои —
Хорошие,
Умные чехи.
И там под землю
Ведутся бои,
Там тоже
Имеют успехи.
Однажды с семьею
(Был праздник. Весна.)
Вы свежих газет накупили.
— Чему улыбнулся? —
Спросила жена.
Ты странно ответил:
— Побили.
Как эхо,
В газетной заметке трубя,
Шла с Запада весть об успехе.
Ты, видимо, рад
Что побили тебя
Далекие умные чехи...
Был праздник...
Но ты торопился в забой.
И вот ты шагаешь вдоль штрека.
Здесь пусто сегодня,
Здесь странный покой
Для праздного человека.
Но завтра здесь жизнь

Загрохочет опять,
По рельсам
Помчат вагонетки,
И уголь —
Земная бесценная кладь —
Пойдет на-гора семилетки.
Сегодня здесь пусто.
Кругом тишина.
Лишь где-то
По штреку направо,
Метан выделяя,
Вздыхает она —
Та самая старая лава.
Ты дальше проходишь.
Крутой поворот...
Здесь новая лава готова,
Как новая
Завтра себя поведет?
Быть может, в той лаве
Товарищей ждет
Победа горняцкая снова?
Рабочею дружбой,
Иваныч, ты горд,
Доволен шахтерской судьбою...
Побьем обязательно
Чешский рекорд!
— Побьем! —
Отозвалось в забое.
... Наутро в нарядной.
Шахтеры пришли.
— Читали? —
Спросил ты.
— Читали.
— Добудем победу
Из-под земли?
— Добудем! —
Шахтеры сказали.
... Бригады в забой
Опустились опять.
По рельсам звенят вагонетки.
И уголь —
Земная бесценная кладь —
Идет на-гора семилетки.
Горячая выдалась снова пора.
Грохочет рекордная лава:
Подземным солдатам —

Земное «ура»!
Слава!
Слава!
Слава!
... И снова настал
Тот волнующий миг
(Шахтеры шли чуточку гордо) —
Цветы
И фанфары,
Газеты
И стих
Рванулись навстречу рекорду.
Вы выдали столько опять на-гора,
Что вам в ту минуту
По праву
Далекie чехи
Кричали «ура»,
Врезаясь в новейшую лаву.
В дни ленинской вахты
Я вновь узнаю —
Со всеми я радуюсь тоже, —
Что в Чехословакии —
В дальнем краю
Есть новый рекорд —
Помоложе.
Хочу эту песню
Друзьям-горнякам
Закончить последним
Аккордом:
Нет в мире предела
Подземным путям,
Как нет и предела
Рекордам.

Ануар АЛИМЖАНОВ

ПЕРВЫЕ КАЗАХСКИЕ ДОМЕНЩИКИ

В начале июля 1960 года вступила в строй первая домна на юго-востоке Советского Союза. Воздвигнута она на казахской земле, там, где кончается величественная Сары-Арка и начинаются предгорья Темир-Тау. Чугун казахстанской домны получили заводы Казахстана и братских республик Средней Азии.

Минута за минутой, час за часом, сутки за сутками отдаляют от нас тот миг, когда началась история жизни первой домны. Но сколько бы времени ни прошло, этот день, день рождения первенца, навсегда займет свое место в истории республики, в нашем календаре, как одна из самых знаменательных дат накануне сороковой годовщины Советского Казахстана. Об этом дне еще будут долго вспоминать и много писать. И в каждой статье, в каждом реферате, в каждой очерке, в каждой книге об истории промышленности Казахстана неизменно будут повторяться строки:

«2 июля 1960 года в 18 часов 37 минут по местному времени была задута домна». И в эту же минуту сын старого кочевника из Сары-Арки, инженер-газовщик Шайзат Жылкайдаров - выпускник Уральского политехнического института — начал заполнять первую страницу «Дневника работы доменной печи № 1». А через день, 3-го июля в 15 часов 10 минут местного времени опытный горновод Николай Набиулин и совсем еще юный Мурат Мухамеджанов, приехавший сюда из маленького аула, расположенного в предгорьях Джунгарии в Семиречье, пробрили летку буровой машиной. Озарив цех, разбрасывая искры, плавно и тяжело пошел по канаве первый чугун.

Заглушая грохот машин, по цеху пронеслось громовое ура. В те волнующие минуты мне посчастливилось быть среди людей, давших жизнь первенцу, я видел все — как загружали домну, как задували ее, как был получен первый чугун. И все

же я не в силах передать словами то, что происходило в цехе. Поэтому пусть простят читатели, если встретят в моих строках слишком много восторга и не найдут всего того, о чем нужно было бы написать, рассказывая об этом дне.

Видимо, у каждого человека в жизни бывают минуты, когда волнение и радость, овладев всем существом его, мешают спокойно выбрать для рассказа главный эпизод. Для меня главным было все: и то, что этот гигант родился в моей степи, что это еще один прекрасный плод великой дружбы нашей: ведь строили домну посланцы всех республик. Главным было и то, что не вся первая плавка отправлена на производство, что из нее были отлиты памятные плиты с нежным казахским национальным орнаментом и с надписью: «Казахская ССР. Карагандинский металлургический завод. Первый казахстанский чугун. Июль 1960 г.» На плитах барельеф первой домны. Эти памятные плиты уже навсегда заняли свое место в государственном музее республики.

В те, уже ушедшие в прошлое, дни более ста юношей из казахских аулов — ученики старых и мудрых русских рабочих людей. — сделали свои первые самостоятельные шаги по жизни. Они стали казахскими доменщиками.

Одной из самых беспокойных должностей в пусковые дни была работа первого диспетчера доменного цеха, выпускника Московского института стали Толеубека Хамзина. К нему поступали все сигналы о перебоях и недостатках на том или ином участке. От его быстроты, напористости, решительности зависело многое. И он хорошо справлялся со своей новой должностью.

Не скрою, что я еще больше заволновался, когда увидел среди первых доменщиков моего земляка, одноаульца Мурата Мухамеджанова. В нашем районе, очевидно, никто никогда не думал, что этот загорелый парень с грубоватым открытым лицом и широкой улыбкой станет металлургом, что он первым, проходя испытания перед своими учителями, старыми магнитогорскими рабочими, перед руководителями партии и правительства Казахстана, перед взором сотен строителей, инженеров, перед объективами фото- и киноаппаратов, спокойно и уверенно, пробьет летку и первым увидит, наплывающий из домны чугун.

Мальчишкой он, как и все дети, бегал по кривым улицам аула, затем кончил 9-й класс и ничего не знал, возможно, даже не слышал о горновых и доменщиках. Став шофером, он объездил все колхозы и совхозы своего района, не раз водил машину через крутой и страшный перевал на пути из Андреевки в старинное казахско-русское село Лепсинск, лежащее в одной из широких и глубоких котловин Джунгарских гор,

много раз возил хлеб по безводной дороге от Андреевки до железнодорожной станции Лепсы, прекрасно водил машину по самым трудным дорогам Семиречья, но все же профессия шофера казалось ему не очень привлекательной.

В поисках интересной, увлекательной работы он попал к строителям Казахстанской Магнитки. Но, чтобы стать доменщиком, нужно было ехать еще дальше, и он направился на Магнитогорский металлургический комбинат. Пройдя учебу и практику у опытных доменщиков, Мурат вернулся к окончанию строительства первенца и стал третьим горновым в смене мастера Романова.

— Больше всего мне сейчас хочется, чтобы здесь, со мною рядом, стоял мой учитель из Магнитогорска Иван Иванович Амосов, чтобы он поглядел на мою работу и оценил ее,— взволнованно говорит Мурат. Об этом же, вероятно, думал и его друг, четвертый горновой Саясат Кабдолов, парень, приехавший на стройку из Гурьевской области и проходивший практику вместе с Муратом.

Первый чугун из рук Мурата принял тоже семиреченец, юноша из Нарынкола Махамбет Тикеев. Его жизненный путь пока что так же краток, как и у Мурата. Он стал брызгальщиком разливочных машин. А как преобразился этот обычно спокойный и рассудительный юноша в день пуска, он был неузнаваем.

— Вот, вот он, первый чугун! Он в моих руках! — по-детски кричал Махамбет. Лицо его было бледно от волнения, но в глазах была радость невыразимая, чуть затуманенная слезами. А когда люди начали обнимать, крепко пожимать им руки и поздравлять их с победой, Мурат и Махамбет сразу притихли, растерялись.

— Это не мы, это они, их поздравляйте,— как бы извиняясь, они направляли друзей к старым доменщикам, прибывшим сюда из Череповца, Челябинска, с Урала, которые руководили их работой.

Среди кадровых русских рабочих стоял и прославленный строитель Казахстана, инструктор передовых методов труда Укен Турмагаббетов. Его взгляд то останавливался на огнедышащей летке, то бежал по канаве вслед за льющимся чугуном, затем он долго и с отеческой любовью наблюдал за работой Мурата и Махамбета. Казалось, что он не слышит шума и грохота домны, что он забыл обо всем на свете и погрузился в свои мысли. Его губы чуть заметно шевелились, он говорил сам с собой.

— О чем вы шепчете, Укен-ата? — спрашиваю я.

— Думаю, думаю, сынок. Не знаю даже, как выразить то, о чем я думаю. Сегодня со мной происходит что-то необъясни-

мое... В юности я полтора года работал на бая, чтобы получить маленький плуг, а затем еще полгода, чтобы достать к нему лемех. Вот такой заржавленный лемешочек,— он показывает своими шершавыми, мозолистыми руками.— А как я надрывался из-за него, чуть к аллаху не ушел. А теперь вот свой чугун, свои доменщики, металлурги... Ты видел, сынок, как он идет, наш чугун, медленно, грузно, с могучей силой. А посмотри-ка на этих ребят... Такого еще не бывало за Итжоном,— он качает головой.— Слышишь, слово-то какое—Итжон (собачий хребет). Оно когда-то нагоняло страх,— Укен-ата вытаскивает платочек и вытирает лоб, глаза...

Много страшных былей связано с Итжоном. Здесь от снежных бурь погибали и люди и стада. За Итжоном лежали горы Темир-Тау, названные так не потому, что там было много железа, а потому, что через черные раскаленные и отполированные, как железо, камни не могла проползти даже змея, она погибала. Между Итжоном и Темир-Тау лежала ковильная долина — кусочек Сары-Арки. А в центре долины стояла Шопан шока (сопка чабана). Много веков подряд на вершине сопки жили чабаны, пасшие байские стада. Жизнь и влагу приносила лишь вода неприглядной, тихой и маленькой Нуры, но в этих местах и она называлась Черной Нурой.

Пятнадцать лет назад Укен помогал строить плотину, которая преградила путь Нуре. Образовалось степное море, и на берегу, у подножья горы, вместо маленького аула Самарканд вырос город казахских сталеваров, названный именем горы. Укен был одним из строителей этого города. Тогда же мартены дали первую казахстанскую сталь. Укен своими глазами видел, как это происходило...

С тех пор прошло всего лишь пятнадцать лет, а здесь уже получен первый чугун. Появился еще один новый город, а тот стал называться «старым». Сопка чабана покрылась саженцами—теперь здесь новый парк казахских металлургов.

Такова история края, таковы дела наших современников, обновляющих землю. И, видимо, обо всем этом хотел рассказать Укен-ата. Но он не смог, разволновался...

Солнце уже стояло низко над Итжоном, когда Укен-ата вместе со своей большой семьей возвращался домой. Он спешил встретить сына, который должен был приехать из Алматы сегодня, чтобы здесь, в цехе первой домны, пройти практику и стать металлургом. А в кармане пиджака Укен-ата нес бесценную реликвию, память о первом дне жизни первой домны на казахской земле — кусочек чугуна, взятый им у доменщика из Семиречья Махамбета.

Алексей БРАГИН

ВЕРХОЛАЗ

Чуть светятся рельсы
Рассветной порой.
Трамвайные рейсы
Ведут в Доменстрой...

Снега побледнели,
Темнеет шоссе.
И вот ты у цели,
У цели, как все.

Шагай от стоянки,
Ведь холод жесток.
Платки и ушанки
Сомкнулись в поток.

Рассветной порою
Под выстук шагов
Ищу я героя,
Героя стихов.

В потоке неспящем,
Воспетом не раз,
Найдется ли сразу
Смельчак верхолаз?

Коротким был поиск
Надежных примет:
На стеганку пояса
Монтажный надет.

Он шит не из кожи,
Он звоном хорош.
На цепь не похож он,
И все же похож.

Железные звенья
Спускаются с плеч.
Такое сцепленье
Попробуй рассечь!

Строители Братска
И домен страны
В железное братство
Соединены.

Наш пояс монтажный —
Порука колец!
... На домне отважный
Работал юнец.

Он, школьник вчерашний,
За год возмужал,
Для доменной башни
Крепил он металл.

В степные метели
Свой страх превозмог.
Огонь Прометея
На домне зажег.

И мок он до нитки,
И мерз до костей
Во имя Магнитки
Казахских степей...

К просторам над степью,
К лесам заводским
Прикован не цепью,
А сердцем своим.

ДРУГ МОЛОДЫХ

*Знатному строителю Темир-Тау
товарищу Турмагамбетову, делегату
X съезда Компартии Казахстана.*

Дает степям и сталь и свет
Железная гора.
Наш город юн. Пятнадцать лет,

Рассветная пора!
Но есть у нас и аксакал,
Почтенный старожил.
Я с ним кирпичный чай пивал,
Работал и дружил.
Он строил домну и мартен,
И школы, и дворец.
Его зовут ата-Укен,
Зовут Укен-отец.
Так вот, когда был выпит чай
И сын Булат уснул,
Укен не то чтоб невзначай,
Но с хитрецей мигнул:
— Сядь, дочка, за рояль! — Мельком
Ловлю смущенный взгляд.
Прилежно пальцы и легко
По клавишам летят.
Как будто десять быстрых птиц
Под облака взвились,
Как будто сорок небылиц
В мгновение сбылись.
Нет, не бряцающий кимвал —
Душевной сказки клад!
И с гордостью отец кивал
Игре волшебной в лад.
И я растроган был игрой,
Но захотелось мне
Понять, зачем камча с домброй
Висели на стене,
Они преодолели даль
Пространства и времен.
И в сущности с домброй рояль
Судьбой соединен.
Домбра, — она для старика!
С тех пор, когда был юн,
Привыкла сильная рука
Касаться слабых струн.
В ней — степь, в ней — перезвон ручья...
Висит домбра, висит камча...
Витые узкие жгуты,
Воловья сыромаять.
Для удальства и красоты
С чеканкой рукоять.
Гляжу в упор я на камчу.
Укен молчит.
И я .молчу.

— Да, мне пора.
— Постой, куда ж?
— Спешу я на завод.
И он уходит в свой гараж,
Потом меня зовет.
Мы к домне едем, на восток.
Поземка все сильней.
Навстречу нам машин поток
И... никаких коней.
Край неба здесь и ночью ал,
Огни вокруг, огни.
Укен сказал мне:
— Кочевал
Я здесь в былые дни.
Я поглядел на старика,
И он поведал мне,
Что весь простор Сары-Арка
Объехал на коне.
Он вволю испытал невзгод,
Испил он горя всласть.
Но он пришел в тридцатый год
К тебе, рабочий класс!
Он без домбры и без камчи
Работал молотком...
... Билет ударника вручил
Укenu постройком.
Он первый был в большой семье
Строительных бригад.
Его запомнили Семей,
Балхаш и Коунрад.
И той хорошею порою
Вновь подружил Укен с домброй,
И в глыбах коунрадских руд,
В металле Балхаша
Свой честный узнавала труд
Рабочая душа.
Когда закат большой войной
Был грозно озарен,
Спешил, прихвачен сединой,
На Темир-Тау он.
Спешил на помощь молодым
Их старший друг Укен.
И вился трудной стройки дым
Над кладкой первых стен.
... Так я с Укеном к домне мчу
И помяну добром

Витую гибкую камчу,
Домбру и клавиш гром.
Трудов Укена и забот,
Учеников — не счесть!
Ему и новый наш завод
Воздаст по праву честь!
Пусть в домне плавится чугун,
Мартены варят сталь.
Пускай Укен коснется струн,
Дочь сядет за рояль.
Я и камчу приберегу
К счастливому концу.
С ней надо ехать на байгу
Джигиту-молодцу.
Народным праздникам у нас
Дорога широка...
... Зажег огни рабочий класс
В степях Сары-Арка!

Иван ЩЕГОЛИХИН

„БУРЕВЕСТНИК“ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

Днем мы побывали на строительстве домны, видели бетонные русла, по которым скоро ринется огненно-белым потоком первый казахстанский чугун, забирались по лестничным переходам к гигантскому, под облака, куполу домны, говорили с рабочими — молодыми ребятами, смелыми, в ладно подпоясанных телогрейках с цепями через оба плеча. Непривычный для алма-атинского жителя размах стройки, гигантский индустриальный пейзаж производили огромное впечатление, и даже прозаики начали рифмовать слова «монтажные» и «отважные».

А вечером мы получили пригласительные билеты с программой, в которой значилось: «Народный театр строителей Казахстанской Магнитки «Буревестник».

Наступают зимние сумерки. За городом, в стороне от 115-го квартала, за ледяным полем катка с хоккейными воротами, виден массивный силуэт клуба строителей. Там и должно состояться представление. За клубом догорает неяркий зимний закат, быстро темнеет морозное степное небо. Видно, как по дороге, да и прямо через каток движутся в сумерках вереницы людей. До клуба идти неблизко. В нем, как в добром городском театре, семьсот мест, которые не так-то просто заполнить в обычный, рабочий день. Но тем не менее зал сегодня переполнен. Чувствуется ожидание чего-то нового, хорошего. Оправдаются ли ожидания зрителей?

Сегодня первое представление «Буревестника», идет пьеса Бориса Горбатова «Юность отцов».

История создания народного театра на Казахстанской Магнитке простая и короткая. Ровно год назад февральским днем из Карагандинского областного театра прибыл работать на Магнитку режиссер Олег Михайлович Перхин. Он собрал кружок художественной самодеятельности, и вскоре строите-

ли увидели первую постановку — пьесу Валентина Катаева «День отдыха». Одна за другой прошли другие премьеры: пьеса Игоря Луковского «Хорошие знакомые», одноактная пьеса карагандинского писателя Николая Пичугина «Конец управдома», детская постановка И. Дила «Волшебный огонек». Репетиции проводились непременно по три раза в неделю.

— С такими ребятами хорошо, легко работать, — любит повторять режиссер Перхин. — У всех большой интерес к творчеству, никого не приходится принуждать.

Когда однажды разыгралась пурга, и Олег Михайлович, человек уже немолодой, не рискнул пойти в клуб через свистящую темень пустыря, полагая, что никто из кружковцев не явится на репетицию, ему приятно было узнать, что он ошибся в своем предположении. Оказалось, что на репетицию собрались почти все, несмотря на непогоду. Постепенно сложился дружный, творчески ищущий коллектив молодых актеров. В один из памятных дней сыграли в клубе свадьбу электрика Доменстроля Людмилы Красноперовой и шамотчика Коксохимстроля Владимира Кузнецова. Режиссеру на этой свадьбе довелось быть посаженным отцом.

В ноябре прошлого года был объявлен творческий конкурс, на который откликнулись почти девяносто любителей театрального искусства, желающих играть на сцене. В труппу было принято сорок шесть человек, и коллектив стал официально именоваться Народным театром строителей Казахстанской Магнитки.

И вот первое представление... 1942 год. Война. В прифронтовой полосе полковник Рябинин рассказывает девушкам о своей боевой молодости, о комсомольцах революции. Его рассказ и составляет содержание пьесы. В зале слышится то одобрительный смех, то наступает тишина. И как-то все забывают, что веселого Ефимчика играет учащийся строительного училища Марк Антонов и что обаятельный образ Наташи, дочери врача Логинова, создала Светлана Сивко, инженер завода железобетонных изделий, что темпераментного комсомольского вожака Антона с подъемом исполняет слесарь Юрий Федотовский, а юную Марусю, страдающую в тюрьме от страха за себя и за своего любимого, хорошо играет маляр Отделстроля Роза Кошлакова. Днем каждый из них трудился на Магнитке по своей основной профессии, а вечером, наскоро поужинав, они прибежали сюда, в клуб, чтобы успеть переодеться и загримироваться. А Светлана Пенькова была так занята на работе, что появилась за кулисами буквально за пять минут до начала спектакля.

У нас уже стали привычными сообщения о том, что роль

такую-то сыграл электросварщик такой-то. Но когда собственными глазами видишь, как взволнованно и тонко он передает человеческие переживания, трудно удержаться от искреннего восхищения.

Беден пока что реквизит театра. Вместо декораций — кулисы и однотонная драпировка. Адьютанту полковника Рябинина не нашлось подходящей фуражки, и ему пришлось прикладывать руку к «пустой», по солдатскому выражению, голове. Самим участникам спектакля, уже загримированным к выходу, приходится переносить и устанавливать декорации, самим выполнять всю техническую работу на сцене, самим «соображать», где бы раздобыть гвоздей и денег на покупку, например, воблы, и не бутафорской, а настоящей, потому что ее предстоит есть по ходу действия. Весьма скромно оформлен был первый спектакль, но можно надеяться, что в недалеком будущем театр разбогатеет. Молодой театр не отказывается и от подарков «богатых друзей». Приезжал как-то на гастроли в Темир-Тау московский театр «Современник». Он подарил «Буревестнику» четыре осветителя «Юпитер».

Когда в эпилоге в глубине сцены видишь озаренных красным светом революции комсомольцев тех лет, а у рампы — комсомольцев уже второго поколения, времен Отечественной войны, то невольно подумаешь и о третьем поколении, о комсомольцах семилетки, которые сидят в зале и играют на сцене. Им под силу многое — строить заводы и шахты и одновременно творить, передавать глубокие человеческие переживания. Им под силу в равной степени индустриальное и эстетическое.

Сейчас народный театр Казахстанской Магнитки начал работать с местным автором, тоже строителем Магнитки, Львом Федоровым. Он написал пьесу с примечательным названием: «Я знаю, город будет». Пьеса должна быть интересной вдвойне именно потому, что создается по свежим следам событий и потому, что герои, скромные рабочие, будут видеть на сцене свой труд опозэтизированным, романтическим.

Бурное строительство Казахстанской Магнитки — это вестник новых невиданных трудовых свершений. Вот почему молодой коллектив народного театра назвал свое детище гордым именем «Буревестник». И верится, что о славной юности сидящих в зале и творящих на сцене поэты сложат песни, а драматурги напишут новые пьесы.

Пожелаем молодому «Буревестнику» крепких крыльев и высокого полета.

Шерхан МУРТАЗАЕВ

МАЛЬЧИК ИЗ ДОЛИНЫ ДЖУВАЛЫ

Еламан родился среди гор. Громадные и хмурые, с вечно снежными вершинами, горы поднимались сразу за порогом дома, окружали аул.

В глубоких горных ущельях начинала свой путь бурная, белая от пены река Аксай. Она гудела в ущельях, с шумом срывалась с утесов. А на окраине аула река крутила жернова низенькой мельницы старика Сагимбека.

Здесь, в горах, родился отец Еламана — Байгазы, его деды и прадеды. Горы Ала-Тау и Кара-Тау, хребты Нулан, Жабалы, Куркуреу-су отгораживали долину Джувалы от всего мира. И вряд ли деды и прадеды пересекали границы своего края: они считали, что весь мир — это и есть окруженная горами их родная долина, именно здесь небесный купол опирается на горные вершины.

Предание рассказывает, что знаменитый Асан-кайгы, объездивший весь свет в поисках земли изобилия и счастья, побывал в Джувалах и сказал, что долину, где земля плодородная, снега обильные, травы густые, оценит лишь землепашец.

Асан-кайгы уехал. А прадеды Еламана остались жить в Джувалах. Засевали небольшие клочки земли, пасли скот. Однообразно, в тяготах и повседневных заботах о хлебе на самом протекало время. Некогда было думать о других краях, о другой жизни.

Еламан знает об этом по рассказам. Он родился в Джувалах, обновленных революцией. И он первый из аула перешагнул древние горы, вышел в большой мир.

* * *

Еламан делал свои первые трудовые шаги, когда началась Отечественная война. Хлеборобы и скотоводы аула «Сталин жолы» брали в руки оружие, уезжали на фронт. Их заменяли подростки. Еламан стал колхозным кузнецом. Кузница была ветхая, с кучами железного хлама по углам, с закопченным потолком, с которого свешивалась мохнатая паутина. В центре стояла тяжелая наковальня. Вместе с Еламаном работал его сверстник Турсынбек.

Турсынбек раздувал горн мехами из бычьей кожи. Мигающий красный огонек горна начинал плясать пламенем, раскаляя сталь. Еламан щипцами выхватывал куски стали из горна и клал на наковальню. Турсынбек бил по нему тяжелым молотом. Раскаленная, мягкая, как тесто, сталь принимала нужную форму.

Мальчики, заменившие старших братьев, старались, чтобы колхоз не ощущал перемен в кузнице. Они ремонтировали плуги, ковали лемеха, затягивали шины на колесах телег. Даже требовательный колхозный конюх, аксакал Каратока, заказывал им подковы для коней.

Мир дедов заканчивался долиной Джувалы. Еламан гордился своей Родиной, раскинувшейся от бушующей Балтики до горных вершин Алтая, от Кавказа до Чукотки. Он внимательно следил за ожесточенной битвой. И как он радовался, когда на подступах к Москве враг получил смертельный удар и откатился, истекая кровью.

Еламану стало тесно среди гор. Душа рвалась за снежные утесы, где была большая Родина, большая и неведомая жизнь. И молодой сокол вылетел из гнезда.

Еламана провожал весь аул. Даже аксакал Каратока оставил лошадей и приехал, чтобы пожелать ему счастливого пути.

* * *

Шла весна. С группой юношей-казахов Еламан уехал на Урал, чтобы стать одним из первых казахских металлургов.

Урал! Кладовая несметных полезных ископаемых. Еще два с половиной века назад Урал первым варил сталь для Российского государства. Именно здесь, на Урале, по приказу Петра Первого в начале XVIII века были построены Невьянский, Каменский, Алапаевский и другие металлургические заводы. А в период войны России со шведами они уже делали для русской армии сотни пушек.

Седой Урал поразил Еламана. Он с удивлением смотрел

на гигантские заводы, на устремленные ввысь, словно вершины Ала-Ату, дымящиеся трубы. Клубы дыма напоминали облака на вершинах далеких гор.

Очарованный, шел Еламан по заводу. Все казалось чудом. Дышат огнем, гудят железные громады. Старый металлург Решетников, которому поручили учить Еламана мастерству варить сталь, показал на них и сказал просто:

— Познакомься, это мартеновские печи. В них варят сталь.

— Мартеновские печи,— повторил Еламан. И невольно вспомнил ветхую кузницу в родном ауле. Даже немножко страшно подходить к печи. Но около нее работали люди с длинными металлическими шестами, похожими на куруки, какими ловят коней.

— Надень,— Решетников протянул Еламану синие очки.

— Зачем они мне?

— Сейчас увидишь.

Решетников отвел Еламана в сторону и сказал стоящим у печи:

— Летку!

— Летку,— опять повторил Еламан новое слово.

Рабочие открыли дверцу в печи, и в ковш полился огненный поток. Лился огонь. Глаза пришлось закрыть ладонью. На него нельзя было смотреть без очков. Поток ярко вспыхивал, потом затухал, переливаясь то желтым, то голубым цветом, точно шелковый ковер. Огонь клочкотал, наполняя ковш до самых краев.

— Это что, сталь? — спросил Еламан у Решетникова.— Ой, как много!

— Сталь,— ответил мастер, поглаживая усы.— Много, говоришь? А знаешь, где она применяется?

— Знаю! Как не знать? — обиделся Еламан.— Сам ковал из нее лемеха, топоры.

Обычно смурый, мастер улыбнулся, вокруг глаз собрались глубокие складки.

— Ты не сердись. Стали нужно много. Из нашей стали делают пушки и танки, которые громят фашистов. И ты будешь варить ее, когда изучишь все,— Решетников рукой показал на цех.

Изучишь все! Сердце тревожно забилось. И это должен сделать он, колхозный кузнец. Вместо лопат и кетменей или ключа к огромному замку зернового склада создавать огненные реки.

Говорят, что первое впечатление всегда самое сильное. Нелегко повелевать раскаленным металлом, но он обязательно научится, как бы ни было трудно. Здесь, у мартеновской

печи, подбадриваемый мастером, Еламан словно обрел крылья, почувствовал себя повзрослевшим.

Мир расширился.

С группой молодых металлургов в 1944 году Еламан прибыл к месту назначения. Вокруг пустыня. Лишь вдалеке виднелись приземистые домики и одинокая труба. Кто-то сказал:

— Вон Самарканд.

— А вон минарет Аксак-Темира,— поддержал шутку другой. Они остановились в маленьком ауле, неизвестно почему названном Самаркандом. Рядом возвышался не знаменитый минарет Аксак-Темира, а труба мартеновской печи строящегося Казахского металлургического завода.

Стоял июнь. Степь Арка расцвела во всем своем великолепии, шелестела густыми травами. Серебристый ковыль кланялся, будто приглашая: «Добро пожаловать, человек, если ты несешь счастье».

Еламан ушел за аул и лег на траву, с жадностью вдыхая пряный аромат степной полыни. Ему было грустно. Грусть навевала тишина. После кипучего и шумного Урала здесь было особенно пустынно и сиротливо. Вспомнил аул. И потянуло домой. «А что если уехать»,— подумал Еламан. Но принять решения не успел. Здесь, за аулом, Еламана и его спутников нашел представитель завода.

— Вставайте, товарищи сталевары,— позвал он,— пора за дело браться.

А дело было большое. Молодые сталевары шли на вахту у мартеновских печей Казахского металлургического завода.

— Домой захотелось,— думал Еламан, покачивая головой.— А ведь старый уральский мастер наказывал:

— Ты, Еламан, стал сталеваром. Нам нужно много стали, чтобы добить врага. После победы ее потребуется еще больше. Теперь сталь будет давать и твоя республика. Ты станешь ее варить. Смотри!

Проходя ворота завода, Еламан вновь очень ясно услышал сказанное уральским учителем: «Смотри»! Ответственность возбуждала и ободряла. Ребячеством показались и тоска по дому, и мысли об отъезде в родной аул.

Это было тогда, когда Даку Абдиев и Укен Турмагамбетов, ставшие позднее прославленными сталеварами, еще строили новые цеха завода. Их имена часто встречались в газетах. Поэты слагали о них поэмы. О каждом новом производственном успехе — новом доме, новой мартеновской печи — говорилось, как о победе над врагом. И это были действительно победы.

* * *

Закончена первая вахта, Еламан самостоятельно сварил первую сталь в мартеновской печи Казахского металлургического завода. Домой возвращался усталым, но довольным.

На листе у ворот прочитал:

Я знаю —
 город
 будет,
Я знаю —
 саду цвести,
Когда
 такие люди
В стране
 в советской есть!

Несколько раз повторил эти строки, выучил наизусть. Перед глазами встал шумный, оживленный город в горах Урала. И вместо низеньких, ветхих домишек Самарканда увидел молодой цветущий город, озаренный ярким пламенем мартенов.

Прогудел паровоз. Прогромыхал поезд, увозивший сталь. В нем была и та сталь, которую только что сварил молодой металлург. Грозным оружием обрушится она на врага.

Еламан шел и повторял строки стихотворения:

— Я знаю — город будет...

Выдана очередная плавка. Мартеновская печь опустела, но по-прежнему дышит жаром. Заботливо и внимательно осматривает ее Еламан — все ли в исправности. Приходится спешить: нельзя допустить, чтобы печь остыла, иначе придется долго разогревать.

Но все в порядке. Еламан машет рукой. Длинношей кран подносит железо и загружает печь. Еще и еще...

В печь загружено несколько сот тонн железа. Чтобы расплавить его, а затем сварить сталь, нужно восемь часов. «Но за восемь часов сварит каждый сталевар. А нельзя ли сварить за шесть часов? — размышляет Еламан. — Пожалуй, можно. Но какая получится сталь? Стране нужна только высококачественная».

Еламан опустил на глаза синие очки, пристально смотрит в «окошко». Вот куски железа покраснели, потом подернулись синевой, начали плавиться. Опытный сталевар простым глазом определит, как идет плавка. Еламан же хочет ускорить процесс. Здесь нужна особая точность. Надо точно знать температуру, точно подавать воздух. Только точно, иначе печь не выдержит — разорвется, а кипящий металл ринется лавиной, сметая все на своем пути.

Еламан в будке регулирует работу печи, ускоряя плавку. Кипящая сталь, точно живая, клокочет и мечется, не находя выхода. Но вот она затихает, поверхность покрывается рябью. Плавка закончена.

— Летку! — командует Еламан. Кажется, совсем недавно он впервые услышал это слово от уральского сталевара, а теперь сам повелевает огненным потоком. Люди у печи услышали команду и невольно посмотрели на часы: сталь сварена на два часа раньше положенного времени!

Летка открыта. Разбрызгивая искры, ринулся расплавленный стальной поток, словно салютуя трудовой победе.

Еламан вытер пот с лица, достал из бокового кармана папироску. Он гордился одержанной победой!

* * *

В июле 1958 года в Темир-Тау пришла радостная весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР за достигнутые успехи в развитии черной металлургии сталевару Казахского металлургического завода Байгазиеву Еламану было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Героя Еламана приветствовали рабочие завода. Поздравить с высоким званием пришли мастера-металлурги Алтынбек Дарибаев, Ганабай Каримов, сталевары Кошкинбай Берикбаев, Жакан Инкарбаев, Магу Ибраев, директор завода Дюмин и многие, многие товарищи по цеху, по заводу — товарищи по труду. Пришло приветствие из далекой Джувалинской долины. Его прислал друг юности, бывший кузнец, а ныне учитель Турсынбек Сыдыгалиев.

Высокое звание Героя! Душа ликует! Заиграли плясовую. Еламан не заставил собравшихся друзей долго упрашивать себя. Он вышел в круг.

Это ведь от счастья! А счастье что птица: сколько ни проси и не умоляй, оно само не придет в руки. Его счастье добыто большим и упорным трудом. Оно пришло в поисках и борьбе. Это самое большое счастье.

На предприятиях страны разворачивалось соревнование за звание бригад коммунистического труда. Секретарь парторганизации Кретов спросил Еламана — думает ли он включиться в это соревнование. Еламан ответил прямо: да, он готов бороться за почетное звание.

— Готов ли? — повторил секретарь свой вопрос.

— Конечно, готов.

- А как с образованием, учебой?
- Знаний маловато... Буду учиться!

И теперь вечерами Еламан вместе с дочкой, ученицей третьего класса, садился за учебники.

Учеба давалась с трудом, ведь он давно простился со школьной партией. Надо все внимание уделить алгебре, а голова занята заботами о производстве: он обещал, может и должен дать сверх плана тысячу тонн стали.

Тысячу тонн стали сверх плана! Обязательство выполняется неплохо. Может быть, сталь, сваренная им, Еламаном, идет сейчас на строительство электростанции в родной долине у подножья Ала-Тау, на бурной речке Аксай. Электростанция сооружается там, где стояла маленькая мельница аксакала Сагимбека.

В труде, в гуле мартеновской печи — смысл жизни Еламана. Он в движении железнодорожных составов, груженных сваренной им сталью. Он в строительстве электростанции, в сигналах искусственных спутников, которые тоже сделаны из стали.

Смысл его жизни — труд во имя коммунизма.

Николай ДУШКИН

КРЫЛАТОМУ ДАН ПОЛЕТ

Крановице Казахстанской Магнитки Марии Лысенко.

Аист с белой хаты
Полету учил птенцов...
С тревогою
Ридна маты
Закрывала дверь на засов...
Чудная!..
Уж так от века:
Крылатому —
Дан полет,
И стены для человека —
Что рекам весенним лед.
Рожденная быть счастливой,
На гордость всего села
У паводка —
Ширь разлива,
У птицы ты —
Высь взяла.
Пьянящую свежесть вишен
К Нуре привезла с собой...
Взметнулась ты птицы выше,—
Легли под твоей стрелой
Метельная синь простора,
Сияющих люстр хрусталь...
Из первых мартенов скоро
К ногам твоим хлынет сталь.
Марийка!
У хлопцев зависть
Рождают твои дела!..
Покинувший крышу аист
Под тучей похож на орла!

Слав СТОЯНОВ-МАКЕДОНСКИЙ

ВТОРАЯ ДОМНА

Звенят телефоны в вечернем тумане.
Газетчикам слово — как россыпь старателям:
«Мы домну вторую растим в Казахстане!
Почет ее умным, упорным создателям!»

Вот парень-монтажник в нетающем дыме.
Высок и кудряв он, глаза темнокарие.
— Эй, юноша! Слышишь? Как твое имя?
— Стоян Семеонов.
Другарь из Болгарии.

В блок-нот записали.
Ушли, рассуждая,
Друг другу с волнением что-то доказывая:
— Старательный хлопец.
Душа в нем живая,
Потомок он Ботева, может быть, Вазова.

Верстается набранный номер газеты.
Звенит телефон,
Голос в шуме чуть слышится.
Редактор кричит, как с соседней планеты:
Как? С «е» или с «и» Семеоновы пишутся?

А стройка гудит водопадом иль штормом.
Играет река молодая, бетонная...
Уже различима фундамента форма —
Ничем не рушимая, тысячетонная.

А ветер отточенным лезвием режет...
Но страшен ли ветер, все нормы взрывающим

И домну вторую средь диких безбрежий
Своим беззаветным трудом воздвигающим?

Здесь дни вдохновенны и ночи бессонны.
Бетон и железо навеки братаются.
В мечтах у строителей контуры домны
На небе широком уже намечаются.

Темнеет.
Денек отбурлил постепенно.
Морозец.
Дорога по-зимнему скользкая.
Но строят за сменой новая смена
Могучую домну,
Она Комсомольская.
Монтажник идет, о котором звонили
Редакции: с «е» величать его с «и» ли?
На стройку дневная ушла его сила.
Он имя свое позабыл и фамилию.
Из сотен имен он одно помнит: домна!
Фамилию знает одну: Казахстанская!
И верьте мне:
Счастье у парня огромно,
Завидное счастье,
Рабоче-крестьянское.

ДЫМ

Здесь от лета до лета,
До времени гроз
На ветру и на стуже ведется работа.
И лютует всю воевода-мороз,
Замораживая наши капельки пота. .

Рот откроешь,
А пар вылетает как дым,
И сплетает узоры немислимых кружев.
Самый юный покажется людям седым,
Это иней его сделал белым на стуже.

Я средь нас силачей вроде не замечал,
И никто исполином из нас будто не был...
Как же мы покорили бетон и металл,
И трубу взгромоздили в морозное небо?

ТЭЦ дала первый ток!
Дым достиг высоты,
Где так чисто и ясно созвездий сиянье.
В этом дыме — волнения, думы, мечты,
Радость наша
И теплое наше дыханье.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Лишь новорожденный откроет рот,
То, говорят, судьбу ему ворожит
Гадальщик,
Маг
Иль мудрый звездочет,
Что, кстати говоря, одно и то же.
А мне?
Не звездочет, не маг,
А человек
С сияющими карими глазами,
Частицу ясности мне дав,
Сказал:
— Весь век иди прямыми
Трудными путями,
Будь смелым,
Сильным,
С козностью борись
И, в будущее двери открывая,
Не бога призывай,
А коммунизм.
В нем счастье всех,
В нем бьется мысль живая.
За всех людей
Душой своей болей,—
Будь то болгары, негры иль поляки...
И над землею бескорыстно взвей
Ты сердце,
Как неугасимый факел!
Немало дней прошло уже с тех пор.
Я не забыл в той речи ни словечка.
Земля мне стала как мальчишке двор,
И как матросу маленькая речка.
Работаю,
И труд мне по плечу.
Среди пустыни домну воздвигаю,
Орлом по небу синему лечу.

В глухих степях дороги пролагаю.
Любовь я людям отдал
И познал
Восход коммунистического века.
Я стал таким,
Как Ленин мне сказал:
Простым
Советским
Человеком!

Павел НОСЕНКО

ОДНА СУДЬБА

В одном из номеров «Огонька» на второй странице обложки был опубликован снимок с обидно короткой подписью: «Михаил Ковалев, Владимир Дозоров, Лев Чуркин — демобилизованные воины, ныне монтажники домны Казахстанской Магнитки». Захотелось подробнее узнать о молодых рабочих, запечатленных на фотографии, об их жизни, стремлениях, друзьях. Газета дала мне командировку, и вот что я узнал на Магнитке.

* * *

Снизу это выглядело так. Башенный кран держал в металлическом клюве трос с пятидесятикилограммовой балкой — с земли трос и балка казались ниткой и спичкой. Маленькая человеческая фигурка пыталась поймать нижний конец балки на высоте четырехэтажного дома. Но балка все кружилась над головой человека, и он не мог дотянуться до нее. Тогда человек полез на перильца лесов — отсюда они выглядели тонкими, словно паутина.

— Что он делает?! — закричал прораб Денежканс. — Вернется, я ему...

В этот момент паутина оборвалась. Вместе с ней фигурка человека упала на угол кладки стены, подпрыгнула, как мячик, и рухнула в девятиметровый провал — на землю.

Рабочие бежали, перепрыгивая через рельсы, детали конструкций, кирпичные кучи. Павел Фриз лежал неподвижно между большим баком с раствором и стальным переплетением конструкций. Бледная табельщица, единственный свидетель падения, без конца повторяла одно и то же:

— Он упал, потом встал и как выругается и снова упал.

Прибежали и братья Павла — Борис, звеньевой, и Владимир, бригадир. Вместе с другими они подняли тело брата и осторожно понесли его туда, куда смогла подъехать машина.

За три месяца жизни на стройке летчики (это название прочно привязалось к ним, даже гости отыскивали: «Где тут летчики живут?») не раз слушали рассказы бывалых высотников о несчастных случаях, привыкли к ним и в душе не очень верили в них: может, так и бывало, но давно и с незнакомыми людьми. А Фриз был даже очень хорошо знакомый — все помнили его мальчишеское лицо, быстрый презрительный взгляд и любимые словечки: «порядочек» и «з-знаю». Близок он ни с кем из летчиков не был, да и вообще парень был хулиганистый, но все же товарищ по работе. И вот теперь его унесли неподвижного, лишенного сознания.

К ребятам подошел хмурый Денежканс.

— Вот до чего доводит глупая лихость, — заговорил он. — Это при вас первый несчастный случай? Ну как, не появилось желания удочки сматывать? В Балхаше, я помню, один парень с метровой высоты упал, так вечером уже на вокзал убежал...

Прораб был просто набит всевозможными историями из жизни высотников.

За всех ответил Миша Ковалев:

— Мы сюда, Петр Янович, приехали надолго и бежать никуда не собираемся. В этом вы уж, кажется, могли убедиться.

... В училище близилась выпускные экзамены, но каждый из этих юношей уже знал, что в армии ему не служить. Родина, заботясь об их безопасности, научила их владеть современным оружием. Но она верила в свои силы, и теперь давала им возможность заняться главным: строительством мирной жизни. Тысячи строек шли в стране, и надо было выбрать одну из них. Курсанты собрались в училище из разных мест (только Володя Дозоров и Лев Чуркин уже здесь обнаружили, что они земляки — их села в Калининской области разделяли лишь десятки километров), но их короткие биографии были схожи: детство, потревоженное войной — отцы у многих погибли на фронте, — школа, летняя работа в колхозах и вот — училище. Специальности нет. Есть только молодые неленивые руки и большое желание сделать ими что-нибудь полезное для народа.

Сколько раз в эти предэкзаменационные вечера разворачивали юноши карту Союза, сколько газет перелистали, стараясь найти ответ на вопрос: куда ехать? И вот однажды попала им «Комсомолка» с очерком о строительстве Казахстан-

ской Магнитки. Из газеты они узнали о громадном размахе строительства в Карагандинской степи. Узнали, что трудится там, в основном, молодежь, что комсомол объявил Казахстанскую Магнитку своей ударной стройкой. И вот поиски кончились, выбор был сделан. Теперь нетерпение подстегивало юношей. Стоило собраться вечером вместе, как кто-нибудь обязательно предлагал:

— Давайте почитаем еще про Магнитку.

И снова читали.

В начале мая первая группа курсантов — Лев Чуркин, Виктор Волков, Александр Попов и Владимир Миниховский — тронулись в путь. По неопытности они не догадались написать на стройку, дороги же никто из них не знал. Вместо того, чтобы ехать до Караганды, они вышли в Солончаках и, просидев ночь на вокзале, оказались в дымном Темир-Тау. Куда идти? Ребята растерянно стояли на шумной улице.

— Вот что,— проговорил наконец Лев Чуркин,— мы же не по личному делу, а по государственному. Идемте прямо в горком партии.

В горкоме ребят сразу поняли. Их направили на стройку, дали записку насчет общежития, и ночью путешественники спали уже на новых своих местах.

В тресте их направили устраиваться на работу в Доменстрой. В новеньких лейтенантских кителях и фуражках с голубыми околышами они шли по линии узкоколейки к зданию управления Доменстроя. У строящейся домны они невольно задержались, глядя на коренастый остов будущей печи, на людей, сосредоточенно работавших на большой высоте.

— Эй, братишки! — услышали они крик. К ним спуускался парень их возраста. На нем была старая телогрейка, но на голове победно красовалась фуражка с таким же, как у них, голубым околышем.

— Откуда? — спросил незнакомец. Выслушав их рассказ, рабочий, назвавшийся Геннадием Ивановым, стал горячо убеждать друзей устроиться на работу в Стальконструкцию.

— Летчику на высоте только и работать.

— Да примут ли нас? Специальности-то нету,— засомневались ребята.

— Идите прямо к Вячеславу Григорьевичу Бурневскому, расскажите, как и что. Он человек душевный, поймет и поможет,— убеждал новый знакомец.

И вот бывшие курсанты в кабинете у начальника Казстальконструкции Бурневского. Он слушает сбивчивый рассказ друзей, пряча усмешку за холодными стеклами очков. Пишет направление, говорит:

— Идите. Завтра получите аванс.

В кабинете у Вячеслава Григорьевича Денежканс, секретаря парторганизации Шпаков, прорабы. Они недовольно качают головами.

— Зря. Нам нужны опытные монтажники, а эти домны и близко не видели. Да и гонору, должно быть, много. Через неделю ни одного не останется.

Вячеславу Григорьевичу пятьдесят лет, но волосы его совершенно седые. За плечами у него огромный путь. Только за последние годы он работал на стройке нового здания МГУ, в Липецке, в Ангарске, руководя большими коллективами. Он не только талантливейший инженер, но и опытный педагог.

— А мне эти ребята показались искренними и дисциплинированными. Кажется, из них можно сделать настоящих монтажников,— говорит он.— Что касается гонора — проверим. Сделаем вот так...

Назавтра четверо бывших курсантов стояли у домны. Вот сейчас им снова придется брать высоту. Они уже представляют себе, как удивят новых товарищей хладнокровием там, наверху — летчикам ли бояться головокружения. Кто-то даже добыл себе монтажный пояс. Но вместо гаечных ключей им дают тяжелые кувалды.

— Вот колонны, поддерживающие моторное кольцо домны,— объясняют им.— Каждая весит девятнадцать тонн. Нужно выровнять их основания. Приступайте.

Взмах, удар. Взмах, удар. Взмах, удар. Час, два, три — спина ноет нестерпимо. Романтики тут мало.

— В картине «Высота» этого нет,— говорит кто-то.

Но на лицах у всех вместе с усталостью выражение настойчивости, упрямства.

Через семь часов основания колонн стали точно. О работе летчиков докладывают Бурневскому. Он кивает головой:

— Я так и думал. Простые, скромные ребята. Будут высотниками!

Через несколько дней приехали Миша Ковалев и Володя Дозоров, за ними еще несколько человек.

Работали летчики с самого начала хорошо. Им не приходилось подавлять в себе чувство высоты, сказывались и смекалка и дисциплинированность, воспитанные в училище. Но кое-кто из старых бригадиров продолжал коситься на новичков: в бригаде из опытных рабочих они, де, все-таки балласт. Тогда Бурневский предложил из летчиков создать особую бригаду. Во главе ее поставили Николая Янцевича (тоже недавно демобилизованного) и направили на монтаж пылеуловителей, или «пыльников», как их здесь зовут. Здесь-то летчики и показали себя. За месяц бригада Янцевича должна была смонтировать 85 тонн металлоконструкций. Скептики

считали, что бригаде новичков ни за что не выполнить задания. А они перевыполнили его в полтора раза!

Все летчики овладели специальностями бензорезчика и электросварщика. Нет, теперь они прочно приварены к стройке, и никакой несчастный случай теперь не пугает их.

... Осенью прибавились новые заботы. Надо было начинать учиться дальше. В комнате Ковалева и Дозорова (они жили вместе) учебники громоздились горой. Занимались по вечерам. И все-таки не решились подать документы — многое успело забыться, за короткий срок наверстать было невозможно. В институт поступили Рудольф Глухов и Владимир Заушницын, сидевшие над книгами по вечерам с самого приезда на Магнитку. Но мечты о вузе не оставляли и другие.

— В будущем году — обязательно, — говорили они.

У ребят росло неодолимое желание стать настоящими большими мастерами. А знания для этого требовались немалые. Но зато как необыкновенно красива была работа мастеров, вооруженных знаниями и опытом.

В октябре бригаду летчиков временно перевели с «пыльников» на домну, и они видели, как устанавливали на домну сорокаметровую раму копра. Вот где проявилась подлинная творческая смелость мастеров! По расчетам инженеров управления предполагалось произвести установку первого блока рамы двумя кранами. Но уже на месте бригадир Рубин произвел перерасчет и решил включить в работу только один кран. Громадная двадцатитонная машина, похожая на гигантскую букву «П» была поднята краном у стены домны на шестидесятиметровую высоту, и здесь ее собственная тяжесть, заменив второй кран, заставила ее описать большую дугу и лечь точно на заданное место. У собравшихся внизу людей вырвался радостный крик, замахали шапками.

В эту минуту Чуркина кто-то тронул за рукав. Он обернулся и увидел Павла Фриза. Тот стоял похудевший, осунувшийся и прежнего выражения мальчишеской лихости на его лице не было. Но его новое выражение — сосредоточенное и жесткое — больше понравилось Льву.

— Вернулся? Здоров?

— Да вроде почти здоров.

— Где работать теперь будешь?

— Если пустят, то там, — Фриз кивнул на домну, над которой высилась рама копра.

— Одного прыжка, значит, мало?

— При чем тут прыжок. Дураком был, ну и сорвался, а от работы нашей век не откажусь, умней только буду.

... Со смены Ковалев, Дозоров и Чуркин шли вместе. Они очень не похожи друг на друга — Чуркин рослый, плот-

ный, с широкой улыбкой, Дозоров суховатый, подобранный, на вид немного старше своих двадцати лет, Ковалев на три года старше его, а лицо еще по-мальчишески пухлое.

— Нет, здорово сегодня, а? — говорил все еще возбужденный Ковалев.

— Работа классная, — подтвердил Дозоров. — На работе радуешься, а дома, бывает, скучать приходится...

— Что, топить еще не начали? — спросил Чуркин.

— Нет. А главное — тесно. Мать у меня вот одна. Вызвать бы ее сюда, а куда денешь? Вон Зубенин женился, а комнаты все не дают. Так и живут с женой в разных общежитиях.

— Ну, это ничего, — внезапно очень серьезно сказал Чуркин. — Комнату дадут. А женился — это хорошо, значит, чувство. А я вот со сколькими девчатами гулял, и хоть бы одна по-настоящему затронула. И так иногда тоскливо делается...

Они помолчали. Дорога до поселка длинная — и намолчаться и наговориться можно успеть.

— Вот писем много сейчас нам приходит, — заговорил опять Ковалев, — от ребят, что демобилизоваться должны. Спрашивают, что и как. И чувствуешь, некоторым кажется, что у нас тут рай земной. А у нас не рай.

— А что ты отвечаешь? — спросил Дозоров.

— Как что отвечаю? Ты вот жалеешь, что сюда приехал?

— Ты что, с ума сошел?

— То-то и оно. Не всегда уютно, да дорога-то для нас большая только отсюда и начинается. Об этом и пишу.

Они шли к поднимающимся огням нового города. Они очень непохожи друг на друга, но судьба у них одна. Многие еще не устроены в этой судьбе, но главное в ней определено. И главное это — гордость советского рабочего человека.

Шли молча, но потом Чуркин предложил:

— Споем, что ли, братцы?

И они запели вполголоса песню, что начала разучивать клубная самодеятельность:

Где было лишь место пустое,

Мы город возводим сейчас.

И если мы сами его не построим,

Никто не построит —

Никто не построит за нас.

Спасибо тебе за открытки,

Но только пойми без обид —

Растет Казахстанская наша Магнитка

И держит,

И держит меня, как магнит.

Леонид КРИВОЩЕКОВ

ЗАВИСТЬ

*Молодым строителям Казахстан-
ской Магнитки.*

И я на судьбу не в обиде,
Мне юности светлой не жаль:
Я в дни отступления видел,
Как трудно рождается сталь.

Солдатскую память и славу
Вовек никому не отдам,
Но здесь, в молодом Темир-Тау,
Я вдруг позавидовал Вам —

Строителям города стали,
Недавним безусым юнцам.
Не вы ли вчера подрастали,
Завидуя втайне отцам?

Когда вы и где возмужали,
Кто дал вам рабочую стать?
Вчерашним гвардейцам, пожалуй,
До плеч сыновей не достать.

Вы завтра задуете домны,
Им век негасимо гореть.
А что мне из юности вспомнить,
Чему не дано постареть?

Бомбежки, пожары в полнеба,
И залпы у братских могил.
Я в юности юношей не был,
Солдатом и мстителем был.

Войну я забвенью бы предал,
Оставив на все времена
Лишь гордость великой Победы
Да павших друзей имена.

Но, горькою памятью полный,
Я честно завидую Вам:
Столетье гореть вашим домам,
А с ними и вашим сердцам!

И все-таки я не в обиде,
Мне юности светлой не жаль.
Я счастлив, что снова увидел,
Как трудно рождается сталь.

Константин АЛТАЙСКИЙ
Мухамеджан КАРАТАЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

*Текущий век дары несет грядущим
Историю остановить нельзя.*

Сырбаи Мауленов.

Поездка в Джезказган волновала Деева. Это было вторжение в прошлое, в невозвратную юность и вместе с тем путешествие в будущее, — ведь жизнь, в отличие от всех поездов, мчится вперед безудержно и безостановочно. Ивану Васильевичу предстояло увидеть воочию то, что виделось когда-то в юношеских снах — воплощаемую мечту о Большом Джезказгане.

Стоя у окна в коридоре вагона, Деев думал от том, как преобразился Казахстан за эти четыре десятилетия. Выросли новые города, вода ринулась в Голодную степь, создана индустрия, поднята целина, степи прорезали стальные магистрали, расцвели наука, искусство, литература. Вчерашние казахи-кочевники с помощью партии Ленина стали академиками, инженерами, писателями и врачами, артистами и сталеварами... Неожиданный возглас прервал мысли Деева.

— Товарищ, не найдется ли спички?

Деев дал спичку. Разговорились. Кряжистый смуглый человек с золотой звездочкой Героя Социалистического Труда оказался угольщиком-комбайнером Баширом Нурмагамбетовым, ехавшим в родную Караганду.

Деев стал расспрашивать. Комбайнер показался неразговорчивым человеком. Отвечал на вопросы скупно, хотя край свой знал, по-видимому, превосходно. Деева особо поразила его манера ничему не удивляться. Фразу: «А что тут особенного?» — он повторил три раза.

— Говорят, карагандинский уголь сурок нашел — сказал Деев, чтобы только начать разговор.

— А что тут особенного? Он в земле копается, вот и нашел.

— Читал я где-то, что землю Караганды бай по дешевке уступил...

Башир поднял глаза:

— А что тут особенного? Бай Игилик Утепов продал ее русскому купцу Ушакову за десять коней и еще двести пятьдесят целковых, — голос Башира звучал насмешливо, глаза смеялись. — Это Габит Мусрепов в книге «Пробужденный край» давным-давно описал. Книга умная.

— Я еду в Джезказган, — объяснил Деев. — На обратном пути обязательно в Караганду заверну.

— Приезжайте, — сменил тон Башир. — Сегодняшний день куда лучше вчерашнего. Караганда — это...

Он остановился, не находя сравнения. Помолчав заговорил. От замкнутости не осталось и следа. Исчезла и фраза: «А что тут особенного?..»

Дееву представилась шелестящая свежей зеленью асфальтированная Караганда с ее конусообразными терриконами, четырехэтажными зданиями, с величественным дворцом культуры горняков, с тремя вузами, с двумя тысячами автомашин в личном пользовании шахтеров.

Деев вспомнил: первый поезд пришел туда только в 1931 году, в ту пору, когда Караганду объявили третьей всесоюзной кочегаркой.

— Приезжайте обязательно, — радушно звал Башир. — Не пожалеете. Наша Караганда по технической оснащенности обогнала и Донбасс, и Воркуту. Она первая по механизации не только в Советском Союзе, но и во всем мире.

Деев недоверчиво посмотрел на Башира: не преувеличивает ли? Башир уловил в деевских глазах сомнение, и это еще больше воспламенило его.

— Не в одной, не в двух — в семнадцати шахтах, — заявил он почти торжественно, — уголь берем исключительно механизмами. Понимаете? Большая половина, а точнее — семьдесят процентов угля у нас добывается комбайнами.

Деев не скрыл удивления.

— Уже в этом году, — продолжал Башир, — мы вводим в действие шестьдесят автоматических конвейерных линий. Недолго ждать: во всех шахтах навалка, проходка, транспортировка будут полностью выполняться машинами. Тогда каждый шахтер будет вроде инженера.

Угольщик-комбайнер говорил с таким убеждением, что Деев мысленно увидел горные выработки, залитые голубовато-белым светом, где умные, покорные человеку машины врубаются в древние черные пласты, отваливают уголь, и он, поблескивая гранями, стремительной рекой попадает в углярки — и полсотни длинных эшелонов с черным золотом посылает Караганда ежесуточно в индустриальные центры страны.

И не иссякнуть угольному изобилию Караганды! Недавно

открытые Чурубай-нуринские, тентекские, шаханские массивы так мощны, что завтра составят основу всей добычи карагандинского угля. И какого! Коксующегося!

— Сейчас у нас работают угольные экскаваторы «Уральцы», — помолчав продолжал Башир, — хорошие машины. Но старое старится, а молодое растет. Ново-Карагандинский завод выпустил роторный экскаватор для добычи угля открытым способом. За смену он выдает четыре тысячи тонн угля. Перекрыл «Уральца» ровно в четыре раза!

Башир смущенно замолчал. Ему показалось неудобным и дальше хвастаться своей Карагандой перед незнакомым человеком. Все же он не удержался и сказал, приосанясь:

— Ездили мы учиться в Донбасс, а теперь приглашаем донбассовцев: милости просим за новым опытом к нам! А вы говорите — сурок...

К Баширу Нурмагамбетову подошел бритый человек в полосатой пижаме, должно быть, знакомый. Они заговорили вполголоса.

Деев помимо воли прислушался: человек в пижаме оказался инженером из института «Гидропроект».

— Давно с таким аппетитом не работал, — сознавался гидролог, вынув из кармана пачку «Казбека». — Я, понимаете, люблю размах, масштаб. Подумать только! Водная артерия длиной в полтысячи километров. Это, по сути дела, сотворение могучей реки. Каждую секунду канал понесет степям семьдесят пять кубических метров иртышской воды. В Госплане все в ажуре: одобрена и техника, и экономика.

Деев понял, что разговор идет о канале Иртыш-Караганда.

— А вы тянуть не будете? — озабоченно спросил Башир.

— За нами дело не станет. Осенью закончили изыскания первой очереди канала. Это, примерно, от села Ермак до Экибастуза. Работали самоотверженно, без отпусков, без выходных. Нас строители своим примером вдохновляли — около села Ермак сооружается огромный завод ферросплавов.

Гидролог возвращается из аула Шошкан. Там, на берегу Иртыша, работал один из опорных постов «Гидропроекта». Люди изучали дебит, режим, извилины и оттенки характера неукротимой и своенравной реки, на песчаном дне которой нашел могилу увековеченный в песнях Ермак.

— Какие на Иртыше бесподобные места! — продолжал гидролог. — Представьте мягкую, сочную траву, неправдоподобного зеленого цвета. Ромашки. Мальвы. Саранки розовые. У самой воды — краснотал. И вдруг над кустарником — белостволая, скромная такая березка. Посмотришь на нее, сразу юность вспомнишь. Иртыш, пожалуй, немного угрюм, но зато

могуч, многоводен и своеобразен. Только не подумайте, что гидрологи живут, как на курорте, в Ялте, что ли, или в Боровом. У них интересная, но суровая жизнь. Спят в крытых грузовиках или в палатках. Питаются частенько только консервами. Нередко на зубах песок хрустит. А работа спешная, неотрывная, ни на дождь, ни на ветер внимания обращать не приходится. Я только что был на нашей передовой линии. У аула Шошкан скоро, будем ставить канальный водозабор. Канал потянется по левой части русла Шидерты. Речушка маленькая, степная, мутная. А какие там золотые сазаны! Мы нашего ихтиолога чуть не каждый день ухой потчевали. Вода пойдет мимо целинного совхоза «Родниковский». Там ее ждут не дождутся. Думают развести водоплавающую птицу. А один дошлый человечина выступил даже с проектом консервного завода: будем, дескать, выпускать экзотическую продукцию — «Гусиные лапки», «Утиная печенка», «Фаршированное гусиное горло»... За такими деликатесами люди в очередь встанут.

Деев возвратился в купе. Два пассажира оживленно беседовали.

Деев сел, раскрыл купленную им на вокзале в Алма-Ате книгу и начал читать очерк о казахстанских самоцветах. Оказывается, есть в Казахстане не только железо, медь, но и самоцветы, ничем не хуже уральских.

Читать было трудновато. Сосед по купе, пожилой уже, с белой, как снег, головой, пустился в воспоминания:

— Довелось мне видеть две звезды Казахстана — Джамбула и Куляш. Было это в Алма-Ате, в тридцать седьмом году. В квартире тогдашнего председателя Комитета по делам искусств. Мебель из комнаты вынесли. Постелили большой ковер. Ну, как водится, чай, баурсаки, закуски, а потом бесбармак. Хозяйничала Куляш Байсеитова — ее Джамбул очень любил, дочкой называл. Удивительная была актриса! Я уже не говорю о ее соловьином голосе. Меня всегда поражала ее драматическая игра. У нее был точный, я бы сказал, скупой жест. Ничего не звал лучше Кыз-Жибек в ее исполнении. Так вот, Куляш разливала чай. Гости говорили вполголоса и мало. Все ждали выступления Джамбула, а он медлил. Акын сидел на почетном месте. Ему было уже за девяносто, но он не выглядел дряхлым. Было в его острых, зорких глазах, в позе, в манере держаться что-то от степного беркута — величавое, гордое и вместе с тем простое. Домбра лежала на ковре. Справа и слева от акына сидели казахские поэты. Перед ними были блокноты и много очиненных карандашей. Они были готовы записать импровизацию Джамбула. Раздались неуверенные просьбы, но акын молчал, погруженный в раздумье. Наконец к нему подошла Куляш. Сколько в ней было естествен-

ной грации! Тонкой рукой она коснулась плеча Джамбула и опустила лучистые, с едва приметной лукавинкой глаза.

— Что тебе, дочка?—ласково спросил акын.

— Ага, гости ждут песни,— и улыбка тепло осветила все лицо Куляш.— Она знала, что Джамбул не откажет ей. Ведь он же ни разу ни в чем не отказывал ей.

Акын неторопливо взял в руки домбру, тронул струны и прислушался. Он прикрыл веки, начал медленно раскачиваться, напевая мелодию. И вдруг — вдохновенно, я бы сказал, самозабвенно запел. Запел сильно, мужественно, чеканно, и трудно было поверить, что он тут же, при нас, сочиняет эти музыкальные окрыленные рифмами строки:

У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.
У казахов цветет свой флаг,
Как горячий, пурпурный мак.
У казахов сияет свой герб —
В солнце слитые молот и серп.
У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.
Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.
Каратау дает свинец,
Кокчетау гонит овец,
Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакапай...

Должен Вам сознаться, что я слушал, забыв обо всем. Я не видел, как быстро, боясь пропустить хоть одно слово, записывали импровизацию акына, как гости сидели, затаив дыхание, как по щекам Куляш катились слезинки. Лишь потом я узнал, что при мне было записано одно из лучших творений — поэма об Утегене-батыре.

Один из присутствовавших оказался литературоведом, давно уже пишущим исследование о Джамбуле. Он и в Казахстан-то приехал собирать материалы о столетнем акыне.

— Многогранный это был человек,— вспоминал он.— Многие его представляют этаким, знаете, сочинителем торжественных од, а ведь у Джамбула есть превосходные элегии, лирика, сатира. До сатиры у него временами просто руки не доходили, а возможности у него были большие. Я видел его в окружении простых колхозников. Остроты и шутки слетали с его языка совершенно непринужденно и вызывали смех. Кто-то, помнится, ему начал всерьез толковать об исламе, будто пустившем глубокие корни в казахском народе. Глаза у Джамбула стали озорными, и он оборвал этого неудачника-исламиста резкой, тут же сочиненной поговоркой: «Ислам нужен только ослам».

Как-то в Москве, в гостинице «Савой» некий англичанин, увидя Джамбула в халате, в куньей шапке, с домброй, попятился и пробормотал: это потомок Чингиз-хана. Когда Джамбулу перевели его слова, он, проходя, бросил: «Европа испугалась Азии? Быть Англии без колоний». Однажды Джамбул зашел в магазин и спросил: есть ли желтый бархат? Продавец начал что-то многословно объяснять. Джамбул улыбнулся: «Если расточается так много слов, значит, бархата нет».

В дверь купе раздался легкий стук. Вошла проводница, принесла чай. Беседа на время смолкла. Деев углубился в чтение. Когда беседа возобновилась, внимание Деева привлекла одна фраза человека в бостоновом костюме.

— Приходит ко мне друг мой Федя Ващенко, говорит: Алташ, я нашел недалеко озеро: караси — у — у!

Деев знал одного Федора Ващенко, работавшего в Темир-Тау. Неужели это о нем?

— Простите,— сказал Деев.— Вы упомянули товарища Ващенко. Он из Темир-Тау?

— Оттуда.

— А вы?

— Я тоже оттуда. Алтынбек Дарибаев.

Деев назвал себя, и они обменялись рукопожатием. Перед Деевым сидел первый сталевар республики. Деев запомнил и рождение Караганды, и огромное водохранилище, образовавшееся на маленькой речушке Нуре, и героическое строительство Карагандинской электростанции, и те невероятные морозы и бураны, которые не остановили землекопов, бетонщиков и монтажников, выстроивших в дни войны металлургический завод в Темир-Тау. 31 декабря 1944 года завод этот выдал первую в истории народа казахстанскую сталь.

— Я о вас много читал, Алтынбек Дарибаевич,— сказал Деев.

Алтынбек добродушно усмехнулся:

— Писали обо мне немало. Да как-то уж больно гладко все. Будто шел человек по ковру из цветов, а вокруг фонтаны бьют и соловей в розовых кустах заливается. А ведь я рос и работал в суровые годы... Учесть бы это надо.

Деев стал просить знатного металлурга рассказать о себе. К просьбе присоединился и сосед по купе.

— До отъезда на Урал нечего рассказывать,— заметно конфузясь, заговорил Алтынбек.— Учился я, как все, в казахской школе. В колхозе пас лошадей, убирал холопок, ловил рыбу.

— А как вы на Урал попали?

— В 1944 году окончил школу в родном Шаульдерском

районе Южно-Казахстанской области. Куда идти? Какую профессию избрать? Скажу прямо: не знал. И отец, по неграмотности, подсказать не мог. Была война. Объявили мобилизацию парней моего возраста. Призвали в армию. Едем. В Чимкенте объявили: сто четырнадцать казахских юношей направляются в Свердловск, будут учиться на заводе. Зачитали список. Я — там. Выдали продукты. Поехали. В Свердловске говорят: ну, вам ребята, повезло,— поедете в Ревду. Это отсюда всего сорок километров.

Когда я первый раз увидел мартеновскую печь, честно сознаюсь, был подавлен. Я ощутил себя перед ней маленьким, бессильным и беспомощным. А когда хлынул огненный поток жидкой стали, так перетрусил, что спрятался. Мне казалось невероятным, что разливики бесстрашно подходят к этому огненному чуду.

— Чего боишься, малыш? — спросил кто-то. Передо мной стоял старик с умными глазами. Он был брит. Только седые усы топорщились над верхней губой. В голосе было столько доброты и участия, что мужество вернулось ко мне. Меня осенила простая мысль: «Если другие могут, значит, смогу и я».

Старик взял меня за руку и подвел к мартену. От раскаленной печи шел обжигающий жар, но она больше не казалась мне огненным драконом.

Старик оказался сталеваром Поповым. Он стал мне вторым отцом. Теперь он уже умер, но память о нем никогда не умрет в моем сердце.

— Как же вас учил Попов?

— Понимая, что я втайне трушу мартена, он поставил меня вторым дублером по заправке.

— Это трудно?

— Не в том дело. Нужно было все время соприкасаться с мартеном! Моя обязанность была помочь дублеру открыть люк при заправке и потом закрыть его. А в мартене в это время как в аду. Температура доходит до тысячи семисот градусов.

Глаза Дарибаева стали мечтательными.

— За хорошую работу нам, я помню, выдавали по пятьдесят граммов сахара. Попов, бывало, скажет мастеру: выдай Алтынбеку три порции. Заслужил. А мне по-отцовски улыбается, откинув синие очки:

— Кушай, набирайся сил! Нам, брат, с тобой большие дела делать.

Он передал мне все секреты ухода за печью. А это главное в нашем деле.

— И долго вы учились у него?

— Восемь месяцев, а потом вернулись в Казахстан. Ме-

таллургический завод в Темир-Тау был уже пущен, но работал с перебоями. Перед нашим приездом стоял два месяца — не было мазута. Своих сталеваров-казахов еще не было. Приехали нам помогать со всех концов страны: из Белорецка, из Петровска-Забайкальска, из Комсомольска-на-Амуре...

— Значит, учеба ваша продолжалась и на родине?

— А как же! В Темир-Тау поставили меня третьим подручным.

— Это что же такое?

— Вы думаете, что-нибудь ответственное? Как бы не так! Я производил уборку, носил пробу, помогал при завалке шихты. Завалка тогда производилась вручную. Открывают окошко печи. Вилка или лопата с шихтой — на цепях. Раскачаем — и в печь. Как-то раз тяжелая вилка сорвалась и упала мне на ногу. В глазах потемнело. Очнулся в больнице. Лежал больше месяца, а выздоровел — опять третьим подручным.— Лицо Дарибаева оживилось, глаза заблестели.— Мы с Танабаем Каримовым тогда соревновались: кто раньше в сталевары выйдет? Начал обгонять меня Каримов. Слышу: назначили его вторым подручным. Заняло у меня сердце, помрачнел я, а мой наставник, сталевар Тютиев, успокаивает:

— Не унывай, Алтынбек. Не торопись в сталевары. Учись. Ума-опыта набирайся. Тише едешь — дальше будешь.

25 августа 1946 года я первый раз в жизни встал к мартену сталеваром. Принял смену. Осмотрел все: низ и верх печи, паспорт, анализ последней плавки.

В то время аппаратов, которые записывают температуру, не было. Поэтому я спросил у сдающего печь сталевара:

— Как держал тепловой режим?

Тот рассказал. Словом, стал я на вахту во всеоружии.

— Волновались?

— Нисколько. Неофициально, под присмотром Тютиева, я уже варил сталь много раз.

— А кто был в вашей бригаде?

— Замечательные ребята: первым подручным — узбек Борисканов, вторым — тоже узбек — Убайдуллаев, третьим — казах Дуkenов.

— Вы, вероятно, хорошо помните свою первую вахту?

— Этого, конечно, не забудешь. Мартен вел себя хорошо. Я следил, чтобы мазут распылялся и давал светлый газ. Регулировал форсункой подачу воздуха. Это дало свои результаты. В ту пору плавка в Темир-Тау даже у лучших сталеваров длилась десять-одиннадцать часов. Моя первая в жизни плавка уложилась в восемь часов двадцать пять минут.

Мастером цеха был опытный металлург Соснин. Он пожал мне руку:

— Поздравляю с рекордом!

— Наша смена вышла на первое место. План в тысячу тонн стали мы превысили на двести тонн, да сэкономили мазута пятьдесят пять тонн. Таких показателей тогда не было. В цех принесли переходящее Красное знамя. В Октябрьскую годовщину получил я премию — отрез на костюм и грамоту первого сталевара республики, а к новому году был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1951 году меня вместе с Федором посылали в Свердловск. Там мы четыре месяца учились, подковались теоретически. Сейчас работаю мастером мартеновского цеха. Разговаривал со мной недавно директор Казахской Магнитки.

— Смотри, — говорит, — Алтынбек, как только пустим Магнитку, сразу к нам. Насчет тебя особая, персональная договоренность есть. Не подведи!

За окнами фантастическим видением вставали желтовато-зеленые шири: не было им ни конца, ни края. На телеграфных столбах застыли беркуты. На нитях проводов изумрудно-синие, с золотистым отливом сизоворонки.

Деев задумался о своих современниках, рвущихся, в будущее. Ему вспомнился Степан Дмитриевич Батищев-Тарасов, светловолосый, ладно скроенный уралец. Деев познакомился с ним, когда тот был главным инженером Кустанайского геологоразведочного треста. Судьба его разительно напоминала судьбу Сатпаева.

Если Сатпаев бился и отстаивал идею Большого Джекказгана, то Батищев-Тарасов бился за Большой Тургай.

Когда геологи нашли в тургайской земле железо, уголь, бокситы, асбест, никель, кобальт, огнеупорные глины — словом, столько ценнейших ископаемых, сколько их не открыли за два с половиной века на Урале, в Тургай бросились десятки ведомств. Одно ведомство нацелилось на уголь, другое на бокситы, третье на титан. Душа Батищева-Тарасова болела.

— У семи нянек дитя без глазу! — вслух горевал он, видя, что Большой Тургай вот-вот начнет дробиться и расчлениваться на десятки средних, малых и совсем малюсеньких Тургаев. Идя по стопам Сатпаева, он выдвинул идею комплексного исследования и освоения Большого Тургая.

Деев читал в «Правде» его статью «Богатство Тургайской степи — на службу Родине», где защищалась эта идея... Но как меняются времена! То, что Сатпаеву давалось ценой длительных и упорных сражений, теперь решалось легко и просто, Правительство создало совнархозы. В их числе создан Кустанайский совнархоз, которому и вручена была проблема комплексного освоения Большого Тургая.

Душный воздух врвался в окно. Деев вышел в коридор. Вдруг из соседнего купе донесся страшно знакомый, сочный голос, от которого сразу потеплело в груди. Деев заглянул в приоткрытую дверь. Каныш Имантаевич Сатпаев, несколько располневший, чуть-чуть поседевший, но все тот же, с веселыми пронизательными глазами, с приметной ямочкой на подбородке, поднялся ему навстречу:

— Иван Васильевич! Какими судьбами! Заходите, пожалуйста! Знакомьтесь!

Сатпаев представил Деева энергичному человеку, директору Карагандинского металлургического завода.

Деев подсел.

— Я бывал с академиком Бардиным в Темир-Тау, — вспомнил Сатпаев, — тогда на месте первой домны росли караганник да полынь. Неузнаваемо меняется земля!

Все трое помолчали, и каждый подумал об одном и том же. Да, не узнать теперь былого степного захолустья. Вот-вот — не в мае так и июле — будет задута первая домна Карагандинского металлургического завода. Заложена вторая домна. А там, глядишь, вырастут еще две. Семь мартенов, как семь богатырей, встанут ряд. Построят три конвертора. А прокатному стану не будет равного в стране! Уже дала ток ТЭЦ. К концу семилетки Атасуйский рудник будет давать четыре миллиона тонн железной руды в год. К счастью, и марганец оказался неподалеку.

Директор заговорил первым.

— За марганцевую руду вот кому мы в пояс кланяемся, — и он кивнул на Сатпаева. — Это он, дальнзоркий, загодя разведаль нам марганцевые руды в районе Джезды.

Сатпаев застенчиво улыбнулся.

— А вы помните, какую роль сыграли марганцевые руды Джезды во время Великой Отечественной войны? — спросил Деев.

— Как же, как же, — подхватил директор. — Когда Никопольское месторождение заняли фашисты, а Чиатуры фактически были отрезаны, вспомнилась сатпаевская разведка на Джезды. Сотни машин своим ходом повезли марганец на заводы Урала. Черная металлургия была спасена.

Сатпаев улыбнулся смущенно и вместе лукаво.

— Вы знаете, Иван Васильевич, почему он мне дифирамбы поет? — обратился Сатпаев к Дееву. И тут же ответил: — Подготавливает почву, усыпляет бдительность. Сейчас он начнет безбожно расхваливать свой гигант.

Директор и правда стал восторженно рассказывать:

— Можете называть это как вам угодно: хвастовством, рекламой, но это, дорогие товарищи, факт. Наш завод по

окончании строительства даст чугуна, стали и проката почти столько же, сколько давали все заводы дореволюционной России, вместе взятые.

— Видали! — торжествовал Сатпаев.

— Мы дадим самый дешевый металл в стране.

Сатпаеву доставляло удовольствие подзадоривать расхвалившегося собеседника:

— Ну, а мартены ваши, разумеется, крупнейшие в стране?

— Крупнейшие!

— У вас будет, конечно, самое мощное в мире доменное производство?—хитро сощурив глаза, спрашивал Сатпаев.

— Представьте себе, да! — в тон ему отвечал директор и пояснял: — о мощности и технической оснащённости судят по тому, сколько приходится чугуна на одного рабочего в год. Так ведь?

— Предположим, так.

— Так вот, Каныш Имантаевич, на нашем заводе на одного рабочего будет выплавляться одиннадцать тысяч тонн чугуна в год. А на лучших заводах хваленной Америки не более семи тысяч тонн. Дальше. У нас на одного рабочего в год будет выплавляться четыре тысячи двести восемьдесят тонн стали, а на самых лучших заводах Соединённых Штатов выплавка не превышала трех тысяч тонн.

До станции Жарлык доехали незаметно. Отсюда карагандинские и темир-тауские знакомые двинулись дальше, а Сатпаеву, Дееву и всем, кому путь лежал на Джекказган, нужно было ждать часов десять. Каныш Имантаевич, привычный пассажир этой дороги, предусмотрительно заказал машину.

— Не возражаете, Иван Васильевич, проехаться по степи.

Деев согласился. Шофер повез «с ветерком». Развернулась степь — необъятная, былинная, неисхоженная! На ровном травяном ковре темнели индигово-синие тени от облаков. Травы источали тонкий горьковатый аромат. Дорогу то и дело перебегали пестрые суслики. Деева давно интересовал вопрос о древних рудниках этой местности. Он спросил Сатпаева.

— Я считаю, — охотно ответил Каныш Имантаевич, — что задолго до нас из этой земли вынута не менее миллиона тонн руды. В 1948 году в урочище Мын-Кудук во время раскопок наткнулись на целый «заводской двор»: примитивные медеплавильные печи, дробленая руда, приготовленная для плавки в тиглях на древесном угле. Это надо отнести к средним векам.

Через час вправо от машины, далеко-далеко, у смутно

проглядываемого горизонта, показались едва заметные движущиеся пятна.

— Сайгаки! — сказал шофер.

— Помните, Иван Васильевич, карсакпайского мистера Харслея?

— Ну как же? Он ведь у нас царем и богом был.

— Он к нам когда-то в Томск приезжал геологов вербовать. Мечтал этот сын Альбиона на сайгаков поохотиться с машины, но побоялся. Опасно!

— Они привыкли, чтоб им серн и оленей на ошейниках под самое дуло подтаскивали.

— А знаете, я его за Ла-Маншем повстречал. Пришлось мне в Англии с нашей делегацией месяц провести. Иду как-то по лондонской улице — вижу кто-то кланяется.. Я приподнял шляпу. Подходит. Батюшки-светы — мистер Харслей! И ведь вот какой упорный человек. Не угомонился. До сих пор мечтает в Карсакпай вернуться.

На станцию возвратились к отходу поезда...

За окнами вагона стелилась древняя Сары-Арка. Кого она не видела за свою историю! Искандера, Чингиз-хана, Аксак-Темира. На первый взгляд она ничем не изменилась — лежала, как века назад. Но тогда не кричал здесь победоносно и раскатисто гудок паровоза, не стучали вагонные колеса по ровным, как натянутые струны, рельсам.

— Вы помните, Иван Васильевич, я когда-то наткнулся на плиту с неизвестными письменами у горы Алтын-Шоки?

— Рассказывали вы тогда. Даже показывали скопированные иероглифы.

— Осенью, кажется, 1936 года приехал к нам научный сотрудник Эрмитажа Морозов и увез плиту в Ленинград. Там профессор Поппэ расшифровал иероглифы.

«В стране семисот черных Токмал в год Овцы в средний весенний месяц султан Турана Тимурбек шел с двумястами тысяч войска, имени своего ради, по кровь Токтамыш-хана. Достигнув этой местности, он воздвиг курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие».

Явное доказательство, что Железный Хромец был на джекказганской земле.

Поезд прибавил ходу. Паровоз дал гудок, прозвучавший весело, даже вызывающе в степной тишине.

— Эту дорогу закончили строить в 1939 году, — напомнил Сатпаев. — Когда в Джекказган пришел первый поезд, один наш краевед ходил по вагонам и искал у пассажиров первый билет, проданный до станции Джекказган. «Зачем тебе?» — спрашивали его. — «Для музея».

— Нашел? — полюбопытствовал Деев.

— Найти нашел, да только не один, а целых шесть.

— Как же так?

— Обмана никакого не было. Билеты на новорожденную станцию продавали ведь не только в Жарыке, но и на других станциях. И в каждой кассе был продан свой первый билет до Джекказгана.

Сатпаев задумался. Потом сказал тихо и мечтательно:

— Помню, как люди встречали первый поезд. Горняки пришли на вокзал, как на парад, в колоннах, со знаменами. Трибуна была построена. Речи говорили. Ведь это была уже не узкоколейка, а настоящая железная дорога, связавшая нас со всеми магистралями Советского Союза. Она особенно помогла Джекказгану в дни Отечественной войны.

Стали говорить о войне. У обоих было что рассказать. Но какая бы тема ни возникала, Сатпаев непременно вплетал в нее слова о любимом Джекказгане.

— В 1943 году,— вспомнил он,— Джекды и Джекказган были слиты в единый Джекказганский комбинат. Понимаете, Иван Васильевич. Уже не отдельные допотопные шахты, даже не рудоуправление, а комбинат. Во главе комбината был поставлен Владимир Денисович Лысенко, прошедший суровую школу на Урале.

— Не родственник ли Трофима Денисовича?

— Родной брат знаменитого академика. Надо заметить, что в характере его, в хватке, было фамильное, лысенковское. И главный инженер ему попался под стать — Тихон Федорович Харламов, впоследствии директор Джекказганского комбината. Есть, Иван Васильевич, такие гармонические сочетания, когда два человека, дополняя один другого, творят чудеса. Возьмем военное дело. В Первой Конармии примером такого сочетания может служить боевое содружество Ворошилова и Буденного. Так же сдружились Чапаев с Фурмановым... Лысенко и Харламов сходились во всем: оба отличались смелостью, научной проницательностью, эрудицией. Оба признавали производственный риск. Это они открыли джекказганской руде дорогу в рудоспуски и внедрили телескопные перфораторы. Шпуры стали бурить не вниз, а вверх. Руда рекой пошла на-гора. Но и это им показалось недостаточным. Они превратили забои в рудохранилища, похожие на пруды, откуда руду выпускали через рудоспуски.

Заговорив о Джекказгане, Сатпаев заметно оживился. Глаза его вспыхнули молодо, задорно, ярко.

— С благословения Лысенко и Харламова,— продолжал он,— в дни войны приехал с Урала к нам в Джекказган знатный горняк Илларион Янкин. Теперь он горный инженер, директор одного из рудоуправлений на Урале, а тогда был искус-

нейшим бурильщиком и приехал передать свой опыт. Лекция Янкина длилась несколько минут. Зато в забое на глазах у всех пятью телескопными перфораторами он за три-четыре часа дал шесть сменных норм.

— Скоро джекказганцы переняли опыт?

— Помнится, недели через две наш бурильщик Павел Шаталюк на двух перфораторах дал свыше шести норм, за ним — Болбышев, Шаша и другие. Всех и не упомнишь.

— Вот говорят: фронт родит героев. В тылу героев не меньше!

— Вы знаете, Иван Васильевич, где бы я ни работал, где бы ни был, сердце мое всегда в Джекказгане. Я гордился и горжусь людьми Джекказгана. Недаром им за годы Отечественной войны шестнадцать раз подряд присуждалось Знамя Государственного Комитета Оборона.

Сатпаев надолго замолчал. Поезд летел по дышащим зноем сухим степям. Миновали старый, но еще работающий Успенский рудник, развилку дорог, откуда начиналась ветка на Каражал, к железным и марганцевым рудоносным пластам — сырьевой базе Казахстанской Магнитки. И вот он, долгожданный Джекказган! Небольшой вокзал. Направо виднеется плотина Кенгирского водохранилища, тянувшегося на добрых двадцать пять километров. На фоне бледно-голубого неба горделивые трубы ТЭЦ, контуры обогатительной фабрики, а вдали — аккуратные, чистые домики городского предместья. Джекказган неожиданно поражает обилием зелени. Не только карагачи и акации, тут растут и яблони, и сливы, и груши. Асфальтированные улицы, трехэтажные здания, памятник Ленину, три дворца культуры, пятнадцать школ, ажурная телевизионная мачта и зелень — все это не может не радовать. Поодаль от ТЭЦ и обогатительной фабрики громадная строительная площадка медеплавильного гиганта, который джекказганцы с любовью и гордостью зовут Казахстанской медной Магниткой. Уже заложен фундамент этого завода-колосса, о каких и не мечтала Европа.

Он еще на синей кальке, в схемах и чертежах, в цифрах расчетов, этот грандиозный заводиче, но его завтрашняя мощь уже влияет на джекказганские рудники — ведь он потребует огромное количество сырья, и надо всерьез готовиться к этому.

И джекказганцы ведут подготовку.

Двадцативосьмикилометровое асфальтированное шоссе ведет в поселок Никольский, он начал строиться всего три года назад. Тут поднимаются трехэтажные и двухэтажные дома, асфальтируются улицы, разбиваются скверы, сажаются деревья.

Центрально-рудничный поселок с его многоэтажными светлыми домами вырос на скале. Взрываются твердые мергели, привозится земля и сажаются деревья и кусты.

В двух поселках проживают около пятидесяти тысяч горняков.

На двадцать пять километров растянулась цепочка шахт — десять уже действующих и свыше десятка закладываемых.

Застывшие в богатырском маршевом шаге высокие опоры высоковольтной линии, ажурные металлические и железобетонные копры, темно-красные конусообразные терриконы — все это создает величественную индустриальную панораму, и трудно, почти невозможно поверить, что именно здесь, среди диких и древних камней, на красновато-серой почве пустыни совсем недавно стояла палатка смелого изыскателя-разведчика недр Сатпаева, снова приехавшего сегодня сюда, потому что без родного Джезказгана он не представляет своей жизни.

Весть, о приезде Сатпаева молниеносно разнеслась по городу, по поселкам, по шахтам, — нет в Джезказгане гостя дороже его!

Еще Сатпаев и Деев умывались после дороги, а к ним уже пришел Вахит Шарипович Шарипов, человек небольшого роста, с пристальными, внимательными ко всему глазами, в костюме табачного цвета.

— Здравствуйте, Вахит Шарипович! — приветствует его Сатпаев. Глаза лучатся особой, сатпаевской, приветливостью.

— Рассказывайте! Только — чур! Рассказывайте популярно, как будто я не знаю об этой проблеме... Понимаете? Со мной Иван Васильевич Деев, мой старый друг. Он не в курсе наших с вами хитроумных мероприятий.

— Джезказган — это огромная, пожалуй, уникальная кладовая медных руд, — начал Шарипов, косясь на Сатпаева. — Задача: извлечь эти руды из глубин и выплавить из них драгоценную медь, без которой немислимы ни атомоходы, ни спутники, ни Братская ГЭС...

Когда-то тут бурили вручную. Брели бур, били кувалдой. Словом, «Эх, дубинушка, ухнем!» Это при англичанах. Потом, уже в советское время, перешли на перфораторы весом в тринадцать-пятнадцать килограммов. Работать горнякам стало полегче, а производительность поднялась. Затем, поднимая производительность, увеличили вес ручного перфоратора до тридцати-тридцати двух килограммов. Это был, в сущности, предел. Тяжелее перфоратор не поднять. Потом возникла проблема коренной механизации и автоматизации.

— Продолжайте, пожалуйста, — заметил Сатпаев.

— Джезказган сделал рывок, крупно шагнул к механизации.

На сорок пятой шахте у нас появился экскаватор-ковровец. Берет ковшем 0,75 кубического метра отбитой руды и наваливает на минский самосвал, переоборудованный нашими механическими мастерскими на электрический мотор.

Шарипов помолчал, потом заговорил с каким-то ожесточением: — Но только сейчас мы внедряем полную, стопроцентную механизацию в забоях.

Сатпаев подтолкнул Деева:

— Слушайте внимательно, Иван Васильевич. Вот как будущий медеплавильный завод заставил их шевелить мозгами.

— Мы внедряем самоходное оборудование. Ручной перфоратор заменяем самоходной буровой кареткой. К ней прилагаются экскаваторы, самосвал, а еще лучше — самоходный вагон и подземный бульдозер.

Это уже не мечта, а явь. Это вы сегодня увидите своими глазами, если спуститесь в сорок пятую или пятьдесят первую шахты. Это — революция в добыче медных руд.

— А как с оборудованием? — деловито спросил Сатпаев.

— Буровые каретки изготовляет Кыштымский завод, на Урале. Экскаваторы — Ковровский завод. Заказ на погрузочные машины принял Копейский завод близ Челябинска. Бульдозеры делает Челябинский тракторный завод. Самоходные вагоны взялся поставлять Таллинский завод.

— А как с кадрами для этого новшества? — спросил Деев.

— Наш институт начал внедрение комплексной механизации два года тому назад. Вот Каныш Иммантаевич знает, мы встретили здесь полное понимание и сочувствие. Виктор Васильевич Гурба, директор комбината, очень культурный инженер с широким кругозором, сразу оценил дело и стал нам первым помощником. И директор рудника инженер Мукиит Кульджанович Бупежанов тоже принял механизацию близко к сердцу, как свое кровное дело. Он подобрал бригаду из подлинных энтузиастов. Во главе бригады встал Николай Петрович Клепчук, отличный бурильщик. Между прочим, этот веселый, жизнерадостный человек первым в Джезказгане вырастил виноград. Первым же освоил работу на самоходной буровой каретке. Примечательный человек!

— Учтите, Иван Васильевич, — подхватил Сатпаев, — что Клепчук сознательно пошел на большое снижение заработка. С перфоратором в руке он зарабатывал в месяц три тысячи и более, а на каретке, в период ее освоения, он и двух тысяч не получал. Месяца три жил на сниженном заработке.

— Да, да, — подтвердил Шарипов. — В бригаде Клепчука было восемь человек: шофер Виктор Андреевич Самойленко, экскаваторщик Василий Николаевич Гаврилов и другие. И

никто из них не пожаловался, что заработки временно снизились. Вперед смотрели. Будущее видели.

— Ну и как, внедрили это нововведение?

— Да, в сорок пятой шахте уже работают четыре буровых каретки, два экскаватора, три электросамосвала. На действующих горизонтах это сделать трудно. Мы готовим сейчас в сорок пятой шахте новый горизонт метров на сорок пять ниже существующего. Такие же горизонты готовим на сорок второй и пятьдесят первой шахтах. С начала будущего года на самоходное оборудование полностью переводятся три шахты.

Кроме того, сейчас строятся две шахты — пятьдесят пятая и пятьдесят седьмая. Они будут оснащены исключительно самоходным оборудованием.

— Скажите, Вахит Шарипович, это дело санкционировано правительством?

— Да, да — воодушевился Шарипов.— Это теперь не эксперимент, не поиски, а так сказать, закон. К 1963 году на самоходное оборудование, будем надеяться, перейдет весь Джекказган.— Посмотрев на Сатпаева, он поправился: — Большой Джекказган.

— Какие же это сулит выгоды?

— Производительность труда повышается в три раза. Экономия по капитальному строительству за годы семилетки — полмиллиарда рублей. Экономия от снижения себестоимости — сто миллионов рублей в год.

— Есть еще один убедительный показатель,— добавил Сатпаев,— количество рабочих сокращается на восемь тысяч человек.

— Ну, а теперь приглашаю вас в нашу сорок пятую! — поднялся Шарипов.— Милости просим! Прошу не забывать, что там самоходное оборудование внедрено впервые в Советском Союзе.

По дороге на шахту Сатпаев сказал Дееву:

— Шарипов — ревнивец. Он влюблен в самоходное горное оборудование и поэтому ничего не сказал об открытом способе разработок.

До сих пор в Джекказгане, действительно руда добывалась только в шахтах. Но строится Златоуст-Беловский карьер, где медная руда будет братья открытым способом. Он будет давать руды больше, чем дают сейчас все шахты Джекказгана.

Через полчаса они спускались в сорок пятую шахту. Их встретил молодой инженер Жалел Алтаев. Он был чисто выбрит, подтянут, четок в движениях и, видимо, предан уча-

стку, на котором был командиром производства. Деев потихоньку любовался им. Он близко знал когда-то казахов, пришедших в индустрию из пастушеских юрт.

Это был всего-навсего участок, где работало самоходное горное оборудование. Это о нем только что деловито рассказывал Шарипов.

Непривычный здесь, под громадной толщей земли, экскаватор нагибал свою железную шею и методически черпал ковшем куски поблескивающей медной руды. Послушно стоял, словно взнузданный аспидно-черным кабелем, электросамосвал. Самоходная буровая каретка нацелила на рудоносные пласты острые свои буры и только ждала команды человека, не ведая ни усталости, ни боли, и равнодушная к часовой стрелке.

Под влиянием нахлынувших раздумий о будущем Деев смотрел на подземный агрегат восторженными глазами. Но Сатпаев был зорек по-иному.

— И часты у вас простои, товарищ бригадир? — настороженно спросил он.

— Двадцать пять процентов рабочего времени,— хмуро ответил бригадир и объяснил — шахтный скип не поспевает выдавать руду на-гора.

— Значит, не все продумано до конца,— заключил Сатпаев, и по его посуровевшему тону можно было догадаться, что говорит он не только о скипе, а о чем-то большем.

— А как с кондицией? — обратился Сатпаев к молодому инженеру.

Он знал, что давным-давно, по научно-обоснованным нормам, руды с содержанием меди свыше 0,5 процента считались рентабельными и допускались к добыче. Но в 1953 году техническое управление Министерства цветной металлургии издало директиву, по которой кондиция изменялась: рентабельными признавались руды, содержащие не ниже 0,7 процента меди.

Инженер Алтаев понимающе посмотрел на Сатпаева, а Деев вспомнил Жамбасинова, Саусакова, Батешева, Кожаспая. Они были неграмотными и малограмотными, шли ощупью, производственные навыки приобретали с большим трудом. Как далеко впереди по сравнению с ними Жалел Алтаев, питомец Алма-Атинского горно-металлургического института, инженер, человек, имеющий обо всем свое суждение!

Они — вчерашний день, он — сегодняшней и отчасти завтрашний. Уже сегодня такие Жалелы не одиночки, а завтра их будет великое множество.

Это ощущение будущего, которое уже полноправно входит

в наш сегодняшний день, охватило Деева и не покидало все время пребывания в Джезказгане.

Ему казалось, что и Сатпаев, видевший на месте теперешнего Джезказгана бесплодную пустыню с каменными могильниками и ханскими мрачными мавзолеями, тоже полон ощущения будущего.

— Ну как, Иван Васильевич, нравится наше подземное хозяйство? — шутил он над замолкшим Деевым.

Деев в темной шахте чувствовал себя неуютно и отмалчивался, а Каныш Имантаевич был по-юношески весел:

— Если бы нам прихватить сюда мистера Харслея, он бы на четвереньках пополз. Помните, он высокомерно говорил: «Как адмирал Нельсон страдал морской болезнью, я страдаю подземной болезнью». Вишь, куда махнул!

Они шли по штреку, безмолвие которого нарушалось то и дело проносившимися электровозами. Неожиданно пришлось зажмуриться. Они оказались в огромной пещере, щедро залитой светом мощных прожекторов. Что это — сказочный грот Али-бабы? Или подземный дворец? Или, наконец, волшебное царство Хозяйки Медной Горы?

— Если борешься, побори и родного отца.

— Так. Значит, все по-старому. Технического управления давно нет. Министерство цветных металлов ликвидировано. Бывший министр возглавил один из совнархозов. А директива о кондиции здравствует. Живучая директива! Не устали вы о ней говорить?

Деев смотрел на Сатпаева и думал, что жизнь человека — борьба! Не за кусок насущного хлеба, не за место под солнцем, а за верность гипотез, за научную правоту, за путь, которым бесстрашно шагать народу!

Академик тихо направился по уходящей вдаль выработке, всматриваясь в потемки, которые не пугали и не смущали его! привыкшего преодолевать все мыслимые и немыслимые преграды.

Он был сыном своего века, человеком новой формации, дышавшим тем же воздухом, каким дышали Ленин и Серго Орджоникидзе, Горький и Циолковский.

Он шел твердо, уверенно, не оглядываясь, не прислушиваясь, полный больших мыслей, обращенных к внукам и правнукам.

И не только Дееву, но и Алтаеву, и всем, кто присутствовал при этом, подумалось:

— Человек шагает в будущее!

Халижан БЕКХОЖИН

КРАСУЙСЯ, ГОРОД

*Василию Раковскому, бригадиру
Джезказганского рудного строитель-
ства, Герою Социалистического Тру-
да.*

В глухих лесах тамбовщины рожденный,
При виде яркого разлива крыш
Ты говоришь,

как юноша влюбленный:

— Мой медный город! —

гордо говоришь.

И здесь рассвет с душой открытой встретив,

Скажу я, чувств ответных не тая:

— Люблю безмерно юный город меди!

Он — песня сердца,

Он — мечта моя.

Ты, созидатель, вправе им гордиться.

На белых крыльях город вознесем.

Увидев смуглые героев лица,

Смотрю,

деяньем рук их поражен.

Или строенья светлые рождает

На этой местности земля сама?!

Я рук искусней от роду не знаю,

Поставивших чудесные дома.

Красуйся, город, над степным простором,

Могучей волей партии рожден!

Есть в этой стройности твои узоры,

В твоем лице свет улиц отражен.

Я знаю:

За работою вседенной

Ты негнибает, в помыслах высок,

Здесь,

Укрепив опоры из бетона,

Ему смотрел я долго,
Долго вслед.
В душе рождалось радостное слово
И теплое, как солнечный рассвет.
Быть может, это эпоса начало...
Шуршат листы блокнота на ветру.
И ощутимей будущее стало
И полновесней зазвеневший труд.
Поэт,
Народа малая частица,
Я песню выпускаю на простор,
Чтобы своей работою гордиться,
Как и герой стихов моих — шахтер.

Николай **РОВЕНСКИЙ**

АЛМАЗ ГОРИТ ИЗДАЛЕКА

(Караганда в литературе Казахстана)

I

Любая встреча писателей с читателями во время месячника казахстанской литературы в Караганде заканчивалась пожеланием рабочих лучше и ярче писать о людях труда. Надо ли убеждать писателей в том, что пожелания эти очень обязывающие. Ведь наша республика дает сейчас угля больше, чем вся царская Россия в 1913 году — свыше 30 миллионов тонн.

О том, что литература должна отображать жизнь, знают все. Но часто мы говорим об этом слишком общо, не удосуживаясь поглубже разобраться в том, что такое правда жизни, не умея отличить бытовое правдоподобие от большой правды эпохи.

Тридцать миллионов тонн угля, добытых на глубине трехсот-четырехсот метров, тридцать миллионов тонн, прошедших через умные рабочие руки, тридцать миллионов тонн, концентрирующих в себе волю, разум, совесть шахтеров — вот та правда жизни, которую ждут от писателей требовательные и доброжелательные читатели. Это большая и сложная правда. Чтобы показать ее, нужно знать не только о том, что обушок давно заменили врубовые машины и горные комбайны, что в шахтах установлены мощные вентиляторы для очистки воздуха, что нынешние условия труда шахтера не идут ни в какое сравнение с дореволюционными. Нужно еще видеть и понимать, насколько сложнее стал духовный мир шахтеров, нужно уметь показать их культурный рост, новаторское, творческое отношение к труду, их поистине государственное понимание значения своего дела. Разве не вызывает гордости у писателя-казахстанца тот факт, что многие шахтеры Караганды стали Героями Социалистического Труда, что в бассейне работают тысячи рационализаторов и изобретателей, что, наконец, первый горный комбайн был сделан в Караганде!

Караганда не только добывает уголь, она мыслит, изобретает, экспериментирует, создает стихи, изучает творчество любимых писателей, учится в университетах культуры, любит, страдает от ошибок и неудач. Вот что такое правда о казахстанской кочегарке. И, чтобы показать ее, трудовой энтузиазм литераторов должен быть не менее, если не более высоким, чем энтузиазм шахтеров.

Караганда давно привлекает писателей республики своей суровой историей, своей могучей размашистой современностью. О ней написаны романы и рассказы, драмы и стихи, очерки и публицистические статьи. И когда думаешь о теме рабочего класса в литературе Казахстана, прежде всего вспоминаешь произведения, посвященные Караганде, ее прошлому и настоящему.

Угольные пласты залегают не на одинаковом уровне: они то выходят на поверхность земли, то опускаются в глубокие ее недра. Нечто подобное происходит и в литературе: не все писатели работают на одинаковом уровне. Одних (их большинство) увлекает наша современность, другие ищут свои темы в глубинах истории, чтобы показать современникам истоки явлений, которые составляют ныне основу нашей жизни.

«Пробужденный край» Г. Мусрепова в русской критике пока еще не получил, по-моему, всесторонней оценки. Во время декады казахского искусства и литературы в Москве участники обсуждения, признавая высокие литературные достоинства этого произведения, упрекали автора за подтягивание истории к современности, за улучшение истории, за то, что он не связал события, происходящие в казахской степи с общими историческими процессами. В том же плане написана и рецензия Б. Рунина «Подлинное и условное» («Лит. газета» от 4 апреля 1959 года).

И поскольку эти упреки не вызвали возражения, следует продолжить разговор и кое в чем не согласиться с ними.

Б. Рунин считает «Пробужденный край» романом нраво-описательным, бытовым. Думается, это не совсем так. Для писателя важен не быт сам по себе, его привлекают новые силы, которые разрушают патриархальные бытовые отношения, нормы и привычки. Отсюда явная насмешка по адресу враждующих Игилика и Жумана, юрты которых по обычаю будут обязательно поставлены задом одна к другой; ирония насчет привычки казахов вести неторопливую, многословную речь и бесконечно затягивать решение всякого дела; улыбка по поводу самых длинных в мире казахских приветствий, в ходе которых прощупываются настроения и мысли собеседника; саркастическое замечание о временах аксакальства, когда

молодые на народе не смели и рта открыть при седобородых, хотя дома могли и отколотить этих самых аксакалов и т. п.

Нет, не старый быт привлекает внимание Г. Мусрепова, а приметы грядущих перемен, приметы пробуждения казахской степи от многовекового патриархального застоя. Он видит новое и во внешнем облике степи, и в поведении, и в умонастроении людей.

Полно глубокого исторического смысла решение Игилика снести ханскую гробницу, этот символ феодального уклада. Ему кажется, что отныне он, бай Игилик, познавший блага, приносимые золотом и деньгами, будет господствовать в степи. И ошибается... Потому что по дороге, идущей от Акмолинска в глубь казахских степей, приходят не только деньги и богатство, но и какие-то новые веяния, не понятные даже ему, умному, хитрому, умудренному жизненным опытом Игилику.

Вопреки всяким представлениям о феодальных правилах чести, отказываются продолжать борьбу и братаются богатыри враждующих аулов — Буланбай и Сугурали.

Чтобы не быть в тягость любимой девушке Назыкеш, уходит искалеченный во время барымты Жабай. И это тоже вопреки обычаю, потому что Назыкеш и Жабай были, выражаясь по-русски, помолвлены.

На смену долгим многоречивым рассуждениям приходят такие качества, как деловитость, способность быстро решать заранее обдуманное дело. Кстати этими качествами обладает не только Игилик, но, и пожалуй в большей степени, шахтеры Буланбай и Байшегир, кузнецы Баянды и Жабай и даже тетушка Копей. И недаром же смелое вторжение рабочих Сеита, Жабая, Нартая в дом Игилика, их спокойный независимый вид испортили настроение баю и его жене. «Словно рабочие что-то растоптали своими грубыми сапогами на толстых подошвах». Растоптали страх перед баем, растоптали старые обычаи, основанные на унижении человеческого достоинства бедняка.

Меняются нравы степи, уходит в прошлое кровавая, тупая, беспощадная барымта, этот извечный способ разрешать споры с применением силы. А в шахтах Караганды, у медеплавильных печей Ак-Буйрата рождается новая могучая сила, которой суждено великое будущее — пролетарская солидарность, дружба русских и казахских рабочих.

Трудно согласиться со Ст. Злобиным, который в своем выступлении на декаде упрекал Г. Мусрепова за облегченность в изображении рабочего движения. Писатель показывает, что на пути к солидарности и победе стояли косность феодальных обычаев и отношений, забитость и невежество, религия и

национальные предрассудки. С большим трудом приходилось передовым рабочим преодолевать эти силы. Точным и емким сравнением характеризует Г. Мусрепов душевное состояние вожака казахских шахтеров Буланбая, который хотел добиться поддержки вновь прибывших на шахту аксакалов:

«Не противника видел он перед собой, а какую-то кучу шерсти: ударь кулаком — рука уйдет в нее по самый локоть, а на месте удара и следа не останется».

В тяжелой борьбе с аморфностью, косными обычаями рождается рабочая солидарность в романе «Пробужденный край».

Особенно хорошо чувствуешь широту исторического взгляда писателя в изображении человеческих характеров. О том, насколько полно и ярко показаны в романе казахские характеры, написано много хорошего и справедливого.

Мне, как русскому читателю, хочется подробнее разобраться в образе купца Никона Ушакова.

Ушаков — зачинатель русского капитализма, он еще не порвал связей с трудовым народом, для него открытие новых богатств еще овеяно духом романтики, ему чужды алчность и холодный расчет. Двадцать лет провел он в казахских степях, открывая не только месторождения угля и меди, но познавая жизнь и быт казахского народа, к которому он относится с большим уважением.

Ушаков — человек широких замыслов, он — душевно щедр и чуток. Ему хочется создать для рабочих хорошие условия, по-настоящему поставить свое дело.

Но как бы ни был субъективно честен и обаятелен талантливый русский землепроходец, он не мог противостоять логике истории. Главному члену компании уральскому промышленнику Рязанову не по душе широкий размах купца. Для Рязанова важна прежде всего выгода при наименьших затратах капитала. И Ушаков, боясь потерять компаньона, становится мелочным, отказывается от всех своих обещаний и даже пытается снизить заработную плату рабочим. Вспыхивает забастовка.

Оказавшись между двумя враждебными силами — Рязановым и шахтерами — Ушаков уходит из компании.

Так драматически закончилась деятельность талантливого человека.

В судьбе Ушакова Г. Мусрепову удалось хорошо показать слабость русского капитализма. У него хватило сил проложить дорогу в степь, нащупать ее богатства, но овладеть ими он не сумел. Более сильный, опытный и расчетливый западноевропейский капитал опрокинул замыслы купца Ушакова и нерешительного бая Игилика. Акции Ушакова попадают к ино-

странцу фон-Штейну. Однако иностранная фирма будет теперь иметь дело не только с прибылями и простодушными степными людьми, но и с организованным сопротивлением русских и казахских рабочих.

Степь пробудилась для новой жизни и для борьбы.

С большой силой написаны Г. Мусреповым сцены изнурительного шахтерского труда, бесчеловечные условия жизни в бараках. Кажется, эти сцены не дают повода для двух разных толкований. Смысл их ясен — показать причины революционных выступлений рабочих, силы, формирующие пролетарскую солидарность и дружбу русских и казахских рабочих. И все-таки З. Кедрина решилась назвать роман «Пробужденный край» в числе произведений, раскрывающих творческое отношение к труду!¹

Почему такое случилось с критиком, много лет изучающим казахскую литературу? По незнанию, или от желания сделать комплимент писателю? Но стоит ли ради комплимента приписывать роману то, чего в нем нет и не могло быть по замыслу автора?

В упорной борьбе за свои права шахтеры создают «Карагандинское товарищество русских и казахских рабочих». Появление его убедительно мотивировано и положением рабочих и поведением предпринимателей. В него веришь, это — правда, доказанная художественно. Однако этот момент вызвал наиболее серьезные возражения критиков. Б. Рунин считает его «явной натяжкой, с которой примириться трудно». Но почему? Фольклор, история литературы знают немало случаев смещения хронологии, «уплотнения» исторического материала. Ведь задача художника не в том, чтобы пунктуально воспроизвести хронологию событий, а в том, чтобы передать дух фактов и событий, раскрыть общую историческую тенденцию в развитии народа.

Думается, что немалое значение в изображении прошлого имеет жанр произведения. «Пробужденный край» нельзя считать историческим романом в том смысле, как, например, «Емельян Пугачев» В. Шишкова или «Степан Разин» С. Злобина. Это скорее социально-эпическое повествование. Отсюда — свободное,вольное изображение характеров, смещение, но вовсе не улучшение исторических фактов, «уплотнение» материала, благодаря которому яснее проступил смысл новых социальных отношений, рождавшихся в казахской степи в середине XIX века.

В романе Г. Мусрепова много юмора, скрытой иронии, сарказма. Но бывает, что они переходят в натурализм. Когда

¹ См. журнал «Знамя». № 3, 1960.

я в одном месте читаю, что подбородок старика-бая был похож на кусок курдючного сала, в другом — о том, как байский управляющий схватил тазовую кость с огузком и отвалился от блюда, в третьем — об уряднике, прихлопнувшем муху и вытирающем ладонь о штаны, в четвертом — слышу веселый рассказ Кунзилы о женихах, которые бегали за ней, как кобели в пору собачьей свадьбы и т. п. — меня это коробит. Видимо, ирония этих выражений осталась непереведенной на русский язык. Натуралистические подробности не всегда служат характеристике отрицательных персонажей.

Не обогащает концепцию романа любовная линия Сеит — Назыкеш. Побег преследуемых феодальным обычаем влюбленных стал уже общим местом в казахской литературе. Прямолинейен «символический» сон Ушакова об орле, который схватил добычу не по силам и разбился.

Небрежной кажется мне и редаKTура алма-атинского издания романа. Здесь можно встретить и банальности, вроде «какая-то неведомая сила толкала его в спину», и невразумительное: «в грузной фигуре появилось заметное расположение к полноте», и иволгу вместо таволги, и пародийное «мороз крепчал».

«Пробужденный край» — произведение большого размаха, настоящей литературной культуры, поэтому так остро воспринимаются не только его достоинства и просчеты, но и критические суждения о нем.

//

Караганда — одно из многих чудес, сотворенных советскими людьми в годы первых пятилеток.

В очерке карагандинского писателя Н. Пичугина «Земля немая», рассказывающего о прошлом Казахской кочегарки, можно прочесть такие слова:

«Вокруг лежала застывшая, немая степь, пепельно-бурая, как шкура линяющего весной верблюда, с рыжими лохмами кустарников, с белесыми струпами солончаков. По сторонам синели гряды сопок, словно гребнистые валы окаменевшего моря. . . . Эта степь кажется морем. Человек в ней тонет. Ушел и точно в воду канул. . . . Ни голоса, ни стука. Безмолвны рыжие глухие сопки, безмолвна равнодушная осенняя степь. Только ветер свистит в жестких стеблях, выгоревших за лето».

И в этой степи в тридцатые годы, словно каменный остров, возник настоящий социалистический город. Не потому ли в поэзии Караганда овеяна романтическими интонациями, освещена возвышенным романтическим светом.

Необычная судьба, необычное возникновение города при-

влекает внимание не только поэтов Казахстана. В первом ряду стихов о Караганде стоит восторженная ода большого советского поэта Николая Заболоцкого «Город в степи»:

Какой простор для мысли и труда!
Какая сила дерзости и воли!
Кто, чародей, в необозримом поле
Воздвиг потомству эти города?
Кто выстроил пролеты колоннад,
Кто вылепил гирлянды на фронтонах,
Кто среди степей разбил испепеленных
Фонтанами взрывающийся сад?
А ветер стонет, свищет и гудит,
Рвет вымпела, над башнями играя,
И изваянье Ленина стоит,
В седые степи руку простирая.
И степь пылает на исходе дня,
И тень руки ложится на равнины,
И в честь вождя заводят песнь акыны,
Над инструментом голову склоня.

Ветер, который свистом своим нагонял лишь тоску и уныние, осмыслен поэтом совсем по-иному:

И ветер гонит мглу тысячелетий,
Над Казахстаном крылья распластав.

Немало хороших стихов о Караганде написано поэтом-казахстанцем Николаем Титовым. Эти стихи вошли в его книгу «Шахтерская поступь» (1946 год). В них поэт рассказывает о трудовых подвигах шахтеров в годы Великой Отечественной войны, о шахтерском труде, воспитывающем в людях мужество, волю, особую душевную твердость. И может быть, потому, что в карагандинских стихах Н. Титова также звучат романтические интонации, нас по-прежнему волнуют и «Карагандинский ветерок», и «Шахтерская поступь», и «Нуркен Абдиров», написанные полтора десятилетия назад.

Вторые сутки за окном беснуется
В седой степи взметенная пурга.
Прибоем мутным снег свистит на улице,
Захлестывая зданья — берега.
Над шахтами, крутыми терриконами
Гремят всю могучие ветра,
Но с рокотом, с глухими перезвонами
Идет упорно уголь на-гора.

Карагандинцу Геннадию Иванову его город кажется сказочным Китеж-градом. Только построен он веселыми людьми, и дома его омываются не тяжелой водою озера —

(Дома как бы из озера
На берег поднялись),

а волнами жаркого казахстанского солнца.

Но молодой поэт не только восхищается Карагандой, он страстно влюблен в свой город, он увлеченно и уверенно защищает его от скептиков, которым по душе только те города, где

... веет от улиц столетьями.

Может быть, в споре со скептиками Г. Иванов допускает некоторые передержки, пренебрежительно отзываясь о древней истории, но передержки эти — от веры в большое будущее Караганды

Да, на карте наш город отмечен
До сих пор осторожным курсивом.
Но люблю его крепкие плечи
И людей его души красивые.
Да, проспекты у нас не достроены
И пронизаны степью, ветрами.
Вы о нас не прочтете в истории,
Ведь историю пишем мы сами.
Вот и вкусы поэтому разные.
Вы простите, ловлю вас на слове я:
Вы к истории древней привязаны —
Нам по вкусу история новая.

Г. Иванов с гордостью пишет о богатствах карагандинской земли, применяя и условно-романтические образы (стихотворение «Каражал») и даже, в меру своих возможностей, философскую лирику («Стихи о черном камне»).

Не блеск алмаза,
А черный камень
Пусть будет в сказках,
Пусть будит память!
Ведь солнца это костюм рабочий;
Огня и света он средоточие...
Спасибо людям,
Рукам упорным,
Что к жизни будят
Тот камень черный!

Но как бы ни были возвышенны и романтичны стихи о Караганде, они не могут во всех подробностях показать жизнь, труд, духовный облик шахтеров. И мы невольно обращаемся к надежной и испытанной прозе.

Много интересного о людях Караганды рассказал в свое время Н. Пичугин в книжке «Карагандинские очерки» (1949 год), который долгие годы остается верным карагандинской тематике. Именно поэтому писатель до тонкостей знает шахтерский труд, очерки его по-особому достоверны. Он слышит дыхание лавы, скрежет рештаков и грохот обрушиваемой кровли. Он гордится шахтерской закалкой, потому что любит шахтерский труд, понимает его великое назначение, его романтику и опасность.

Но главная тема «Карагандинских очерков» — творческий труд шахтеров. Рассказывает ли Н. Пичугин о врубмашинисте Л. Н. Тютяеве, или о бригадире проходчиков Петре Акулове, или о молодом электросварщике Александре Жукове, — он всегда подчеркивает прежде всего, их поиски лучших методов работы, их интеллектуальный рост. Особенно любит Н. Пичугин показывать духовное совершенствование казахских рабочих (очерк «Аубакир Алимжанов»).

«Карагандинские очерки» написаны без всяких беллетристических виньеток, они интересны своей деловитостью, точностью деталей и описаний. Но Н. Пичугин — не безразличный описатель, он — человек очень заинтересованный. Приведу одно место из очерка о Петре Акулове:

«Но что делать дальше? Подготовить новый образец скоростной проходки? Перекрыть прежнее достижение? В этом ли дело? Ведь и достигнутое еще не усвоено многими, и большинство проходчиков работает по-старинке. Надо распространять, внедрять уже накопленный опыт. Спускаться в забой, показывать, советовать, помогать».

Это позиция и самого автора, пропагандиста всего нового и передового в труде шахтеров.

Но говоря об этих хороших качествах очерков Н. Пичугина, нужно все же заметить, что шахтеры в них показаны только в условиях производства. О душевной сложности, раздумьях, вкусах, пристрастиях Н. Пичугин попытался рассказать в повести «Зори над городом». Читая повесть, чувствуешь, что работа в жанре очерка во многом пригодилась Н. Пичугину. И не только в том, что многие жизненные ситуации из очерков перешли в повесть. Опыт очеркиста помог автору немногими и точными штрихами воссоздать обобщенный облик города с его особым производственным и людским колоритом, во всем своеобразии его планировки и индустриальных пейзажей.

Столь же краткими штрихами набрасывает Н. Пичугин картину духовной жизни города: никогда не замирающий пульс изобретательской мысли, выступления столичных арти-

стов и московского лектора, читательские конференции, школы, споры молодых казашек о героях Л. Толстого, о пережитках старины, о смысле жизни.

Но, главное внимание писателя привлекает борьба коллектива отстающей шахты за выполнение плана, за свое шахтерское достоинство. Это — сюжет повести. И ведущим его звеном является образ парторга Гали Нуржанова.

Создавая образ казаха, русский писатель всегда идет на известный риск — ведь не так легко уловить и показать своеобразие человека иной национальности. Но Н. Пичугин не стал вдаваться в поиски национальных особенностей. Рисуя образ передового казаха, он подчеркивает то, что роднит его с лучшими советскими людьми, показывает развитие и совершенствование общечеловеческих, а лучше сказать, общесоветских качеств: партийной принципиальности, смелости, честности, умение видеть новое и поддержать его, заботу о людях, жажду знаний. Гали Нуржанов — наиболее удачный образ повести.

Но опыт очеркиста не только помогает, а подчас и мешает Н. Пичугину. Слишком подробно, без всякой эмоциональности рассказывает он об изобретателе Титове. Если в очерке такая деловитость необходима, то в повести она скучна. Не сумел Н. Пичугин избежать и схематизма при изображении личной жизни героев. Мне думается, не всегда удачна композиция повести: производственные сцены совершенно произвольно перебиваются сценами бытовыми, они не объединены единой мыслью. Можно было бы указать и на будничность повествования (тоже от очерка!). В труде шахтеров столько романтики, необычности. Как приподнял бы повесть, скажем, образ посадчика, человека опасной и романтической профессии. Можно было бы указать и на недостаточный яркий язык. Можно... К сожалению, русские писатели Казахстана не создали о Караганде ничего такого, что превосходило бы по своим качествам повесть Н. Пичугина. Поэтому, при всех своих слабостях, «Зори над городом» остаются нашим боевым литературным активом.

Говоря о теме Караганды в литературе Казахстана, просто невозможно не коснуться романа Г. Мусрепова «Караганда». Это произведение, правдиво изображающее социальные сдвиги в казахской степи в начале тридцатых годов, трудности и победы в жизни строителей Караганды, создающее запоминающиеся образы передовых казахов, уже давно полюбилось читателям. О нем написаны многочисленные статьи, о нем рассказано в монографии С. Кирабаева. Мне остается только присоединиться к мнению уважаемых исследователей.

///

Теперь нам пора возвратиться к пожеланию шахтеров больше писать об их жизни и труде. Можем ли мы назвать хоть одно произведение о нынешней Караганде, равноценное по масштабности, по сложности и глубине художественной концепции «Пробужденному краю». Пока нет. Большие произведения появляются не часто. Но тревожит, что нет даже попыток к их созданию.

В самое последнее время появилась пьеса карагандинца Николая Пичугина¹. В ней автор активно выступает против штурмовщины, против «рекордомании» некоторых руководителей, приводящей подчас к трагическим последствиям. Никто не будет осуждать самую идею рекордной выработки, идею трудового подвига. Но условием рекорда должен быть не хамский-бюрократический окрик «давай, давай!», а хорошо продуманная организация труда. Вот главная мысль пьесы, положенная в основу острого, напряженного конфликта. Н. Пичугин создает интересные образы молодых шахтеров, удачно передает трудовую атмосферу шахтерского коллектива.

Это вся художественная литература о Караганде 50-х годов. Ни рассказов, ни повестей, ни, тем более, романов. В основном карагандинская тема осваивается у нас очеркистами, но осваивается пока еще слишком поверхностно.

В книге Алексея Брагина «Казахстанские самоцветы» карагандинцам посвящены четыре очерка. К сожалению, они очень описательны, в них больше эмоций, чем серьезной, деловой публицистики. А по изобразительным средствам они намного бледнее, скажем, яркого, своеобразного по композиции очерка о животноводах Абаевского района «На пастбищах Чингистава». Безусловно, тут очеркисту во многом помогли богатые традиции казахской литературы в изображении жизни аула. Но почему бы не воспользоваться традициями русской публицистики в решении шахтерской темы.

Очерк Олега Мацкевича «Встреча с юностью» написан о верхолазах Казахской Магнитки и об их бригадире Михаиле Сергеевиче Данилине, строившем Магнитогорск. Казалось бы, какой материал для взволнованного рассказа о людях этой романтической профессии! Но очеркист взял, скажем прямо, странную ситуацию: момент, когда бригада пережидала дождь. Ребята скучают, а бригадир произносит перед ними самодовольную и очень нескромную речь:

¹ Пьеса «Шуркино дело» печатается в данном сборнике.

«А слава наша, память о нас, ребята, живут вот в таких домнах, в металле. Добрая слава, крепкая память. На века!»

Якобы этими словами Данилин расшевелил ребят. Не верится. И бригадир не стал бы выражаться в таком высоком стиле, и ребята не стали бы его слушать. Все это придумано очеркистом, придумано наспех и не очень хитро. А так хотелось услышать настоящий, серьезный, острый рассказ об этих боевых, подчас строптивых, но очень хороших ребятах.

Очерки о шахтерах часто пишутся в парадном духе. Хочу оговориться, что парадность не имеет ничего общего с показом положительного в жизни, передовых людей труда. Парадность— это набор общих, громких, ничего не говорящих фраз, вроде вот этой: «Еще раз хлебнув полной грудью свежего ветра, Пшеничников идет к спуску» (О. Мацкевич). А изображение положительного невозможно без серьезного и глубокого анализа фактов действительности, без осмысления трудовых достижений.

А сколько острых проблем в жизни Караганды, требующих активного вмешательства литераторов. Разве вот эти тревожные слова из доклада Д. А. Кунаева на X съезде КП Казахстана не тема для писательских выступлений:

«Угольная промышленность Казахстана имеет низкие качественные показатели, особенно по производительности труда».

Или: «На шахтах Караганды до сих пор не упорядочены вопросы техники безопасности и промышленно-санитарной службы, что приводит к высокому травматизму. Имеются также серьезные недостатки в производственном и бытовом устройстве рабочих на шахтах, что влечет за собой текучесть рабочей силы».

В Караганде существует отделение писателей. В него входят интересные, способные литераторы, уже заявившие о себе хорошими произведениями. Но часто их замыслы слишком далеки от успехов и огорчений шахтерской жизни. А кому как не карагандинцам следовало бы вникнуть в проблемы, названные в отчетном докладе ЦК КП Казахстана.

Сегодняшняя жизнь Караганды невероятно усложнилась по сравнению с периодом, показанным в «Пробужденном крае» Г. Мусрепова. Иными стали труд, духовный облик шахтера, общественные проблемы. И естественно, для воссоздания целостного облика шахтерского города требуются качественно новые, более сложные и обширные концепции. Может быть, одному человеку сделать это не под силу, но пора уже общими усилиями с разных сторон начинать освоение этой темы, пробивать подходы к могучему жизненному пласту.

Мне вспомнились строки Александра Блока:

Угль превращается в алмаз,
Он под киркой трудолюбивой,
Из недр восстав неторопливо,
Предстанет миру напоказ.
Так бей, не знай отдохновенья!
Пусть жила жизни глубока,
Алмаз горит издалека.
Дроби, мой гневный ямб, камня!

Настало время превратить уголь, это воплощение самоотверженного труда шахтеров, в граненые алмазы литературного творчества. Нет для писателя более высокой и почетной задачи, как представить миру напоказ алмазную крепость рабочей гвардии, сплоченной партией во имя достижения великой цели.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Тажибаев. Поэт и жизнь. <i>Перевод А. Алимжанова</i>	3
М. Соломенцев. Сегодня и завтра Карагандинской области	7
Т. Жароков. Лампочка шахтера. <i>Перевод К. Алтайского</i>	20
Огненный поток. <i>Перевод К. Алтайского.</i>	21
Дорога на Темир-Тау. <i>Перевод Н. Титова.</i>	23
Каменщица. <i>Перевод П. Титова</i>	24
Отец сталевара. <i>Перевод П. Титова.</i>	25
На Казахстанской Магнитке. <i>Перевод Л. Скалковского</i>	26
Н. Габдуллин. Семья шахтера. <i>Перевод А. Филиппова</i>	28
Т. Молдагалиев. Черная река. <i>Перевод В. Креницкого</i>	39
Друг инженер. <i>Перевод В. Креницкого.</i>	39
Сказка. <i>Перевод В. Креницкого.</i>	
А. Кошумов. Ночью у Балхаша. <i>Перевод А. Жовтиса</i>	42
Б. Тоғысбаев. Десятый огонек. <i>Перевод А. Филиппова</i>	
А. Скворцов. Гордость	49
М. Алимбаев. Возвращение солдата. <i>Перевод Ф. Моргуна</i>	51
Я знал, что вернусь к тебе. <i>Перевод Ф. Моргуна</i>	51
Генератор в движении. <i>Перевод Ф. Моргуна</i>	52
Буран, мороз и человек в поднебесье. <i>Перевод Г. Борисова</i>	
Министры шахтер. <i>Перевод Г. Борисова</i>	53
Б. Тоғысбаев. Судьба друга. <i>Перевод А. Филиппова</i>	55
М. Хакимжанова. Караганда. <i>Перевод А. Скворцова</i>	58.
Изобретатель. <i>Перевод А. Филиппова</i>	59
Ю. Нестеров. Пласты	63
Высота	63
Н. Пичугин. Шуркино дело	65
Повелитель воды. <i>Перевод Л. Скалковского.</i>	108
Караганде. <i>Перевод А. Елкова.</i>	109
В шахте. <i>Перевод А. Елкова</i>	110
Е. Ибрагим. В Караганде. <i>Перевод Ф. Моргуна</i>	115
Льется сталь. <i>Перевод Ф. Моргуна.</i>	116
М. Бродский. Беспокойный Марат	117
Ж. Омирбеков. Молодчина. <i>Перевод В. Раппопорта</i>	125
Ответ крепильщика. <i>Перевод В. Раппопорта</i>	125
М. Каратаев. Ценнее всех сокровищ	126
А. Хангельдин. Незабываемые дни. <i>Перевод Н. Попова</i>	134
К. Сеглин. Дела и мечты Ивана Лопатюка	144
А. Шамкенов. Спустился в шахту я вчера... <i>Перевод А. Елкова.</i>	148

Сестре Елизавете. <i>Перевод А. Елкова.</i>	149
Город юности. <i>Перевод А. Крючкова</i>	150
З. Танхимович. Друзья встречаются вновь	153
С. Мартыанов. Может быть, это и есть герой?	157
Х. Ергалиев. Возвратившемуся из строя. <i>Перевод Н. Титова.</i>	160
В. Уклеин. Размаха шаги сажени.	163
Г. Орманов. Чугунный пик. <i>Перевод Л. Скалковского</i>	167
Караганде. <i>Перевод Л. Скалковского</i>	167
Спасибо, Казахстан. <i>Перевод А. Скворцова</i>	168
Д. Рябуха. Строитель	170
Дорогой новостроек	171
Впервые	172
Земляку	173
Карагандинские пейзажи	174
Две встречи	175
А. Жумабаев. Рахима узнает жизнь. <i>Перевод Г. Жданова</i>	
М. Балыкин. Тебе доверяет страна	
Рекордные лавы	
А. Алимжанов. Первые казахские доменщики	
А. Брагин. Верхолаз	
Друг молодых	193
И. Шеголихин. «Буревестник» расправляет крылья	197
Ф. Моргун. Юность нераздельна с красотой	200
Комсомольский городок	201
Ш. Муртазаев. Мальчик из долины Джувалы. <i>Перевод А. Филиппова.</i>	102
Н. Душкин. Крылатому дан полет	209
С. Стоянов-Македонский. Вторая домна. <i>Перевод К. Алтайского.</i>	210
Дым. <i>Перевод К. Алтайского</i>	211
Самое главное. <i>Перевод К. Алтайского</i>	212
П. Косенко. Одна судьба	214
Л. Кривошеков. Зависть	220
К. Алтайский, М. Каратаев. Путешествие в будущее	222
Х. Бекхожин. Красуйся город. <i>Перевод А. Елкова</i>	241
Разговор с горняком. <i>Перевод А. Елкова</i>	242
Гордость шахтера. <i>Перевод А. Крючкова.</i>	243
Н. Ровенский. Алмаз горит издалека	

Редакторы **Н. Ровенский, А. Скворцов.**
Художник А. Христолюбов
Худож. редактор **Н. Гаев.**
Техн. редактор **С. Лепесов.**
Корректор **В. Масленникова.**

* * *

Сдано в набор 21/X—1960 г. Изд. № 32.
Подп. к печ. 23/1-1961 г. УГ00206. Бумага
60X92¹/16=16,25 п. л.—(Уч.-изд. л. 13,9)
Тираж 6000 экз. Цена 68 коп.

* * *

г. Алма-Ата. Типография № 1 Главиздата
Министерства культуры КазССР.
Талгарская 2. Заказ 2310.